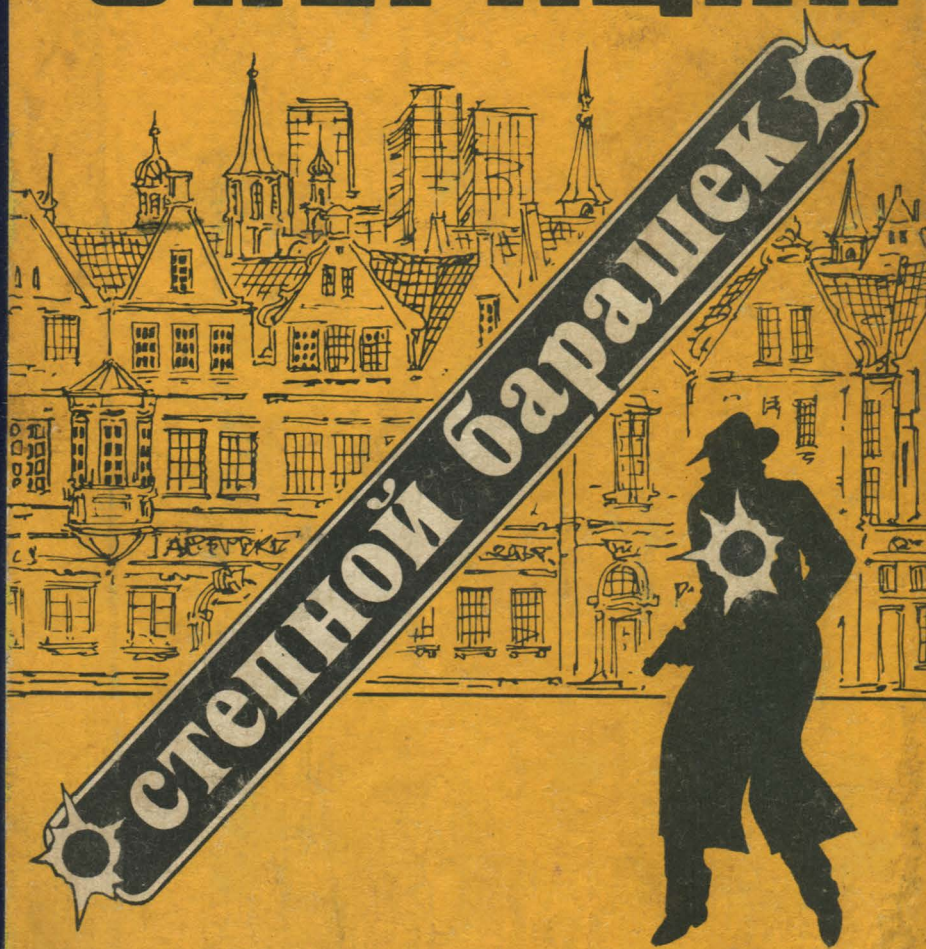

Ганс Зибе ОПЕРАЦИЯ "стешной барашек"

Ганс Зибе

ОПЕРАЦИЯ

Томс Шибс

ОПЕРАЦИЯ

степной барашек

Роман

Перевод с немецкого Ю. ЛЕГКИХ

МОСКВА
ВОЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1987

ББК 84.4 Ге
3-59

HANS SIEBE
UNTERNEHMEN
HEIDSCHNUCKE

MILITARVERLAG
DER DEUTSCHEN
DEMOKRATISCHEN
REPUBLIK

Зибе Г.

З-59 Операция «Степной барашек»: Роман/Пер.
с нем. Ю. Легких. — М.: Воениздат, 1987. — 279 с.

(В пер.): 1 р. 80 к

Действие романа разворачивается на небольшой фабрике в ФРГ, где одному из ее владельцев — профессору Зайдельбаху удается сделать научное открытие, которое сразу же привлекает внимание заправил военно-промышленного комплекса. На основе испытаний нового вещества на степных барашках реваншисты намереваются создать новое оружие массового поражения.

Напряженный сюжет позволяет автору показать противоборство прогрессивных сил и сил реакции, разоблачить агрессивные устремления западногерманских неофашистов и реваншистов.

Книга заинтересует массового читателя.

3 4703000000-071 — 160—87
068(02)—87

ББК 84.4 Ге

© Militärverlag der DDR
Berlin, 1985

Перевод с нем.
© Перевод на русский язык. Воениздат, 1987

1. БЕЛАЯ МОЛНИЯ

Ромер свернул свой «форд» с шоссе на проселочную дорогу, которую проложили через Люнебургскую пустошь еще в тысяча девятьсот четырнадцатом году французские военнопленные. После последней войны по этой дороге ездили настолько редко, что сквозь щели в асфальте не только проросла трава, но даже пробились отдельные коричневые веточки вереска, которые в августе и сентябре покрывались лиловыми цветами.

Солнце слабо просвечивало сквозь утреннюю дымку. Кусты можжевельника, вымахавшие здесь почти в рост человека, были похожи на причудливых гномов, застывших на миг в своем незатейливом танце. На паутине то там, то тут поблескивали серебряные нити росы, а листья на березах оставались свежими.

Ромер посмотрел на себя в зеркальце заднего обзора. Прожитые годы оставили свой след на его лице. Однако гладкий лоб и густая шевелюра производили внушительное впечатление, как бышний раз свидетельствуя о том, что его последняя торговая сделка, в которой он вы-

ступал как представитель фирмы по производству гомеопатических средств, прошла, что называется, на славу.

И вот теперь он ехал для совершения новой сделки, и снова его ожидания невольно смешивались с далекими от действительности желаниями, которым, как он думал, вряд ли суждено было когда-либо осуществиться. Ему уже исполнилось сорок пять лет, а в таком возрасте, как известно, уже поздновато резко менять свою жизнь. Ромер всегда страдал от некоторой раздвоенности и внутренних противоречий: он всю жизнь мечтал об оседлом образе жизни, при котором можно было бы, развалившись в мягком удобном кресле и держа в руках кружку доброго пива, следить за событиями, которые мелькают на экране телевизора. Более того, можно было даже сказать, что он ненавидел любую строго размеренную деятельность, к которой его принуждали обстоятельства, лишавшие его тем самым наслаждения собственным существованием.

Новая работа заставила его даже сменить место жительства. Вполне возможно, что теперь ему придется поселиться в одном из степных селений, названия которых в этих местах удивительно часто оканчиваются на слово «полицейский». Вот и то селение, мимо которого он только что проехал, называется так странно: «Колчедан полицейский».

Неожиданно дорога сделала плавный поворот, обходя стороной молодой хвойный лесок, казавшийся зеленым островком посреди широкой пустоши. Машина миновала деревянный мостик, неподалеку от которого возвышался поросший дроком и можжевельником холм. Вскоре дорога внезапно оборвалась прямо у шлагбаума. Ромер затормозил только тогда, когда радиатор его «форда» чуть было не коснулся полосатого бревна шлагбаума.

Вправо и влево от въезда на территорию фабрики, насколько хватало глаз, тянулся забор из проволоочной сетки, обнесенный тремя рядами колючей проволоки. Сама проволока поблескивала почти как новая, хотя бетонные столбы, к которым она крепилась, казались довольно старыми. На деревянном столбике Ромер увидел табличку с названием фирмы: «Фабрика по производству пиротехнических изделий — Лорхер и Зайдельбах».

Увидев подкатившую к шлагбауму машину, привратник вышел из своей будки и, подойдя к «форду», сначала посмотрел на номер, а затем заковылял обратно. По-

звонив кому-то по телефону, он наконец пропустил машину. При этом Ромеру показалось, что шлагбаум перед ним поднимался как бы с явной неохотой.

Асфальтированная дорога вилась между старых сосен по территории фабрики, строения которой поразили Ромера своими внушительными размерами. В таких помещениях обычно хранят взрывчатые вещества, соблюдая при этом все меры безопасности. Администрация фирмы размещалась в двухэтажном здании, однако привратник повел Ромера не туда, а в какой-то невзрачного вида барак, стоявший немного в стороне.

Родившийся в 1934 году, Ромер, естественно, не мог знать, для каких целей в нацистские времена строили подобные бараки. Однако затхлый воздух, который он вдохнул, идя по скрипучему полу темного коридора, был ему знаком. Дело в том, что почти четыре года он прожил в таком же бараке в лагере при одной тюрьме, где постоянно воняло потом загнанных туда восьмидесяти трех арестованных, парашей и баландой из турнепса. На двери, к которой его подвели, висела табличка с надписью: «Заводская охрана».

Ромер постучался и, войдя в комнату, оказался перед мужичной лет тридцати со светлыми курчавыми волосами, отливавшими медью, который попросил его подойти поближе. И в этот же миг Ромер почувствовал на себе внимательный взгляд голубых глаз, от которого ему стало как-то не по себе. Это был обер-лейтенант Хойслер, начальник заводской охраны.

Фирма «Лорхер и Зайдельбах» помимо изготовления обычных пиротехнических зарядов, используемых во время различного рода фейерверков, начала выпускать еще и гранаты, начиненные слезоточивым газом. Ими обычно вооружали полицейских, а те умело их использовали при разгоне демонстраций и тому подобных шествий. С тех пор поначалу казавшаяся незначительной фирма была включена в число предприятий, выпускающих вооружение и боеприпасы, а те, как известно, располагали специальным штатом вооруженной охраны, вернее говоря, службы военной контрразведки (сокращенно СВК), придаваемой из бундесвера, сотрудники которой хотя и ходили в гражданском, но на самом деле являлись кадровыми военными.

— Господин Ромер! — Эти два слова прозвучали не как вопрос, а, скорее, как утверждение Хойслера, которым он удостоил вошедшего после приветствия.

Ромер кивнул. Согласно новому удостоверению он числился, как и раньше, агентом СВК. Пауля Гертнера — а это были его настоящие имя и фамилия — больше не существовало, и он нисколько не жалел об этом.

На обер-лейтенанте был спортивного покрою костюм, белая рубашка и зеленый галстук. Ромер вспомнил свой разговор в столице земли Н с начальником службы контрразведки. Майор Вольноф, пренебрежительно опустив уголки рта, говорил тогда о том, что вся охрана завода состоит всего-навсего из десяти человек, которые, разумеется, даже не догадываются о том, что их непосредственный начальник является кадровым офицером.

Хойслер размеренными шагами заходил взад и вперед по комнате. Его пружинистая походка и решительные жесты, которыми он как бы подчеркивал свои указания, напомнили Ромеру силачей-атлетов из одной телевизионной рекламы, пропагандировавших экономию энергии; поместить в этот медвежий угол человека с таким складом ума было равносильно наказанию.

Обер-лейтенант Хойслер протянул Ромеру пачку сигарет, предлагая закурить, но тот отказался.

— Спасибо, я курю очень редко и то только сигары, — объяснил он.

— В таком случае, вы настоящий клад для фабрики. Здесь занимаются выпуском пиротехнических изделий, карнавальных петард, а мы не хотим играть с огнем, вернее говоря, со взрывчатыми веществами... Вот уже год, как здесь производят гранаты со слезоточивым газом. Я полагаю, что вас об этом уже проинформировали?

Ромер кивнул, хотя все его познания в этой области сводились в основном к сведениям, которыми его, как агента СВК, снабдили не совсем легальным способом. Согласно этим сведениям, владелец фирмы Лорхер был расчетливым предпринимателем, которому, если верить слухам, принадлежал контрольный пакет акций всей фирмы. Что же касалось второго акционера, доктора Зайдельбаха, то тот, по разговорам, был талантливым химиком и физиком одновременно. Позднее Ромеру стало известно еще и то, что он слыл неплохим ботаником.

Обер-лейтенант рассказал о том, что с того времени, как он прибыл сюда и организовал службу охраны, здесь не было ни одного случая ее нарушения. Более того, Хойслер явился изобретателем так называемой «внутренней зоны безопасности», состоявшей из обнесенной специальной изгородью лаборатории и подземного бун-

кера для производства испытаний, связанных с различного рода взрывами.

— До тех пор пока доктор Зайдельбах не изобрел свою гранату со слезоточивым газом, ни один черт не интересовался петардами и пороховыми хлопучками, которыми люди обычно забавляются только под рождество и Новый год!

Солнце тем временем поднялось выше, и в помещении стало довольно жарко. По собственному опыту Ромер уже знал, что в бараке вообще бывает невыносимо жарко и душно. Хойслер распахнул окошко, чтобы из комнаты вытянуло табачный дым, однако вместо приятного запаха прогретой солнцем степи в помещение ворвались запахи, какими обычно бывает окутано любое химическое предприятие.

Пауль Ромер откинулся на спинку стула и, положив ногу на ногу, придал своему лицу такое выражение, как будто он внимательно слушает все, что ему говорит его новый начальник. А тот уже начал подробно рассказывать, где и чем он занимался до того, как возглавил службу охраны на фирме «Лорхер и Зайдельбах». Откуда же было знать обер-лейтенанту Хойслеру о том, что майор Вольноф уже посвятил Ромера в его будущие обязанности.

Далее Хойслер стал утверждать, что ФРГ является идеальным полигоном для подготовки большого количества шпионов самого широкого профиля, а ее экономика ежегодно несет миллиардные убытки из-за утечки экономической информации, представляющей государственную тайну. Хойслер говорил, что во всех отраслях экономики появились агенты-профессионалы и агенты — самоучки-любители, охотящиеся за инженерной документацией, результатами производства и тому подобным. Преимущественное большинство таких «охотников» отнюдь не находятся на службе у социалистических стран, как это часто подается по официальным каналам, напротив, они действуют по заданию западных конкурирующих фирм и концернов. Целая армия разного рода агентов получила в свое распоряжение огромное количество всевозможных технических средств, от которых все труднее и труднее скрыть производственные тайны.

Ромер чувствовал себя польщенным такой откровенностью и делал вид, что он ловит слова обер-лейтенанта прямо на лету.

— Вам будет довольно трудно установить контакт со

своими будущими коллегами, — проговорил Хойслер, переходя от общих рассуждений к конкретным задачам. — Местные жители — довольно простые люди. Большинство из них имеют лишь начальное образование и поэтому противятся всему новому. Правда, они почти все благонадежны и к своим обязанностям относятся ответственно.

Хойслер умолчал о том, что в случае, если имуществу фирмы «Лорхер и Зайдельбах» будет угрожать серьезная опасность, его люди вряд ли смогут оказать фирме эффективную помощь, так как в их «команду ночных сторожей» набрали в основном тупоголовых субъектов. И лишь Ромер — совсем другой человек. Однако станет ли Ромер преемником обер-лейтенанта — это пока еще остается под вопросом. Правда, Хойслер как бы мельком и со вздохом высказал предположение, что майор Вольноф, возможно, все же примет решение о его откомандировании и, вероятно, назначит на его место Ромера. Начальник охраны и не предполагал, что его мысли на этот счет полностью совпадали с желаниями только что прибывшего нового сотрудника: Ромеру уже мерещилось, что ему очень скоро удастся стать правой рукой Хойслера.

Обер-лейтенант тем временем опустился на стул, стоявший возле письменного стола, и, сунув недокуренную сигарету в пепельницу, продолжал вслух рассуждать:

— Сам факт, что Вольноф прислал вас сюда именно сейчас, отнюдь не случаен. Вам об этом что-нибудь говорили?

Ромера раздражал голос обер-лейтенанта, который говорил неприятным фальцетом. К тому же он отметил про себя, что, говоря о вышестоящем начальнике, Хойслер почему-то не называл его воинского звания. Из одного этого можно было сделать вывод, что сюда Хойслер попал за какое-то упущение по службе, то есть в наказание.

— Я уже думал об этом, — ответил Ромер. — Господин майор Вольноф при разговоре со мной упоминал о том, что Зайдельбах сделал одно замечательное открытие.

— Да, это так и есть, — подтвердил начальник охраны. — С этим же связано и прибытие сегодня утром высокой инспекции.

— Высокой инспекции? — Ромер с любопытством посмотрел на своего шефа.

— Мы ожидаем приезда комиссии из Кобленца, из федерального ведомства по делам военной техники и занятости!.. — И тут же Хойслер начал перечислять целый ряд мер, которые уже были приняты в связи с приездом комиссии: всех женщин, занятых на производстве, временно перебросили на работы по наведению чистоты; стекла в окнах были вымыты до блеска, коридоры тщательно подметены. На площадке, отведенной для стоянки автомашин, красовалась начищенная до ослепительного блеска старая-престарая пожарная машина «Мачирус-Дейц», готовая к действию. На фабричной кухне готовили тушеное мясо, а в один из чуланов, находящихся в «зоне безопасности», загнали добрую дюжину степных барашков.

— Степных барашков? — удивился Ромер.

— А вы разве не знаете? — в свою очередь удивился Хойслер. — В этих местах это самая распространенная порода овец, и самое главное их качество заключается в том, что они очень нетребовательны, как и местные жители. Барашки здесь встречаются белые, коричневые и даже черные... — Обер-лейтенант почти злобно рассмеялся.

Ромер смотрел на Хойслера, а сам думал о том, что ему об этом человеке известно гораздо больше, чем тому кажется.

Обер-лейтенант вместе с неким Горицей снимал в соседнем городке частную квартиру. Горица работал на фирме, занимавшейся вопросами спецзащиты, и одновременно поставлял СВК самые подробные сведения о Хойслере. За одно упущение по службе тому удалось избежать дисциплинарного наказания, но что, спрашивается, может быть хуже, чем ссылка в такую дыру? Наверняка Хойслер не раз проклинал тот день и час, когда его, лейтенанта пехотной роты, послали учиться на спецкурсы.

Обер-лейтенант посмотрел на свои ручные часы. Они показывали половину десятого, а в это время он, по обыкновению, проверял, как его люди несут службу. Прежде чем удалиться, он подал своему новому сотруднику тоненькую папку, порекомендовав внимательно проштудировать скрепленные в ней странички, на которых были коротко изложены основные принципы службы охраны фирмы «Лорхер и Зайдельбах».

Ромер без особой охоты перелистал инструкцию, прислушиваясь к удаляющимся шагам Хойслера, а затем

подошел к окну и увидел, как обер-лейтенант сел на мопед и уехал.

На письменном столе обер-лейтенанта лежал график смены охранников, которые даже не подозревали о том, что они подчинялись военному командованию ВДВ.

Две фотографии, висевшие на стене, имели прямое отношение к сфере личных интересов начальника охраны. На одной из любительских фотографий Хойслер был запечатлен с какой-то темноволосой красавицей на фоне крестьянского дома, причем рука его покоилась на бедре женщины.

Вынув фото из рамки, Ромер повернул его обратной стороной, на которой прочел имя «Гундула» и дату. Второй снимок был сделан явно в фотоателье. На нем была снята молодая дама, у которой были такие же, как и у Хойслера, голубые глаза и светлые волосы, отливающие медью. Дарственная надпись на обратной стороне подтвердила догадку Ромера: «Моему единственному дор. бр. от Коринны», где сокращенное «дор. бр.» можно было расшифровать только как «дорогому брату». Ромер дал бы девушке лет двадцать, не больше, то есть она была лет на десять моложе Хойслера.

Повесив фотографии на прежние места, он просмотрел лежавшие на столе бумаги, оставив без внимания инструкцию по охране фирмы.

Вся лаборатория была заставлена какими-то приборами. Кругом белизна. На одном из трех окошек стояла подставка для цветов с пятью полочками наподобие этажерки, заставленная множеством небольших кактусов. На одном обитом цинком столе лежал толстый фолиант-гербарий.

Доктор Зайдельбах, мужчина лет шестидесяти, держа перед глазами лупу, внимательно рассматривал листок папоротника. На довольно грязном халате доктора не хватало нескольких пуговиц, брюки его были сильно измяты, а про свитер трудно было сказать, какого он цвета.

Старый Вахтель, правая рука совладельца фирмы, заботящийся о том, чтобы в лаборатории всегда было чисто, мыл пробирки для опытов, колбы и затейливо изогнутые соединительные стеклянные трубки прибора для дистиллировки воды. Звон стекла, казалось, несколько не мешал Зайдельбаху заниматься своим гербарием.

Вдруг он поднял голову и прислушался. В коридоре послышались шаги, затем дверь распахнулась, и на пороге показался Лорхер, заполнив своей дородной фигурой почти весь дверной проем. На нем был темный выходной костюм, пуговицы которого, казалось, вот-вот отлетят под напором большого живота. С удивлением он уставился на своего компаньона.

— Герберт! — не сказал, а скорее, простонал он. — Господа приедут с минуты на минуту, а ты тут рассматриваешь свой огород! Когда же ты будешь переодеваться?

Зайдельбах снял очки и вытер глаза.

— Я полагаю, что будет вполне достаточно, если фирму представишь ты один!

— Нет, так делать нельзя, — недовольно возразил Лорхер. — Это не простая встреча: они могут задать деловые вопросы по существу!

— До сих пор ты, дорогой Адольф, превосходно со всем справлялся один, — спокойно заметил Зайдельбах.

— На этот раз разговор пойдет не о «золотом дожде» и не о «сицилийском солнце»! Затеяв большой гешафт, мы пока что стоим в этом деле лишь на одной ноге!

— Стоять на одной ноге очень неудобно, легко можно упасть и разбить себе нос!

— Ну что ты за человек! Стоит тебе только решить какую-нибудь проблему, как она тебя больше уже не интересует. Ты же дал ход теории, которая после расщепления атома...

— Ты всегда все чрезмерно преувеличиваешь, — нервно прервал его Зайдельбах. — Никакое это не открытие и к тому же безо всякой теории... Это всего-навсего случайное открытие и не больше...

— Но и не меньше, — перебил его в свою очередь Лорхер, а затем, повысив голос, продолжал: — В один прекрасный день весь мир заговорит об эффекте Зайдельбаха!

— Весь вопрос заключается в том, как он заговорит! Слава — вещь обоюдоострая. — Тут Зайдельбах замолчал и, немного подумав, процитировал строчку из «Праздника победы» Шиллера: — «Высшей похвалой является все доброе, сделанное в жизни; великое имя живет и тогда, когда тело превратилось в прах...»

— Опять ты со своими цитатами и поговорками, — недовольно заметил Лорхер.

— Неужели ты серьезно думаешь, что я стану гордиться изобретением оружия, которое тебе так и мерещится?

Лорхер с такой силой хлопнул правой рукой по столу, что его компаньон даже вздрогнул.

— Уж если ты несешь такой бред, то в этом случае будет, пожалуй, лучше, если ты не покажешься комиссии на глаза. «Оружие, которое тебе так и мерещится»... Да оно уже существует, а тот, кто захочет иметь его у себя, должен заплатить за него! Правда, еще остается выяснить несколько деталей, и только. И если нам удастся убедить комиссию в том, что...

— Во что я лично не верю. Это же деловые люди, им подавай факты!

— И мы их подадим!

— Я знаю, что ты затеял хитрое представление, но показом своих карманных трюков ты ничего не достигнешь!

Лорхер, казалось, потерял всякое терпение и рассерженно проговорил:

— А ты хоть раз поинтересовался у меня, откуда я беру деньги, которые ты так талантливо пускаешь на ветер? У нас всего-навсего маленькая фирма, а не концерн, который имеет возможность ассигновать миллионы на свои исследовательские работы!

Зайдельбах галантно рассмеялся:

— Совершенно верно! Именно поэтому мы и должны работать совсем не так. Для дальнейших работ по развитию и модернизации гранаты необходимы миллионы! Для этого необходим труд целого коллектива, пойми же это наконец! В наше время новые достижения ни в коей мере не являются успехом одиночек, а всегда плодом коллективных исследований, что возможно только в том случае, если эти работы ведутся с помощью применения самых современных методов и средств!

Лорхер жестом руки как бы отбросил все доводы компаньона в сторону и сказал:

— Это все одни разговоры! Чепуха! Деньги и сейчас творят чудеса! — Лорхер ехидно усмехнулся. — Если бы я в своей жизни так подходил к решению проблем, как это делаешь ты, то...

— Тогда бы ты остался таким же маленьким человечком, каким был твой отец! — тактично перебил его Зайдельбах. — Во всяком случае, ты же не станешь под-

водить коня на базаре к торговцу, а займешься чем-нибудь другим...

Адольф Лорхер так и позеленел от злости: он не любил, когда ему напоминали о том, что его отец в свое время занимался торговлей лошадями, снискав себе на этом поприще отнюдь не добрую славу.

— Во всяком случае, я оказался достаточно пахотивым и добрым, чтобы вытащить тебя из команды, занимающейся обезвреживанием неразорвавшихся снарядов! От этих англичан...

Диалог принимал опасный характер. Зайдельбах отнюдь не был удивлен такой реакцией Лорхера, тем более что он умел вовремя определить критический момент и снять напряжение. Его дипломатические аргументы всегда благотворно действовали на Лорхера. Он напомнил компаньону о том, что вся их фирма начала развиваться благодаря последствиям, вытекавшим из войны. Он обезвредил тысячный по счету неразорвавшийся снаряд, после чего Лорхеру удалось завоевать для себя «черный рынок» в Гамбурге, снабжая его английским пенициллином, получаемым от англичан, которые позднее предоставили Лорхеру лицензию на открытие фабрики по изготовлению пиротехнических устройств. Та огромная сумма, которую тогда получил Лорхер, вряд ли была скоплена от продажи производимой продукции. Зайдельбах догадывался о том, что Лорхер, видимо, подмешивал в пенициллин виноградный сахар, что порой приводило к смертельным исходам.

В этот момент зазвонил телефон. Вахтель взял трубку и, немного послушав, доложил:

— Господин директор (Лорхер любил важные титулы), охранник у ворот говорит, что господа уже прибыли.

Лорхер так и подскочил и растерянно посмотрел на Зайдельбаха, который взял лупу и низко наклонился над своим гербарием.

Шофер остановил «мерседес» возле пожарной машины. Офицеры вышли из нее и осмотрелись, словно ожидая, что к ним подлетят члены специальной комиссии по встрече. Полковника Роля сопровождали двое мужчин в гражданских костюмах, но по их выправке нетрудно было догадаться о том, что все трое были кадровыми военными. Приехавшие лишь мельком взглянули на по-

жарную машину, однако проявили большой интерес к территории, на которой разместилась фабрика.

— Наведенный здесь порядок напоминает мне о казарме, которую привели в образцовое состояние перед приездом командира дивизии! — заметил полковник. — Кругом не видно ни одного солдата. Все словно языком вылизано.

— Согласен с вами, господин полковник, — поддакнул Ролью один из сопровождающих. — У меня сложилось точно такое же впечатление!

Консультант полковника начал подробно докладывать своему шефу все, что ему было известно о фирме «Лорхер и Зайдельбах», обнаружив при этом незаурядные познания. Фирма хотя и не крупная, но занимается разработкой ослепляющей ручной гранаты, которая с большим эффектом может использоваться полицией.

Полковник не стал обольщаться услышанным, считая, что и слепой петух все равно найдет свое зернышко, а это означает, что внешней стороне любого дела не следует придавать большого значения.

Полковник был удивлен тем, как с помощью довольно скромных средств бывший склад боеприпасов, вовсе непригодный для нужд бундесвера, к тому же расположенный довольно далеко от магистральных путей подвоза, можно за короткое время переоборудовать для других целей. Он считал, что земельное правительство в этом отношении явно поторопилось, приняв несколько необдуманное решение. Только русские после окончания войны бросились в спешном порядке выполнять решения Потсдамской конференции, отдав распоряжение о немедленном разрушении в своей зоне оккупации бункеров и других военных инженерных сооружений и объектов.

Полковник Роль повернулся кругом. Его примеру последовали и сопровождавшие его офицеры, чувствуя себя несколько обиженными.

В этот момент к ним, тяжело дыша от быстрой ходьбы, подошел Лорхер. Лицо его покраснело. Он тут же начал было рассыпаться в извинениях, но его остановил жестом Роль, польщенный тем, что глава фирмы, отгадав в нем самого старшего, обратился именно к нему.

Среди прочих талантов, позволивших Лорхеру достичь успехов, был и такой: он мог быстро и безошибочно определять тактику собственного поведения. В дан-

ный момент он считал нужным скромно и тихо держаться на втором плане.

Глава фирмы провел своих гостей в «зону внутренней безопасности», так и не поняв сразу по их бесстрастным лицам, какое впечатление он на них произвел. По дороге в «зону» Лорхер несколько расстроился, заметив, что Зайдельбах так и не позволил вымыть окна в его лаборатории, а дурацкие горшки с кактусами, стоявшие на среднем окне, скорее свидетельствовали о какой-то идиллии, чем о серьезной научной работе, которая ведется за этим окошком.

Загон для степных барашков был, правда, пуст, но из него все равно несло запахом животных.

— Вы решили проводить свой эксперимент на степных барашках? — спросил полковник, повернувшись к Лорхеру.

— Да, да, как договорились, — поспешно ответил Лорхер, в душе считая этот вопрос совершенно напрасным, так как врач-ветеринар, присланный из бундесвера, лично проверил животных, а два его помощника, переодетых в гражданское, с тех пор не спускали с барашков глаз.

Тем временем офицеры спустились в бункер. Здесь царил приятная прохлада. Бетонные стены убежища были выкрашены в белый цвет. Освещалось помещение забранными в сетки электрическими лампами, расположенными вдоль стен на одинаковом расстоянии друг от друга. Слегка пахло плесенью, так как испытания здесь проводились очень редко и Лорхер решил не тратить на установку в бункере дорогостоящего кондиционера.

Полковник шел рядом с Лорхером и пояснял:

— Сообщаю для вашего сведения, что сегодняшние испытания будут проходить под кодом «Степной барашек»!

— Ах так? — удивился Лорхер. — Как я понимаю, у вас подобные мероприятия принято кодировать.

Затем все прошли в специальное помещение, сооруженное в виде полукруглого колпака, из которого они должны были следить за ходом эксперимента. Построено оно было несколько десятков лет назад для нужд нацистского вермахта, имело более чем метровой толщины бетонные стены, сохранившие с полдюжины узких смотровых щелей, перед которыми были установлены оптические приборы, похожие на перископы.

— Я заверяю вас, господа, что, находясь здесь, вы не подвергаетесь ни малейшей опасности, — заявил Лорхер. — С вашими глазами ничего не случится. Эффект Зайдельбаха тем и...

— Мы ознакомились с документацией, — прервал главу фирмы полковник и подошел к одной из смотровых щелей. Сопровождающие начали подгонять оптические приборы по глазам.

Прильнув к приборам, они увидели такую картину. В центре круглого помещения со сводчатым куполом сбилась в кучу дюжина барашков, которые таращились на направленные на них прожектора, словно они находились не где-нибудь, а на манеже цирка, ожидая выхода своего дрессировщика.

Лорхер начал объяснять офицерам технику проведения испытаний. В зоне взрыва за специальным бронированным стеклом будут установлены кинокамеры, которые заснимут ход испытаний, а позже, когда кинопленка будет обработана, ее пропустят через реле времени. Говоря все это, Лорхер даже не подумал о том, каким смешным он может показаться господам офицерам, которые привыкли иметь дело с самой современной техникой, а не с музейными экспонатами фирмы «Лорхер и Зайдельбах».

— С отправкой животных все улажено? — поинтересовался полковник Роль.

Лорхер заверил его, что машины для перевозки барашков в ветеринарную клинику бундесвера стоят наготове.

Господа офицеры, одетые легко, ежились от холода, и лишь одному Лорхеру было жарко — он то и дело вытирал пот с лица носовым платком. Он подошел к металлическому ящику с рубильником — своеобразному подрывному устройству. Однако не успел он положить руку на рубильник, как дверь в бункер отворилась и вошел Зайдельбах.

Офицеры словно по команде повернулись к нему. Увидев, что его компаньон переоделся в чистый халат, Лорхер с облегчением вздохнул. Вид у Зайдельбаха был довольно комичный: халат был застегнут не на те пуговицы. Растерянно он пробормотал свою фамилию, но, видимо, понравился полковнику, которому и до этого приходилось встречаться с чудаками-учеными.

Лорхер же не был уверен в том, что неожиданный приход Зайдельбаха окажет благотворное влияние на

членов комиссии. Кто его знает, зачем он сюда явился — только попристутствовать при испытаниях или же выкинуть что-нибудь неожиданное? От Зайдельбаха всего можно ожидать!

— Прошу вас, господин доктор, вот сюда! — Лорхер любезно предложил компаньону место у оптического прибора, решив, что на людях ему лучше всего обращаться с ним строго официально.

Однако Зайдельбах проигнорировал это предложение и, махнув рукой, подошел к одному из двух свободных приборов слежения, сдвинул очки на лоб и начал подгонять оптику по глазам.

— Господа, прошу вас занять свои места! — просительно произнес Лорхер и, будто на стартовой площадке по запуску межконтинентальной ракеты, начал важно отсчитывать: — Четыре, три, два, один... Пуск! — Произнес последнее слово, он повернул рукоятку рубильника книзу.

И в тот же миг словно яркая белая молния осветила весь бункер. Она ослепила всех наблюдающих, хотя все оптические приборы и были заблаговременно снабжены затемненными светофильтрами.

Офицеры затаили дыхание, ожидая, что сейчас произойдет сильный взрыв. Однако они не услышали звука взрыва: видимо, его полностью поглотили толстые, бетонные стены сооружения.

Степные барашки стояли, тесно сбившись в кучу. У некоторых были широко разинуты рты, а бока то поднимались, то опускались, но их блеяния тоже не было слышно.

Полковник отстранился от своего прибора. Его примеру последовали и двое офицеров, лишь один Зайдельбах продолжал наблюдать за животными.

— Прошу вас минутку подождать, — сказал Лорхер. — Поведение животных, которые будут к вам отправлены, сейчас резко изменится.

Все вернулись к своим смотровым щелям. Помимо горевших двух прожекторов были включены еще два. Они залили купольное помещение таким ярким светом, что на стенах его стали отчетливо видны многочисленные трещины.

— Попрошу вас обратить внимание на то, как теперь поведут себя животные, — предложил глава фирмы.

В этот момент в бункер вошел мужчина с собакой.

Спустив пса с поводка, он что-то сказал ему, о чем можно было догадаться лишь по движению губ, так как звука его голоса не было слышно. Собака — тоже беззвучно — залаяла.

Овцы, вместо того чтобы сбиться в кучу, как они обычно это делают, если им угрожает опасность, начали разбегаться во все стороны, не обращая никакого внимания на своего вожака, и стали бросаться на бетонные стены загона, а стукнувшись о них, падали на пол. Так повторялось несколько раз.

— Прекратите эту ужасную игру! — приказал полковник Роль и отвернулся от прибора.

Лорхер тем временем подошел к микрофону переговорного устройства и кому-то приказал погрузить животных и увезти. Затем он повернулся к полковнику и сказал:

— Вы видели, что все животные ослепли!

— Это покажут исследования, — как-то равнодушно ответил ему Роль. — Ваши ослепляющие гранаты поражают зрительный нерв самое большее на пятнадцать секунд, — как бы обосновал он свою мысль, — таким образом...

— Все животные полностью слепы, — перебил полковника Зайдельбах тоном, не терпящим возражения, — и в такой степени, что вернуть им зрение уже невозможно!

Полковник направился к выходу и быстрыми шагами вышел из холодного бункера наружу. Вслед за ним шли его офицеры, позади — Лорхер и Зайдельбах.

Как только они вышли из бункера, сразу же оказались под жаркими лучами солнца. Почувствовав, что их зрение нисколько не пострадало, и кусты дрока по-прежнему, как и до спуска в бункер, цветут желтыми цветами, а трава по-прежнему зеленая, они с облегчением вздохнули, радуясь возможности погреться на солнышке.

Лорхер повернулся к Зайдельбаху и сказал:

— Возможно, господа интересуются кое-какими деталями?

Не успел доктор ничего ответить на этот вопрос, как полковник сделал отрицательный жест рукой и сказал:

— В документации все изложено довольно подробно. Наша «экскурсия» к вам преследовала сугубо практическую цель. Окончательное заключение о результатах проведенных испытаний может быть сделано только

после получения нами заключения ветеринарной службы! — И, повернувшись к Зайдельбаху, полковник добавил: — Я надеюсь, вам хорошо известно, какие надежды мы возлагаем на ваши эксперименты.

Зайдельбах задумчиво посмотрел на полковника и проговорил:

— Эффект ослепления однажды абсорбируется; любое действие вызывает противодействие. О фантастических перспективах дальнейшего усовершенствования гранаты вам лучше меня расскажет господин Лорхер! Извините меня, мне нужно идти! Всего хорошего!

Уходя, доктор Зайдельбах не стал пожимать руки членам комиссии, а лишь по-дружески помахал им и сразу же направился в свою лабораторию. Лорхер проводил его рассерженным взглядом. Не хватало только того, чтобы Зайдельбах пренебрежительно отнесся к комиссии. Стараясь как-то сгладить неприятное впечатление о своем ученом компаньоне, Лорхер любезно предложил господам офицерам закусить у него в кабинете.

Полковник был настолько любезен, что не отказался от предложения. Войдя в кабинет главы фирмы, все устроились в удобных креслах. Кабинет был обставлен массивной мебелью в стиле барокко.

Лорхер чувствовал себя несколько скованно, так как господа офицеры держались почти официально. Они похвалили красоту степного ландшафта, сказав, что из-за одного этого стоило проделать столь долгий путь. Лорхер невольно подумал о том, что виновником столь натянутой обстановки является сам полковник Роль, который считал своих сопровождающих значительно ниже себя. Не обращая внимания на то, что Зайдельбах бросил его, так сказать, на произвол судьбы, Лорхер все же решил не упустить возможности подчеркнуть эпикальное значение нового вида оружия.

Преодолев некоторую неловкость, Адольф Лорхер нарисовал картину боевого использования только что испытанной им ослепляющей гранаты, не жалея при этом ярких красок. С помощью новых гранат вермахт сможет в считанные минуты превратить десятки и сотни тысяч солдат противника, находящихся еще в собственном расположении, в беспомощных слепцов. Войдя в раж, Лорхер изобразил прямо-таки фантастические сцены апокалипсиса всеобщей слепоты.

Однако, глядя на гостей, нельзя было точно определить, сколь внимательно слушали они смелые разгла-

гольствования Лорхера. Оба офицера не сводили глаз с полковника, стараясь угадать его мнение на этот счет. А сам полковник Роль упрямо молчал, вертя с задумчивым видом рюмку с коньяком. Оба офицера делали то же самое.

— Несмотря на то ужасное впечатление, какое может оставить поначалу действие этого оружия, — продолжал Лорхер, — следует все же признать, что оно является самым гуманным во всем мире! — И, не услышав никаких возражений, как бы подвел итог сказанному: — Противник останется жив! Да и зачем его убивать? Как известно, слепые не могут стрелять!

Полковник пригубил рюмку и посмотрел в окошко на раскачиваемые ветром вершины сосен, а потом обратился к главе фирмы с таким вопросом, что тот в первый момент даже не поверил собственным ушам:

— Скажите, господин Лорхер, а правда ли, что местные пчелы пожирают мед вместе с сотами? Или же это всего-навсего пустые слухи?

2. «ПОСЕЙДОН»

Загородный дом, построенный в английском стиле, густо зарос плющом и выглядел как-то отрешенно, явно выпадая из общего вида местных построек. Построил его еще в двадцатых годах один из акционеров металлургической промышленности на берегу озера, на южном склоне холма, поросшего лесом. Позднее в нем жил нацистский гауляйтер, а в годы войны находился какой-то штаб. В самом конце войны особняк сгорел, а его оставшиеся строения долгое время служили опорным пунктом по борьбе с эпидемиями.

Однако в конце пятидесятых годов среди местных дельцов нашелся покупатель, который пожелал приобрести эти развалины, разумеется, вместе с земельным участком, перешедшим в собственность местной общины, для организации на нем парусного клуба «Посейдон». Устроители клуба, являющиеся почитателями парусного спорта, охотно умножали свои ряды за счет всех тех, кого по знатности или же богатству можно было бы отнести к высшему кругу общества.

Основатель клуба, банкир, видимо, не только был знаком с древнегреческой мифологией, но еще и обладал чувством юмора, приписав Посейдону, богу морей,

способность сотрясать твердь и вызывать бурю с помощью ударов своего трезубца.

Однако представители элиты — толстосумы, ученые, промышленники и военные в больших званиях — ни в каком трезубце не нуждались. Их вполне устраивало владение пакетом акций, и уж совсем трагикомично выглядел сам основатель клуба, когда он стал очередной жертвой биржевой игры.

Два десятка разноцветных зонтиков от солнца, установленных на террасе особняка, в значительной степени смягчали почти монастырскую строгость постройки. От столика к столику сновали подавальщицы в белоснежных наколках.

Отсюда лестница вела к причалу, где на воде раскачивались затянутые брезентовыми чехлами лодки, а на серо-свинцовой глади озера на фоне темного леса плыли белые яхты. На мостках, расположенных на противоположном берегу озера, на маленьком складном стульчике сидел одинокий «рыболов», который следил не столько за поплавком своей удочки, сколько за террасой клуба «Посейдон». Из его походной сумки виднелся радиопередатчик. Вот «рыболов» наклонился к нему и, нажав на одну из кнопок, произнес:

— Слушаю.

— Он уже приехал! — послышалось из аппарата.

— Хорошо. Начинайте! — распорядился «рыболов».

Капитан Венцель входил в штат сотрудников земельной службы военной контрразведки, главой которой был майор Вольноф. Майор был бы очень удивлен, если бы кто-нибудь доложил ему о том, что один из его офицеров лично ведет наблюдение за парусным клубом «Посейдон», за которым майор приказал следить совсем другим лицам.

Капитан Венцель совершенно случайно узнал о том, что федеральное ведомство по военной технике в Кобленце занимается подслушиванием. В отделе полковника Роля как-то заговорили об операции под кодовым названием «Степной барашек». В обязанности спецслужбы ВДВ не входило разоблачение секретных мероприятий, проводимых федеральным ведомством, однако после целого ряда скандальных случаев подкупа и взяточничества офицерам контрразведки было дано право решать кое-какие вопросы самостоятельно. Операция «Степной барашек» заинтересовала капитана Венцеля тогда, когда эти два загадочных слова появились в за-

писной книжке майора Вольнофа, хотя ни на одном из официальных совещаний или же разборов о ней ни разу не заходила речь. Решение познакомиться со «Степным барашком» у капитана Венцеля окончательно созрело тогда, когда майор Вольноф в своем блокноте возле слов «Степной барашек» написал большими буквами «ВОМА» и поставил знак вопроса, не обмолвившись об этом ни словом и на этот раз.

Не один час провел Венцель в своем архиве, изучая документы, имеющие отношение к концерну «ВОМА», занимающемуся выпуском вооружения. Этот концерн принадлежал к числу самых крупных производителей оружия в ФРГ и имел свою долю в фирме «Хеклер и Прох» в Хоендорфе, поставляющей ручное огнестрельное оружие и пулеметы, в фирмах «Стегман» и «Хасель», занятых выпуском бронированных боевых машин, а также в фирме «Миль КГ, Вейнберг», выпускающей помимо гусениц для танков и боеприпасов различного рода взрыватели.

Проанализировав все сведения, капитан Венцель пришел к выводу, что под кодовым названием «Степной барашек» скрывается какая-то операция военно-технической фирмы, занимающейся выпуском боеприпасов, так как сам полковник Роль отвечал именно за эту отрасль вооружения. Что же именно скрывается за этим названием — об этом вряд ли знали даже в самом концерне «ВОМА»: знак вопроса говорил о том, что концерн «охотился» за информацией, касающейся этой операции.

Упорное молчание майора Вольнофа об этой загадочной операции еще больше утвердило капитана Венцеля в предположении, что майор намеревался частным порядком «стричь овец». Любая тайна, независимо от того, к какому роду она относилась, вызывала у Венцеля невероятный шпионский зуд. С настоящей страстью он решил самостоятельно разгадать эту загадку.

Майор Вольноф и словом не обмолвился о том, что операция по подслушиванию имеет хоть какое-то отношение к операции «Степной барашек», напротив, он даже пытался убедить всех в том, что приказ на проведение подслушивания исходит от генерала в отставке Гарольда фон Венгена, являющегося партнером Роля.

Операция была тщательно подготовлена. Эту подготовку Вольноф целиком возложил на капитана Венцеля, который и на этот раз не обошелся без помощи сотрудника Пауля Гертнера, действовавшего под псевдонимом

Ромер. Хотя тот был почему-то несимпатичен капитану, однако вполне подходил для того, чтобы оказать необходимое давление на старшего официанта клуба «Посейдон». СВК нашла средство заставить Пауля Гертнера заняться этой грязной работой.

Венцель насадил на крючок приманку в виде хлебного катыша, так как брать в руки червей и сажать их на крючок он просто брезговал; он надеялся, что ни одна рыба все равно не позарится на его приманку.

Капитан Венцель никак не мог понять, почему майор Вольноф заслал Ромера в эту пустошь. Для этого могло быть только две причины: либо Ромер мог больше разузнать об этом деле, либо (и это казалось более вероятным) он должен был скоро сменить обер-лейтенанта Хойслера. Эта мысль вызвала у Венцеля чувство злорадства. Он завидовал обер-лейтенанту в том, что тот смог вложить сто тысяч марок на приобретение собственной квартиры. А теперь Вольноф намекнул, что все аферы Хойслера с Горицей были якобы раскрыты.

Фон Венген, о прибытии которого в клуб «Посейдон» капитану только что доложили по радию, два с половиной года назад ушел в отставку и с тех пор получал пенсию в четыре тысячи марок. Однако это его, видимо, не устраивало, так как сразу же после демобилизации он поступил на должность военного советника в концерн по выпуску вооружения «БОМА», который ежемесячно выплачивал отставному генералу пять тысяч марок.

Гарольд фон Венген был заядлым яхтсменом и вот уже десять лет являлся активным членом клуба «Посейдон». Однако сегодня он кататься на своей яхте вовсе не собирался, так как условился встретиться с полковником Ролем, а атмосфера клуба казалась ему самой подходящей для такой встречи.

Капитан Венцель встал со своего стульчика. Помост застонал под его ногами. С озера веял легкий ветерок. Венцель бросил взгляд на свои часы. С момента его приезда сюда прошло семь минут. Нагнувшись к своей сумке, он переключил радию на прием.

Водитель черного «мерседеса», припарковавшегося в зоне видимости от «Посейдона», по радию доложил о приезде фон Венгена и тотчас же получил указание выполнять ранее полученный приказ. Фельдфебель был в гражданском костюме спортивного покроя. Он положил

бинокль в футляр и завел мотор. Машина бесшумно со-
рвалась с места и, проехав десять километров, остано-
вилась возле телефонной будки.

Вестибюль клуба «Посейдон» был пуст: все члены
клуба и их гости находились на террасе или же в своих
лодках скользили по глади озера; в бильярдной гоняли
шары всего несколько игроков.

Старший официант Буссе сидел в кресле перед ка-
мином, рассматривая копию картины Рубенса, на кото-
рой был изображен бог морей Посейдон. Буссе любил
это облицованное деревом помещение, обставленное
старомодной мягкой мебелью, обитой натуральной ко-
жей, с дорогими пушистыми коврами на полу. Он чув-
ствовал себя владельцем прекрасного замка, великоле-
пием которого всегда наслаждался; он видел себя не в
смокинге, а во фраке с белой «бабочкой».

Перед тем как получить должность в «Посейдоне»,
Буссе долгое время работал в богатых домах, о чем сви-
детельствовали его приятные манеры, несколько похо-
жие на женские, которые он тщетно пытался скрывать.
Своего служебного апогея он достиг только в пятьдесят
лет, ввня в этом не столько свои несчастливые способ-
ности, сколько свой чересчур высокий рост: важные го-
сти обычно не любят смотреть снизу вверх на подчинен-
ных им людей.

Увидев вошедшего в зал фон Венгена, Буссе встал и,
галантно раскланиваясь, пошел ему навстречу.

— Добрый день, господин генерал!

— Добрый день, дорогой Буссе! — ответил ему фон
Венген, которому льстило, что его называли генералом. —
Все в порядке?

Буссе подтвердил.

— Вы резервировали для меня голубую гостиную? —
поинтересовался генерал.

— Разумеется.

Члены клуба имели право пользоваться для своих
встреч особыми кабинетами или же гостиными.

Генерал тем временем прошел на террасу, сопровож-
даемый взглядами дам, которые видели в нем завидного
женыха, вовсе не похожего на генерала в отставке. Га-
рольд фон Венген был среднего роста, строен, а его се-
дая шевелюра и очки в золотой оправе делали его по-
хожим на профессора университета. Фон Венген га-
лантно поцеловал руку довольно дородной дамы, которая

владела несколькими супермаркетами и зиму обычно проводила на Барбадосе.

В служебном помещении, где размещалось различное оборудование, зазвонил телефон. К аппарату подошла одна из официанток и, послушав, сказала:

— Просят вас, господин Буссе!

Буссе кивнул, предчувствуя что-то неприятное, опасаясь услышать в трубке мягкий, этаким пасторальный голос. Несколько секунд он молча держал трубку у уха, а затем наконец произнес:

— Буссе.

— Личной персоной?

Буссе с облегчением вздохнул: это был не тот голос, которого он так боялся.

— Да, это я, — произнес после паузы Буссе.

— Гарольд фон Венген курит сигары! — послышалось в трубке.

Буссе глубоко вздохнул, пытаясь представить себе человека, который тоном, не терпящим возражений, произнес условный пароль.

— Вы меня поняли?! — в самом вопросе послышались нотки угрозы.

— Простите, как?.. — пролепетал Буссе. — Ах, да! Да, да, разумеется!

В аппарате послышался щелчок — трубку положили. Это был тот самый человек, с которым Буссе встречался в парке и который представился ему как сотрудник научно-исследовательского института по изучению рынка сбыта, в обязанности которого входило изучать так называемые «факторы агрессивного рынка». На заданный Буссе вопрос «сотрудник», ехидно улыбаясь, довольно цинично заявил о том, что изучение «агрессивного рынка», собственно говоря, есть не что иное, как экономический шпионаж. Буссе поначалу наотрез отказался оказывать ему какую бы то ни было помощь в поставке интересующей того информации... Буссе положил трубку на рычаг. На лбу у него выступили крупные капли пота, а в памяти воскресла та жуткая сцена, когда незнакомец достал и выложил перед ним несколько фотографий размером восемнадцать на двадцать четыре сантиметра. Стоило только Буссе мельком взглянуть на них, как все так и поплыло у него перед глазами.

От охватившего его тогда ужаса ему стало плохо. На тех фотографиях он был запечатлен в собственных апартаментах, на приобретение которых ушла добрая

половина его доходов, в таких «видах», что лучше бы ему их не видеть никогда...

От одного воспоминания об этом ноги у Буссе стали какими-то ватными, и, чтобы не упасть, он поскорее присел на стоявшую рядом табуретку. Из головы никак не выходила ужасная сцена, а в ушах все еще звучал слащавый голос пезнакомца, в котором все же слышалась угроза: «Это уж не говоря об уголовных последствиях! Да, да, мой дорогой! Ваше положение — швах! Итак: либо вы помогаете мне, либо я рассылаю дюжину этих фотографий по почте кому надо!»

И вот сегодня он, Буссе, должен будет сделать то, о чем просил незнакомец. У Буссе закружилась голова, и он начал судорожно хватать ртом воздух.

— Вам плохо?.. — спросила его официантка, наклонившись над ним.

— Спасибо, мне уже лучше!..

Взяв себя в руки, Буссе словно на деревянных ногах направился к служебной лестнице. Узкая и неудобная, она вела в служебные помещения, находившиеся на чердаке. Буссе медленно поднимался по лестнице, размышляя над тем, что же ему теперь делать; страх и беспомощность смешались со злобой... Разумеется, шантанжист с приятным голосом отнюдь не является злодеем-одиночкой: за ним, конечно, стоят другие. Подобным образом сильные мира сего довольно часто получают интересующую их информацию.

— Гарольд фон Венген курит сигары! — еле слышно прошептал Буссе.

«Любопытно, почему этот кто-то так заинтересовался отставным генералом? Вряд ли тот имеет отношение к секретной информации...» Буссе начал припоминать случайно услышанные обрывки фраз. Он вспомнил, как в одном из разговоров упоминался концерн «ВОМА», в котором сотрудничал бывший генерал, а сам концерн стоял близко к федеральному ведомству. Да и цвета красного вина «мерседес», на котором ездил фон Венген, также принадлежал «ВОМА».

Буссе открыл дверь своей комнатки и, подойдя к окошку, посмотрел вниз, на террасу и на гладь озера, по которому скользили лодки членов «Посейдона». А на противоположном берегу озера на мостках сидел какой-то одинокий рыбак.

«Нет, я этого не сделаю, — подумал Буссе. — Не желаю — и все!» Но его решимость тут же померкла: «Но

ведь незнакомец с приятным голосом или же тот, что звонил мне сегодня по телефону, шутить не станут. Они начнут действовать...» Одна мысль о том, что злополучные фото будут кому-то показаны, вызвала у Буссе досаду, злобу и стыд одновременно.

Однако вновь охвативший его страх все же сделал свое дело. Буссе достал из закрытого шкафчика одну из бронзовых массивных пепельниц; таких пепельниц, которые сам Буссе находил ужасными, руководство яхт-клуба в свое время заказало тридцать штук. Пепельница походила на скалу в море, на которой, словно на троне, важно восседал Посейдон со своим неизменным трезубцем. Две недели назад одну из таких пепельниц Буссе собственноручно передал незнакомцу с приятным голосом, а через два дня получил ее обратно. С помощью вращения трезубца включался микрофон миниатюрной радиации, радиус действия которой достигал одного километра.

Крепко прижав к себе пепельницу, Буссе поспешно спустился на первый этаж и бесшумно прошел по ковру, разостланному в коридоре. Войдя в голубую гостиную, он поставил пепельницу на стол и, повернув трезубец в положение «Включено», тихо прошептал:

— Раз, два, три, четыре, пять!..

Этим он дал знать незнакомцу, который перехватывал передачу, что начинается очередной радиосеанс. Другую пепельницу Буссе убрал со стола. Пока он нес ее к себе в комнату, его снова бросило в жар. Вопреки своему обыкновению не пить никаких алкогольных напитков на заходе солнца, на этот раз он почувствовал неодолимую потребность выпить рюмку коньяка.

Спустя несколько минут военный консультант концерна «ВОМА» генерал в отставке фон Венген провел своего гостя в голубую гостиную, где заказал по телефону две чашечки кофе и бутылку шотландского виски, которого не было в свободной продаже. Гость, полковник Роль, был в светлом чесучовом костюме. Роль про себя отметил, что золотистый жилет его бывшего командира батальона был на этот раз слишком ярким. Оба расположились в глубоких креслах у окна, откуда открывался прекрасный вид на озеро. Полковник Роль охотнее расположился бы на террасе, но он догадывался, что фон Венген отнюдь не случайно предложил ему посидеть в гостиной.

— Здесь нам никто не помешает, дорогой Роль, — проговорил генерал, словно угадав мысли полковника.

Однако в этот момент в комнату вошла официантка, неся на подносе виски и кофе. Мужчины раскурили по сигаре из портсигара генерала, и Роль по достоинству оценил качество табака. Полковник наслаждался тем, что в предстоящем разговоре ему отводилась пассивная роль. Он, разумеется, догадывался, что его бывший командир пригласил его в «Посейдон» совсем не для того, чтобы они вспомнили свое прошлое.

Разговор начался именно так, как и предполагал Роль. Сначала отставной генерал рассказал несколько историй из жизни казино, потом вскользь упомянул о маневрах давнего прошлого, а уж затем заставил полковника подтвердить, что, когда он был еще подполковником, то лучшего начальника для Роля не могло и быть.

— А вы помните, дорогой Роль, как вовремя я помог получить вам звание майора — незадолго до моего перевода на новое место?

Роль кивнул, хотя он уже давно забыл об этом. Фон Венген же старался произвести на своего собеседника приятное впечатление.

Когда бутылка виски оказалась опустошенной наполовину, а кончики сигар уже лежали в пепельнице, официантка принесла горячий кофе. Лицо генерала раскраснелось. Роль обычно пил редко и потому только пригубливал свою рюмку.

— Сколько вам лет, дорогой Роль? Подождите-ка, да вам уже за пятьдесят, не так ли?

Этот вопрос несколько ошеломил полковника. Он согласно кивнул:

— Пятьдесят пять!

— Значит, еще пять лет осталось служить, — пояснил генерал как бы самому себе.

Роль насторожился, соображая, с какой бы это стати фон Венгена заинтересовало, сколько ему осталось служить до ухода в отставку. Значит, генерал имел на него какие-то виды.

— А чем вы займетесь после этого? — с этими словами генерал протянул полковнику свой портсигар.

Роль выбрал на этот раз сигару со светлой наклейкой.

— После этого? Как я должен вас понимать?

— Для кого-то пять лет могут тянуться долго, но

для вас, я думаю, они пролетят быстро. Вот мы всегда так: пока мы молоды, что-то откладываем на более позднее время, а когда настает это время, то, смотришь, подчас кое-что уже миновало, а достичь чего-то уже просто невозможно, поскольку упущено время!

Полковник Роль кивнул, решив дожидаться, когда его бывший командир выразит свою мысль более конкретно.

Генерал же отпил глоток виски и сказал:

— Пять лет я еще как-нибудь пробуду на службе концерна «ВОМА»!

Роль хорошо знал, как хорошо там платили. Ему были известны точные суммы, которые промышленники выплачивали своим военным советникам из числа офицеров и генералов, ушедших в отставку.

Фон Венген, поняв, что Роль уже уловил, куда он клонит, продолжал:

— За два года до своей отставки я уже имел предварительное предложение от концерна!

«Уж не намерен ли генерал сделать меня своим премиником?» — мелькнула мысль у Роля.

— А теперь давайте говорить без обиняков: через пять лет моя должность станет вакантной, если верховный главнокомандующий, — тут фон Венген ткнул пальцем в небо, — еще до этого не отдаст мне свой последний приказ и не призовет меня к себе. Я уже предложил концерну «ВОМА» вашу кандидатуру на случай моего ухода от них. Условия точно такие же! Должен сказать, что мое предложение принято к сведению!

Роль был удивлен логичностью суждений генерала. Он представил себе, как полетит вниз кое-кто из высоких чинов, и это его несколько насторожило.

— Я считаю пока преждевременным, господин фон Венген, говорить сейчас по данному вопросу.

— Мое предложение, мой дорогой, вас ни к чему не обязывает. — Генерал бросил внимательный взгляд на своего собеседника, чувствуя, что должное впечатление он на него все же произвел.

— Мне хорошо известно, — продолжал фон Венген, — что бульварная пресса в искаженном виде преподносит читателям информацию о деятельности военных советников, однако давайте не будем забывать и о том, что все наши старания направляются на укрепление оборонной мощи государства! Желаете еще виски?

— Благодарю вас, нет! — Роль, словно защищаясь, поднял обе руки вверх.

— Например, как мне кажется, сейчас торгаши с мелочными душонками хотят решать очень серьезные вопросы: производить или не производить нам новые виды вооружения!

Взгляд полковника стал более внимательным.

— Вы имеете в виду какой-нибудь конкретный случай?

— Да, разумеется, оружие с ослепляющим эффектом, над которым в настоящее время работают на маленькой фирме в Люнебургской пустоши.

— «Лорхер и Зайдельбах»?

Фон Венген кивнул. Роль же, спохватившись, мысленно ругал себя на чем свет стоит за то, что так быстро дал провести себя этому хитрому лису. Еще полчаса назад он был уверен в том, что ни за что на свете не проговорится и не назовет фирмы. И вот на тебе! Предложение должности военного советника в концерне «ВОМА» придуло его бдительность.

— Господин генерал, а вы можете дать мне честное слово, что такое предложение последует? — спросил полковник.

— Мой дорогой Роль! — воскликнул генерал. — Даю вам честное слово! — С этими словами он протянул полковнику руку.

— Благодарю вас! — Роль пожал руку фон Венгена.

Генерал наполнил хрустальные рюмки, и они чокнулись.

— Выходит, вы в курсе операции «Степной барашек»? — спросил полковник.

— Да, я знаю о ней, — признался фон Венген.

Генерал умолчал о том, что информацию об этом он получил от начальника СВК майора Вольнофа, который, со своей стороны, чувствовал себя обязанным держать концерн в курсе событий, поскольку сам в известной степени был от него в зависимости: майор хотел устроить туда на работу своего сына — химика.

— Испытания прошли вполне успешно, — объяснил Роль. — Все барашки, подвергавшиеся эксперименту, ослепли! У них был поврежден зрительный нерв!

— Вот как! — проговорил генерал. — Это еще больше укрепит нас в наших намерениях по отношению к делам фирмы «Лорхер и Зайдельбах», с которыми мы могли бы кооперироваться. Что вы скажете по этому поводу?

— Прежде чем приступить к производству, необходимо провести еще целую серию испытаний, и желатель-

но на местности! А для того чтобы поместить ослепляющее вещество в гранату или же снаряд, необходимо затратить не один миллион... В этом-то и вся загвоздка!

— Выходит, что министр должен субсидировать это дело, не так ли?

— Фирма пока что серьезно на это не рассчитывает.

— Выходит, что фирма «Лорхер и Зайдельбах» пока что не получает никаких субсидий от федерального ведомства?

— Так оно и есть! За мясо для этого бульона мы, конечно, заплатим, но не за сам горшок, в котором он будет готовиться!

Фон Венгена словно пружиной выбросило из кресла, и он стал быстро ходить от стола к окну и обратно. Образное сравнение Роля понравилось генералу.

— Вы назвали это горшком, дорогой Роль? Но для него необходима хорошая кухня, и этой кухней может и будет концерн «ВОМА»!

Полковник закивал, а затем сказал:

— Я полагаю, что если новое оружие будет создано, то, попав в «ВОМА», оно окажется в надежных руках.

Поплавок на воде неистово затанцевал, то скрываясь под водой, то снова появляясь на ее поверхности: какая-то рыба польстилась на странную наживку. На лице Венцеля появилось недовольное выражение: ему нужно было снять добычу с крючка, что далось ему не без труда. Он с облегчением вздохнул только тогда, когда пойманная рыбка плюхнулась в его сумку.

А из радиации все еще доносился какой-то непонятный шум, хотя разговор, кажется, закончился. Фон Венген и полковник Роль уже вышли из гостиной. Венцель выключил свою радиацию, собрал рыболовные принадлежности и пошел к своей служебной машине.

Он поехал в ту часть старого города, которая в годы второй мировой войны чудом не пострадала от бомбардировок американской авиации.

Остановился он перед большим зданием из красного кирпича, подвал и первые два этажа которого занимало городское управление по строительству, а третий этаж находился в распоряжении службы, которая не афишировала себя табличками.

Венцель нажал на потайную кнопку возле двери на третьем этаже. Рабочее время давно закончилось, но в

случае необходимости здесь работали даже по ночам, предварительно наглухо зашторив окна.

Дежурный офицер открыл Венцелю дверь. Они обменялись скупым приветствием. Кабинет Венцеля находился в самом конце коридора возле рабочей комнаты майора Вольнофа, от которой его отделяла небольшая приемная. Венцель набрал шифр и вошел в свой кабинет. Напечатав на машинке короткое донесение, он вместе с пленкой вложил его в специальный конверт и, пройдя в кабинет майора Вольнофа, положил конверт на письменный стол.

Венцель был хорошо знаком с твердыми, подчас написанными законами промышленников по выпуску вооружения. И раз генерал фон Венген заявил, что концерн «ВОМА» намерен скооперироваться с фирмой «Лорхер и Зайдельбах», а полковник Роль в конце секретной беседы сказал, что в «ВОМА» новое оружие будет в надежных руках, то это значило, что маленькая, слабая в финансовом отношении фирма начнет скоро процветать!

Капитан Венцель знал, где майор Вольноф хранил свою заветную записную книжку. Найдя ее между папок, он полистал и раскрыл ее на странице, где слова «результаты исследований» соседствовали со словами «Степной барашек», а рядом стоял вопросительный знак.

Венцель даже присвистнул от удивления. Теперь ему стало понятно, почему Вольноф решил организовать подслушивание. Полковник Роль принимал участие в испытаниях! Как он сказал о них? «Все барашки ослепли». Вот и выходит, что его, Венцеля, предположение, что Вольноф не прочь «постричь своих овечек», оказалось верным.

Венцель не надеялся, что ему после демобилизации из армии удастся подыскать для себя теплое местечко, как это сделал Гарольд фон Венген, который, по-видимому, добился покровительства одного из богатых клиентов еще в ходе выполнения одной из многочисленных секретных операций. А уж они-то могут защитить и самого благодетеля, и его состояние, вовремя предотвратив и кражу, и пожар, и подслушивание! И в таком положении достаточно сделать небольшой шажок, чтобы при благоприятных условиях извлечь выгоду и для себя.

Судя по всему, Вольноф, действуя против фирмы «Лорхер и Зайдельбах», решил погреть руки на операции «Степной барашек». Иначе как же можно объяснить то, что он направил в охрану фирмы такого агента, как Ро-

мер? Это может дать кое-какие шансы тем, кто станет драться на стороне обиженной фирмы.

Бытащив из кармана лупу, Венцель внимательно осмотрел через нее выдвижной ящик письменного стола майора и скоро обнаружил маленький волосок, искусно приклеенный к пазу. Капитан ухмыльнулся: выходит, Вольноф все-таки не доверяет ему.

Закрыв кабинеты, Венцель пожелал дежурному офицеру — молодому еще лейтенанту — доброй ночи и вышел.

«Опель» целый день простоял на солнцепеке, и потому, когда Венцель открыл дверцу машины и сел за руль, на него пахнуло жаром.

Капитан вместе со своей матерью жил в частном доме недалеко от аэродрома. Мать Венцеля, неразговорчивая старуха, десять лет назад похоронила мужа, но, так и не оправившись от этой потери, жила теперь только интересами сына и религиозной секты, в которой она состояла.

Герхарду Венцелю было тридцать пять лет. Он был трижды женат, но каждый раз, прожив с женой совсем немного, разводился. Теперь капитан решил навсегда остаться холостым.

Венцель намеревался провести этот вечер дома, за телевизором, но, посмотрев футбольный матч, он внезапно переменил свое намерение. На вопрос матери, не уедет ли он еще куда-нибудь, ответил:

— Да, по делу!

Сев в машину, Венцель приехал на Берлинер-плац и, поставив «опель» в крытый гараж, пошел по дорожке для пешеходов. Мысленно он уговаривал себя не ходить сегодня к Мариэтте, хотя одновременно чувствовал, что на самом деле только убивает время, чтобы попасть к певичке к ее последнему выступлению.

Около одиннадцати он вошел в бар «Венера».

Швейцар Мангер, бывший боксер-тяжеловес, любезно раскланялся перед завсегдатаем бара, сунув в карман поданную ему десятку. В гардеробе было довольно свободно — посетителей в баре было немного.

Венцель слегка отодвинул занавеску и заглянул в неярко освещенный зал, в котором стояли два десятка небольших столиков, половина которых укрылась в уютных нишах. Над стойкой бара горели хромированные светильники, однако из десяти высоких стульчиков занято было только четыре. Бармен, меланхолично улыбаясь, готовил коктейли.

На крохотной сцене играло трио. Мариэтта пела какую-то сентиментальную песенку, а аккомпанирующий ей пианист смотрел на нее жадным взглядом. В душе у Венцеля зашевелилась ревность. Мариэтта была очень привлекательной. Черные волосы, собранные на затылке в пучок, делали ее экзотичной, вполне подходящей для песенки, которую она исполняла с нарочито иностранным акцентом. Днем она работала в парикмахерском салоне, но собиралась вскоре сменить эту профессию.

Герхард Венцель прошел через маленькую, почти незаметную дверь, расположенную рядом с гардеробом. Мангер умышленно покинул свое место, и Герхард беспрепятственно протиснулся через узкий коридорчик в артистическую уборную Мариэтты.

В крохотном помещении на стене висело большое зеркало, перед которым с трудом устанавливался пуфик. Пахло пудрой, духами Мариэтты и сладковатым запахом табака.

Музыка из бара доносилась сюда приглушенно. Когда она кончилась, послышались жидкие аплодисменты. В коридоре застучали каблучки Мариэтты, и она сама появилась на пороге.

— Ты?! — удивилась она, застыв на месте. — Я думала, что ты сегодня занят! Или, быть может, ты решил меня проконтролировать?

— Это вместо приветствия? — спросил он, притягивая девушку к себе.

— Пусти, я должна переодеться, — она энергично высвободилась из объятий. — У меня еще один выход.

— У тебя что-нибудь было с вашим пианистом? — спросил Венцель и, не получив ответа, добавил: — Это его окурки?

Мариэтта повернулась к нему спиной и спустила с плеч платье. Герхард в зеркале видел ее грудь. Мысль о том, что она вот в таком же виде показывается и пианисту, взбесила его.

Мариэтта тем временем проскользнула в блестящее серебряного цвета платье.

— Иногда мне в голову приходит мысль о том, что ты никакой не инженер: уж больно ты во все суешь свой нос. Неужели ты не понимаешь, что Феликс мой босс, он сделал из меня певицу! Ты против этого что-нибудь имеешь?..

— Если ты делаешь свою карьеру в постели, то да! — сухо оборвал он ее, но тут же почувствовал, что зашел

слишком далеко. Желая как-то смягчить свою резкость, он достал бумажник (Мариэтта искоса наблюдала за его движениями) и, отсчитав пять банкнот по сто марок, сунул их ей в разрез платья на груди со словами: — Купи себе что-нибудь красивое!

Девушка посмотрела на него с благодарностью и, обвив шею руками, поцеловала, прошептав какие-то ласковые слова. Такие всплески темперамента Мариэтты всегда удивляли Герхарда и одновременно волновали.

— Что ты скажешь, если мы вдвоем проведем две недели на Ибизе?

— Ты это серьезно? — Девушка с недоверием уставилась на него. — Это же будет стоить безумных денег!

— Я поймал на крючок золотую рыбку, — сказал он. — Я, можно сказать, являюсь соучастником одного открытия!

— Это правда? — Мариэтта обожгла его взглядом.

И в тот же миг дверь уборной распахнулась, и на пороге появился пианист.

— А это тот самый Феликс с золотыми руками, о котором я тебе только что рассказывала, а это мой друг Герхард, — с этими словами Мариэтта дотронулась до лба Венцеля и неестественно рассмеялась.

Феликс не спеша протянул руку, чтобы пожать руку Венцеля, который с такой силой стиснул ее, будто это была рука заклятого врага. Пианист изменился в лице и воскликнул:

— Вы с ума сошли! Этак вы переломаете мне все пальцы!..

— Герхард, дорогой, ты сделал ему больно, — испуганно зашептала Мариэтта на ухо Венцелю.

Венцель выпустил руку пианиста и так улыбнулся, что Феликс должен был воспринять его улыбку как серьезное предупреждение.

3. МАРИОНЕТКИ

Марионетками обычно называют кукол в кукольном театре, которых приводят в движение с помощью специальных веревочек. Однако бывают еще и своеобразные марионеточные пирамиды, состоящие из людей. На самом верху такой пирамиды восседает марионеточный король, который держит в своих руках нити, с помощью которых двигаются его подчиненные — тоже марионетки; те

же в свою очередь тоже дергают за нити марионеток поменьше рангом, и так до самого низа.

Майор Вольноф сам был марионеткой в подобной марионеточной иерархии, хотя он и старался не быть орудием, которым пользовался генерал фон Венген, военный советник концерна «ВОМА». Однако пустыми иллюзиями Вольноф себя не тешил. С тех пор как генерал пристроил его сына на хорошую должность в одну из лабораторий «ВОМА», майор чувствовал себя обязанным фон Венгену.

Генерал попросил Вольнофа встретиться с ним. И вот майор, приехав на эту встречу, остановил свой «БМВ» перед двухэтажной виллой, расположенной на одной из пригородных улиц Кобленца.

Особнячок выглядел ухоженным. Он был обнесен оградой, низ которой был из красного гранита, а верх состоял из ажурной железной решетки. Цветник и ухоженный газон перед домом оставляли приятное впечатление.

Вольноф вылез из машины и осмотрелся. На одной из гранитных колонн у входа красовалась вывеска, говорящая о том, что здесь помещается адвокатское бюро, а чуть выше, на хромированной пластинке, было вырезано «Гарольд фон Венген».

Не успел Вольноф нажать на кнопку звонка, как калитка автоматически распахнулась перед ним. Точно так же, словно по движению невидимой руки, раскрылась и входная дверь.

Из прихожей на второй этаж вела мраморная лестница, устланная красной ковровой дорожкой. На стенах красовались щиты и копья, а между ними висели темные картины явно африканского происхождения. По-видимому, вся обстановка виллы была взята напрокат, так как в досье на Гарольда фон Венгена говорилось о том, что в течение трех месяцев он пробыл в Америке, где был на сборах офицеров генштабов, а позже по делам службы объехал все страны — участницы НАТО, однако в Африке никогда не бывал.

Фрау Грайлин, бесцветная, худая и такая высокая женщина, что фон Венген смотрел на нее задрав голову, встретила Вольнофа в приемной.

Фон Венген в этот момент с кем-то разговаривал по телефону. Вольноф сел в кресло. Комната была обставлена явно по-спартански, генерал терпеть не мог целевой

мебели, похожей на ту, какой обычно обставляли кабинеты в войсках.

Фрау Трайлин стала что-то печатать на электрической машинке.

Одна половишка двухстворчатой двери была открыта. Фон Венген оказался на пороге. На нем был чесучовый костюм и голубой свитер. В левой руке он держал трубку, от которой вился сизый дымок. На переносице у генерала виднелась красная полоска — он только что снял очки.

— Рад вас видеть, господин Вольноф! — генерал протянул руку.

Вольноф пожал руку и слегка поклонился, словно он был не в гражданском костюме, а в военной форме.

— Я тоже, господин генерал! — произнес майор, идя за хозяином в кабинет.

Кабинет в отличие от приемной был обставлен шикарной мебелью в стиле начала нынешнего столетия. Стены его на высоту человеческого роста были облицованы деревом, а выше оклеены натуральной кожей. Оба окна выходили в сад с декоративными деревьями. Ковер и гардины сочетались друг с другом по цвету, создавая очень приятное впечатление.

— Вина? — фон Венген бросил вопросительный взгляд на гостя.

— Благодарю!

Холодильник удачно вписывался между книжными полками. Фон Венген бросил в хрустальные бокалы по кусочку льда, и они чокнулись.

Из-за массивного письменного стола с резными львами, на котором лежало множество книг с закладками и какими-то выписками, хрупкой фигуры генерала почти не было видно. Вольноф невольно вспомнил свою первую встречу с фон Венгеном, которая произошла два года назад в одном из бюро в Дюссельдорфе. Тогда в федеральном бюро по военной технике и снабжению был вскрыт случай крупного взяточничества: один полковник, осужденный к лишению свободы и денежному штрафу, отделался условным наказанием. Косвенно в это дело оказался замешан и фон Венген, который не имел о нем представления, но Вольноф выручил его.

Вольноф удивился, что генерал не предложил ему сесть, а, подойдя к стене, нажал на невидимую кнопку. И в тот же миг одна из полок с книгами бесшумно при-

шла в движение, открыв вход в комнату без окон с минимумом мебели, освещенную неярким светом.

— Прощу в мою исповедальню! — пошутил фон Венген.

Они вошли в кабинет, в котором стоял узкий стол и две обтянутые кожей скамьи у стенки. Здесь можно было собрать шесть человек. Вольноф сел к столу, а фон Венген расположился напротив. Дверь тем временем бесшумно закрылась.

— Гарантирую от любого подслушивания, — объяснил генерал.

Вольноф признательно кивнул. «ВОМА» не жадничает. Фирма действительно создавала своим сотрудникам оптимальные условия для работы. Майор слышал уже о том, что «ВОМА» не жалела баснословных сумм на оборудование специальных помещений для проведения секретных совещаний, на которых невозможно было ничего подслушать, более того, такие помещения можно было даже транспортировать в любое место.

— Когда полтора года назад я запеленговал третью по счету подслушивающую установку, «ВОМА» сразу же оборудовала мне эту маленькую исповедальню! — сказал генерал.

— Вы запеленговали подслушивающую установку, господин генерал? Разрешите поинтересоваться, каким образом?

— С помощью пеленгатора, конечно. А они, как известно, действуют точно так же, как и сама установка!

— А вы знаете, что этим самым вы совершили преступление?

— Я?! Извольте шутить? — изумился генерал.

— Отнюдь нет, — сказал Вольноф. — Закоп о дальней связи 1928 года запрещает пользование передатчиками, с помощью которых можно запеленговать радио. Вы, господин генерал, рискуете попасть в тюрьму!

— А тот, кто устанавливает подслушивающий элемент, не наказуем?

— Так оно и есть. Об этом вы можете прочесть в любом каталоге радиолюбителей: «мини-шпионов» производят, их разрешают продавать и покупать, разумеется, с каким-то обоснованием, что они будут использованы исключительно для дружеских шуток и розыгрышей! Ежегодно у нас в стране снимается до двухсот тысяч таких устройств. По нашим сведениям, в стране действу-

ет до полумиллиона всевозможных подслушивающих устройств!

Фон Венген заметил, что до сих пор он считал эту цифру сильно завышенной.

— Это далеко не так, — заверил его Вольноф.

И тут он невольно вспомнил о некоем Горице, друге обер-лейтенанта Хойслера. Это был не агент-одиночка, а компаньон фирмы «Спецхрана», которую сокращенно называли «СО». Организатором этой фирмы стал бывший криминал-директор федерального уголовного ведомства в Висбадене некто Бройер, обещавший своим клиентам такую аппаратуру, которая начисто исключала возможность каких бы то ни было подслушиваний. Большинство сотрудников Бройера были бывшие разведчики и талантливые техники, которые ставили своим клиентам самую совершенную аппаратуру, надежно защищающую от самых изощренных подслушивающих аппаратов и устройств.

Генерал показал пальцем на матовую стену, на которой не было видно ни одного шва, отчего казалось, что ты находишься в специальной коробке для торта, и объяснил, что отсюда невозможно установить какую бы то ни было акустическую связь с внешним миром и что даже с фрау Грайлин он может связаться лишь с помощью световой сигнализации.

— Господин Вольноф, «ВОМА» благодарит вас! Ваш сын за действительно короткий срок разработал очень сложный материал.

Вольноф сделал вид, что очень обрадован этим, а на самом деле насторожился еще больше. Уж не потребуют ли от него за эту похвалу какой-нибудь услуги? И тут он невольно вспомнил о пленке, которую достал ему капитан Венцель. Интересно, почему Венцель сам занялся оперативной работой? Фон Венген ловко обвел вокруг пальца полковника Роля. Но его, Вольнофа, ему подобным образом не провести. Вольноф даже не представлял, что его уверенность в себе продержится лишь пять минут.

— Сначала я хотел бы выполнить одну приятную обязанность, — проговорил фон Венген. — «ВОМА» всегда признательна за помощь, это, так сказать, один из основных принципов фирмы. Ваше сообщение о том, что полковник Роль как-то связан с проектом «Степной барашек», оказало нам очень ценную услугу!

«Как тесно он связал себя с «ВОМА», — подумал Вольноф, а вслух сказал:

— Прошу вас, господин генерал, мой сын...

— Я знаю, знаю, дорогой Вольноф, — перебил его фон Венген. — Я ваш должник за инцидент, произошедший еще два года назад!

Вольноф сделал жест великодушия.

— Здесь мы полностью согласны с нашим великим Гете, который в одном из своих стихотворений сказал, что если ты хочешь что-то получить, то надо сначала дать!

Вольноф ожидал чего-то очень приятного, а фон Венген поднял бокал с виски и заметил, что лед уже растаял и виски стало теплым.

Выдвинув ящик стола, генерал достал из него пакет и, протянув майору, сказал:

— Здесь двадцать тысяч марок! Я вас поздравляю!

Майор Вольноф, сощуриль глаза, уставился на коричневый пакет. Он испытывал противоречивые чувства: и обиду, что его рассматривают как обычного платного агента, и в то же время радость, что ему дают столь крупную сумму.

— Банкноты мелкие, вручаются безо всякой бюрократии и расписки!

Взгляд Вольнофа сверлил пакет; ему казалось, что он видит двадцатки и пятидесятки, которые принадлежат ему, стоит только взять их. Тут он невольно подумал о том, что конец любого месяца всегда напоминал ему о том, что заработанных им денег все же не хватает. Вроде бы и дети уже отделились и не сидят на шее, но его супруга да и он сам давно привыкли жить на широкую ногу, наслаждаясь жизнью, делая дорогие покупки, часто путешествуя. Он уже давно отказался от старого принципа: сначала скопить деньги, а уж потом тратить их. Теперь он часто действовал наоборот. Да и стоит ли чего-то ждать? Сначала можно купить, а уж позже заплатить, разумеется, вместе с процентами! Банки охотно предоставляют крупные кредиты, за которые ежемесячно нужно платить огромные проценты.

Вряд ли фон Венген поймет его, если он не возьмет этих денег. Да и почему бы не взять? Со «Степным барашком» он на самом деле не промахнулся, к тому же «ВОМА» никому и никогда задаром денег не дает! Он же всего лишь получает за свои услуги. А взяв эти

деньги, он мигом расплатится со всеми долгами... Вольноф взял пакет и коротко проговорил:

— Благодарю!

Мысль о том, что эту сумму ему вручили не только за уже оказанную им услугу, но и авансом за будущую помощь, пришла майору в голову только тогда, когда фон Венген снова заговорил.

— Нацеливание на «Степного барашка» — это был лишь первый серьезный шаг, — пояснил генерал, — а вместе с этим возникли и новые проблемы!

— Если мне позволительно заметить, господин генерал, то «ВОМА» приобрела лакомый кусочек. Полковник Роль не скрывал того, что все барашки ослепли... — Этим самым майор хотел как бы подчеркнуть свою осведомленность на этот счет.

Фон Венген сделал было вид, что он удивлен, однако жестом остановил майора и сказал:

— Дело намного упрощается, раз вы в курсе всего. Тогда давайте говорить открыто.

— Да, пожалуйста!

— Итак, ближе к делу! Лорхер тщетно пытался получить кредит на сумму в два миллиона.

— Ничего удивительного в этом нет.

— Разумеется, так как «ВОМА» имеет вес в банковских кругах. — Вольноф понимающе улыбнулся: именно так и функционирует рыночный механизм. — Дорогой Вольноф, мы очень уважаем и ценим СВК, но свое назначение мы видим отнюдь не в том, чтобы размениваться по мелочам!

— Разумеется, — поспешно согласился майор, разделяя мнение генерала относительно того, что офицеров, откомандированных для ведения охранной службы, можно было бы более эффективно использовать где-нибудь в другом месте.

— Речь идет о более серьезном, о защите интересов нашего фатерланда! Так вот, господин Вольноф, чтобы между нами не было ничего непонятного или же понятого превратно, я заявляю вам о том, что лично я не являюсь сторонником стратегии классической обороны! Лично я понимаю оборону как возможность первым нанести упреждающий удар, и нанести его совершенно неожиданно, с эффектом и, разумеется, таким оружием, которым располагаем только мы!

Вольноф почувствовал, как холодные глаза генерала

впились в него. Это понравилось майору, он понимающе кивнул, а затем заметил:

— Вы имеете в виду нанесение упреждающего удара атомным оружием?

— Нечто иное, — возразил фон Венген каким-то скучным тоном, но тут же в его голосе послышалось преисполнение: — Я не являюсь сторонником такой болтовни: «Кто стреляет первым, умирает вторым». Мы должны использовать, Вольноф, эффект внезапности!

Неожиданно от восторженности фон Венгена не осталось и следа — она вышла из него, как выходит воздух из лопнувшего мяча.

— Давайте перейдем ближе к делу, — произнес генерал совершенно другим тоном.

Вольноф кивнул.

— Что произойдет, если Лорхеру так и не удастся получить желаемых кредитов? — спросил фон Венген.

Вольнофу не понравился поучительный тон, которым заговорил с ним генерал, и потому он решил напомнить ему о реальной почве.

— Вы же сами дали понять полковнику Ролю, что «ВОМА» готова скооперироваться с фирмой «Лорхер и Зайдельбах»!

Гарольд фон Венген удивленно посмотрел на своего собеседника, а потом спросил:

— Вы подслушиваете мои телефонные разговоры? Я и не знал, что когда я... — Тут генерал внезапно замолчал и изумленно уставился на майора. — Тем лучше, раз уж вы в курсе дела. Лорхер отклонил наше предложение о совместной работе!

Вольноф нашел это вполне естественным, однако ничего не сказал, прекрасно понимая, что кооперирование с «ВОМА» было бы равносильно тому, что степного барашка заперли бы в одной клетке с голодным волком.

— Что произойдет, — повторил фон Венген, — если дойная корова Лорхера станет давать средства по капле? Тогда Лорхер достанет деньги на международном финансовом рынке!

Майор Вольноф темного подумал и сказал:

— Любой кредитор хочет знать, во что именно он вкладывает свои средства, а это означает, что Лорхер будет вынужден выдать тайну создания ослепляющего оружия!

— Так оно и есть. — Фон Венген кивнул и, нахмутив брови, заметил: — Давайте не будем ходить кругом да

около. Лорхер клонет на того, кто даст ему деньги, а их он возьмет даже от русских!

— Вы полагаете, что он продаст в розницу свое новое оружие даже противнику?

Отставной генерал мрачно кивнул, выпил остатки виски из бокала и как бы заключил:

— Мы должны сделать так, чтобы этого не произошло, камерад Вольноф!

— Каким образом? Это же невозможно!

И тут фон Венген заговорил так быстро, будто речь шла о чем-то второстепенном:

— Существует лишь один способ воспрепятствовать тому, чтобы новое оружие не попало в руки нашего потенциального противника. Это оружие заблаговременно необходимо вырвать из рук фирмы «Лорхер и Зайдельбах»!

— И вложить в надежные руки концерна «ВОМА»? — Вольноф с усмешкой посмотрел на генерала.

Лицо фон Венгена залила краска. Замечание майора, которое он явно заимствовал, несколько изменив, разозлило его. «Этот тип не знает границ!» — мысленно решил фон Венген.

— Как вы себе это представляете, господин генерал? — спросил майор. — Вы всерьез считаете, что СВК должна работать на «ВОМА»?

— Она уже давно делает это, — сухо констатировал фон Венген. — Конечно, это касается не всей службы, а отдельных ее офицеров! Какая разница? В данный момент необходимо довести проект «Степного барашка» до полной кондиции, а тут, как я погляжу, палицо прямо-таки идеальный случай, когда интересы всех участников совпадают!

— За исключением самой фирмы, — заметил Вольноф.

— Что вы говорите?!

Фон Венген снова выдвинул ящик стола и выпул из него такой же пакет, как и раньше, только пообъемней, и положил его перед собой.

Вольноф почувствовал, как от охватившей его радости кровь прилила к голове. И, словно оправдываясь, он проговорил:

— Так уж получается, господин генерал: чем меньше фирма, тем больше угроза ее безопасности!

Фон Венген кивнул:

— Вот сто тысяч на все расходы! И они будут у вас.

Эта сумма освободит вас от конфликта с собственной совестью, когда вы вынуждены будете прибегать к использованию некоторых служебных средств! Никакого отчета мы от вас не потребуем. Каким образом вы станете благодарить своих помощников — дело ваше! Мой вам совет: только не скупитесь! В случае успеха получите еще столько же, нечто вроде премии! — С этими словами генерал пододвинул пакет к Вольнофу, как бы ставя этим свою подпись под соглашением.

— Прошу вас, конкретизируйте задание! — попросил майор.

— Нам известно, что имеются, так сказать, прототипы такого же оружия. Все они сейчас находятся в стадии разработки. Ваша задача заключается в том, чтобы узнать, где именно они имеются. Для вас это будет не очень трудно. Если и они попадут в руки «ВОМА», задание будет выполнено. Обеспечьте полную секретность, в особенности, если что-то пойдет не так, как нужно...

— Я понимаю, — сказал Вольноф, убирая оба пакета в свой «дипломат».

Оба вышли из секретного кабинета, фон Венген проводил гостя до двери.

— Желаю вам и нам успеха, дорогой камерад Вольноф!

Фон Венген похлопал майора по плечу, что было у него проявлением одобрения высшей степени.

— Благодарю вас, господин генерал! — Вольноф поклонился.

Фрау Грайлин проводила посетителя до лестницы, улыбаясь ему рекламной улыбкой.

Капитан Венцель рылся на книжной полке, ища брошюру, из которой он намеревался взять несколько цитат для своего реферата. Дело в том, что служба военной контрразведки время от времени организовывала курсы для сотрудников охраны, на которые присылали своих охранников заинтересованные фирмы.

В недалеком прошлом Фред Горица пристроил своего друга обер-лейтенанта Хойслера в СВК референтом. С тех пор как Хойслер был откомандирован к «Степным барашкам», его задание перешло к Венцелю, который выполнял его без особого усердия.

Капитан Венцель был убежден в том, что спецхрана не подчинена военной службе ВДВ, просто она поддер-

живала с ней связь — и только. На предстоящем занятии Венцель должен был выступить с докладом о новейших достижениях в области техники подслушивания. В качестве «изюминок» в своем докладе он намеревался сказать о мини-устройствах, которые можно вмонтировать не только в стереоконструкцию, но даже в дамский бюстгальтер.

Спецхрана уже давно отказалась от тактики охоты за своими клиентами, имеющими индивидуальные подслушивающие аппараты, так как она модифицировала свой прибор «БД-20», который выпускал в нужное время такие сигналы-помехи, что делал любое подслушивание практически невозможным.

Майор Вольноф вышел из своего кабинета и какое-то время якобы наблюдал за тем, как Венцель готовится к занятиям. На самом деле он просто ждал, когда же капитан уедет со службы. Венцель слышал, как майор от адъютанта заказал по телефону завтрак на две персоны. Из одного этого он сделал вывод, что Вольноф ожидал гостя, и не какого-нибудь чужака, с которым обычно встречается на конспиративной квартире, а, по-видимому, офицера-разведчика. И уж если Вольноф заказал завтрак, то, следовательно, обсуждаться будут весьма секретные дела.

Венцель нагнулся и, нажав на кнопку переговорного устройства, доложил:

— Докладываю, господин майор, я уезжаю!

— Хорошо, господин Венцель! — любезно ответил ему майор.

На стоянке служебных машин Венцель сел в свой «опель». Рядом с ним в этот момент остановился автомобиль Хойслера, однако обер-лейтенант почему-то сделал вид, что не заметил капитана. Венцель сразу же догадался, что Вольноф не скрыл от Хойслера, кому он обязан своей «ссылкой».

Выйдя из машины, обер-лейтенант вошел в здание. Венцель ехидно усмехнулся. Интуиция редко изменяла капитану: хорошо, что он сообщил майору о своем отъезде. Все рабочие комнаты в помещении были оборудованы противоподслушивающими устройствами, однако это отнюдь не исключало возможности подслушивания. Венцель и тут превзошел всех: для подслушивания разговоров своего начальника он использовал симплексное переговорное устройство, к которому был подключен японский «мини-фон» размером со спичечный коробок,

записывающий на магнитную микро пленку разговор, происходящий в соседней комнате, в течение ста восьмидесяти минут.

Тем временем начальник охраны фирмы «Лорхер и Зайдельбах» уже входил в кабинет майора Вольнофа. Для всех посторонних он был чиновником из городского управления по строительству.

Застыв по стойке «смирно», обер-лейтенант Хойслер поприветствовал майора. С тех пор как Вольноф перевел его к «Степным барашкам», их отношения стали более холодными.

— Добрый день, господин Хойслер! Прошу садиться! Я приказал принести нам что-нибудь перекусить! — подружески сообщил майор.

В это время ординарец принес завтрак.

— Ну-с, что нового? ЧП?

— Никаких, господин майор!

— Давайте поговорим без официальностей, — предложил Вольноф. — Хотите окорока? Вкусный и приготовлен почти что по-домашнему. Как поживает у вас наш Ромер?

Из четырех сортов хлеба, лежавших в хлебнице, Вольноф выбрал себе кусочек черного и намазал его маслом.

— Все эти продукты лишены какой бы то ни было химии, — подчеркнул майор.

Хойслер кивнул. Он знал причуды Вольнофа, жена которого покупала все в лавке, завозившей продукты, свободные от какой-либо химии. Магазинное масло нравилось Хойслеру больше, чем крестьянское, однако ветчина на самом деле оказалась превосходной.

— Ромер действует великолепно, — заверил Хойслер. — К тому же работает он быстро. — Обер-лейтенант умолчал о том, что активность Ромера кажется ему несколько подозрительной. За столь короткое время Ромер успел разобраться в различных внутренних делах, о которых старые коллеги даже не имели представления, наизусть выучил добрых два десятка телефонных номеров, до мелочей изучил привычки обоих владельцев фирмы и знал обо всех мелких уловках или же жульничествах своих коллег. Более того, Ромер даже обнаружил три места в ограде, через которые можно было беспрепятственно проникнуть на территорию фирмы.

Майор ел с большим аппетитом. Хойслер ел лишь из вежливости, а сам ломал голову над тем, зачем это майору понадобилось так улаживать его.

— Вы все еще сердитесь на меня за то, что я откомандировал вас на фирму «Лорхер и Зайдельбах»?

«Зигнал, а не откомандировал», — подумал Хойслер и даже передернул плечами.

— После аферы с Горицей у меня не оставалось другого выхода. Этот перевод — самое мягкое для вас наказание. — Вольноф отставил свою тарелку в сторону.

— На заводах Вентхофа за последний квартал зарегистрировано три случая саботажа, — проговорил майор, давая этим понять, что с этого момента разговор переходит на сугубо служебную тему.

— У Вентхофа? — удивленно переспросил обер-лейтенант. — В «Микроэлектронике»?

Этот завод размещался на окраине большого города и, являясь одним из поставщиков предприятий военной промышленности, имел хорошо организованную охрану. Начальник охраны, капитан, просил перевести его на другой завод, поскольку, по его словам, здесь у него не выдерживают нервы.

Хойслер покраснел.

— А эта должность вас лично устроила бы? — с любопытством спросил майор.

Хойслер покраснел еще больше, сердясь на себя за это.

— Да, конечно, — быстро ответил он, — но кто тогда возглавит охрану фирмы «Лорхер и Зайдельбах»?

— Очень мило, что вас это беспокоит!

В этих словах майора Хойслер уловил легкую насмешку. «Неужели Вольноф поставит на мое место Ромера?..» И тут же он поспешил заверить майора в том, что справится с новым заданием.

— А где живет Ромер? — поинтересовался Вольноф.

— В Кизебютеле, в небольшой сельской гостинице, — ответил обер-лейтенант, умышленно умолчав о том, что сорокалетняя хозяйка этой гостиницы два года назад овдовела и Ромер всю приударяет за ней. Хойслер вообще решил помалкивать обо всем, что касалось Ромера, особенно о том, что тот, по его мнению, еще не дорос до должности начальника охраны. Обер-лейтенант не хотел вредить себе этим замечанием, ведь его мечта наконец исполняется — он переходит на другую работу. Однако он все же не преминул подчеркнуть важность охраны данного объекта.

— Вы имеете в виду новую, ослепляющую гранату? — спросил его Вольноф.

— Нет, я имел в виду расширение всего производства!

Майор встал и, подойдя к окну, посмотрел вниз на площадку, где стояли автомашины. Несколько машин стояло даже на пешеходной дорожке. Он вернулся к столу.

— Вот об этом-то у нас с вами и пойдет речь, господин Хойслер!

Обер-лейтенант растерянно взглянул на майора:

— А разве это нас касается?

— Да, я не стану этого отрицать! Но только не в том аспекте, как вы думаете; мы ждем нападения совсем не со стороны!

— Не со стороны?!

— То, о чем мы с вами сейчас говорим, строго секретно!

— Слушаюсь!

— Подслушивающих устройств здесь нет! Дело в том, что фирма «Лорхер и Зайдельбах» не может добиться кредитов, видите ли, в финансовых кругах она не пользуется должным авторитетом. У нее сейчас серьезные затруднения с кредитами...

— Понимаю! — выпалил Хойслер, хотя он совсем не понимал, куда именно целит Вольноф.

Лицо майора помрачнело, густые брови сошлись у переносицы, образовав одну толстую линию. Он перегнулся через стол:

— Имеются данные, что Лорхер намерен передать новое оружие нашему потенциальному противнику!

— Какое свинство! — Хойслер не сводил глаз с майора.

— Да, это так. И мы должны воспрепятствовать этому! В конце концов, мы не простая охрана и существуем отнюдь не для того, чтобы охранять личное имущество Лорхера! — Далее Вольноф повторил аргумент, высказанный ему генералом фон Венгеном.

Хойслер несколько не сомневался в том, что майор располагает точными данными.

— Значит, верно, что новое оружие поражает зрительный нерв?

— Да. Испытания в помещении прошли удачно, а сейчас проводятся испытания на местности. Вы, видимо, об этом уже знаете?

— Кое-что. Лорхер молчит как рыба, а вот господин Зайдельбах как-то проговорился о том, что вся докумен-

тация хранится в сейфе старой, солидной модели. Лорхер и Зайдельбах имеют от него каждый по специальному ключу, и открыть тот сейф они могут только вместе.

— Дорогой Хойслер, вы, оказывается, очень много знаете...

— А что же конкретно планируется?

Вольноф начал быстро объяснять, как будто речь шла о какой-то безделице, а затем вдруг сказал:

— Мы должны отнять у ненадежного клиента эту опасную игрушку!

— Понимаю, — сказал Хойслер, довольный тем, что Вольноф доверил ему столь важную тайну. — А что будет потом?

— Это оружие будет доработано какой-нибудь другой фирмой, которая располагает как капиталами, так и соответствующим промышленным потенциалом. Было бы преступлением играть на руку своему потенциальному противнику! — Вольноф еще ниже нагнулся к Хойслеру и добавил: — Наша фирма выплатит вам за это персональную премию!

Хойслер, сбитый с толку, наблюдал за майором, чувствуя что-то неладное. Почему открытие не было официально закреплено, если оно отвечает интересам государства? Ведь были уже прецеденты! Или «Лорхер и Зайдельбах» похитили это чудо-оружие? Но у кого? Вольноф упомянул даже о какой-то премии в десять тысяч марок. Можно смело предположить, что добрую половину суммы майор положил в свой карман, но все равно десять тысяч — деньги немалые.

— Учитывая риск, которому я подвергаюсь, этот эквивалент — просто пустяк, — проговорил он с усмешкой.

Настроение майора явно ухудшилось, когда он почувствовал, что обер-лейтенант упрямится. Особенно Вольнофу не понравился тон Хойслера.

— Послушайте, когда вы выберетесь из той пустоши, вы можете всех послать к чертовой матери! — продолжал майор. — Сейчас вам представляется для этого замечательный шанс, не говоря уже о том, что вы получаете пять тысяч!

— О'кей, — сказал Хойслер, чувствуя, что больше он здесь ничего не выторгует. Возможно, Вольноф рассуждал так: из сейфа фирмы «Лорхер и Зайдельбах» выкрадут документацию на новое оружие; начальник охраны будет, так сказать, козлом отпущения, и поэтому он

переводит его на лучшую должность. Но кто об этом знает? Все происходит под завесой строгой секретности. Если фирма-производитель будет лишена возможности выпускать новое оружие, то возникнет необходимость организации надежной охраны. До сих пор с Ромером было все ясно.

— Я стараюсь вовсе не из-за денег, господин Вольпоф, но мне бы не хотелось оказаться в положении, когда наша фирма в случае неудачи пожелала бы избавиться от меня.

— Именно поэтому все должно выглядеть так, как будто была совершена кража денег, предназначенных для выплаты зарплаты сотрудникам, остальное будет воспринято как нечто побочное. Определен и день похищения — накауне получки. Девяносто процентов служащих фирмы получают свои деньги из банка, а десять процентов будут требовать наличными. Вам лично дополнительно перепадет десять тысяч марок!

Теперь Хойслер уже не удивлялся тому, что Вольпоф хорошо обо всем проинформирован.

— Я думаю, что я несколько недооценил Ромера, — сказал обер-лейтенант.

— Напрягите свои способности, — посоветовал ему Вольпоф, — он уже вытащил для нас из огня горячие каштаны! На меня и на фирму вы можете не рассчитывать!

— Это я давно понял, господин Вольпоф! — с сарказмом заметил Хойслер.

Руководители «СБ» жили в пансопте, расположенном в живописной местности. Фирмы не скупилась на то, чтобы их агенты были знакомы с самыми современными методами ведения шпионажа.

Венцель должен был читать свой реферат сразу же после обеденного перерыва, но приехал задолго до этого времени. Съев бифштекс в столовой, он подумал: а не совершить ли ему небольшую прогулку по лесу или не посмотреть ли на руины старинного замка? И тут он заметил на черной доске, где обычно вывешивали объявления, сообщение о том, что в конференц-зале будет прочитана лекция на тему «Успешная оборона». Венцель даже присвистнул, увидев, что читать ее будет Горица. Это имя слышать здесь было слишком непривычно, так как Горица являлся одним из основателей «СБ», которому Венцель поставлял свою информацию.

Капитан вошел в конференц-зал в числе первых и занял место в заднем ряду.

Горица оказался широкоплечим мужчиной атлетического телосложения, каждое движение которого свидетельствовало о его натренированности. У него была короткая стрижка, а ямочка на подбородке делала его лицо весьма симпатичным.

У докладчика был приятный голос, и говорил он, столь умело делая акценты, что появлялась полная уверенность: он не раз уже читал этот доклад.

— ...Мы сообщили фирме в Гамбурге о том, что их конкурент в Бохуме в срочном порядке переоборудует свою лабораторию. Нам было поручено достать необходимую информацию...

Отпив глоток воды из стакана, Горица обвел внимательным взглядом сидевших в зале.

— Интересующей нас информацией располагало не более десятка сотрудников. Мы заинтересовались каждым из них, — продолжал Горица. — Наша служба располагала целым штатом надежных сотрудников. И тут наше внимание привлек один лаборант, у которого в прошлом имелись кое-какие пятна в биографии. Вся беда заключалась в том, что наша фирма, вернее говоря наш клиент, относилась довольно легкомысленно к прежней жизни своих сотрудников, совершенно не проверяя их!

На улице пошел дождь, и Венцель обрадовался, что он не ушел в лес на прогулку.

— Мы установили слежку за лаборантом и узнали, что он тайком встречается с представителем конкурирующей фирмы в Бохуме. Нам сразу же все стало ясно, кроме одного: каким образом парень передавал материалы?

Горица был доволен, что завладел всеобщим вниманием. Не слушал его один Венцель, которому он не мог сообщить ничего нового.

— Контроль на фирме был установлен строгий. Лаборанты, работавшие на четвертом этаже, приходя на работу, переодевались в спецодежду, а уходя домой — в свое. Казалось, что невозможно было вынести даже листа бумаги. Тогда мы связались с одним нашим человеком, работавшим на фирме в Бохуме, который сообщил, что передавались не сами документы и их копии, а микрофильмы. Мы перевернули лабораторию вверх дном, но ничего подозрительного так и не обнаружили. Я был

убежден, что в лаборатории никакой фотокамеры нет, но тогда откуда же брались микрофильмы?..

Венцель слушал докладчика краем уха, а сам невольно думал о том, что работать в такой засекреченной лаборатории — мало приятного, хотя эта работа и обещает некоторый жизненный комфорт. Человек в таких условиях чувствует себя как бы отрезанным от всего мира, будто он находится в космическом пространстве: закрытые затемненные окна, которые нельзя открыть, повсюду искусственный свет; всегда одна и та же постоянная температура; в одно и то же время подают горячий кофе или холодную воду в бумажных стаканчиках, бумажные салфетки; приглушенная музыка, доносящаяся из угла, профильтрованный воздух и тому подобное.

Капитан Венцель был уверен, что Горица читает свой реферат уже в который раз.

Затем Горица рассказал, как он поймал подозреваемого лаборанта. Однажды он встретился с ним в столовой. Они разговорились, и лаборант заметил, что ему не хватает морского воздуха, какой бывает в Гамбурге, свежего воздуха. Иногда они чуть ли не в очереди стоят перед умывальником, чтобы подышать там хоть несколько минут настоящим, не кондиционированным воздухом.

— «Как вы сказали — стоят в умывальнике?» — переспросил я его, — продолжал свой рассказ Горица. — И что же вы думаете? Оказалось, что в лаборатории только в умывальнике открывались окна! В ближайшую ночь, когда подозреваемый лаборант работал в ночную смену, мы устроили наблюдение (с помощью инфракрасной техники, разумеется) за окном умывальника. И что же мы увидели? Сначала из окна был подан световой сигнал, а затем вниз спустили шнур. Из темного угла вышел какой-то человек и что-то привязал к шнуру, который был быстро поднят на четвертый этаж, а спустя двадцать минут эта операция была проделана в обратном порядке. Загадка была разгадана...

Застенчиво улыбаясь, Горица слушал раздававшиеся комплименты и аплодисменты. Венцель вышел из зала, не дожидаясь, когда докладчик закончит свое выступление.

Свой доклад капитан Венцель прочитал спокойно, заслужив аплодисменты. Из его сообщения слушатели курсов узнали, что шпионаж отнюдь не является открытием двадцатого столетия и что еще добрых три тысячи

пятьсот лет тому назад купцы и ремесленники не отказывались от услуг разного рода соглядатаев и доносчиков.

— Один из старейших случаев промышленного шпионажа зарегистрирован в тысяча пятисотом году до нашей эры, — сказал Венцель в начале своего доклада. — Тогда индусам с помощью шпионажа удалось узнать секреты изготовления китайского шелка. Причем агентом оказалась одна китайская принцесса, которая была завербована богачом из Индии. Несмотря на строгий пограничный контроль, существовавший еще в те времена, даме удалось передать своему возлюбленному несколько гусениц шелкопряда. В течение нескольких долгих недель, пока продолжалось путешествие принцессы, прожорливые гусеницы находились в пышном цветочном украшении на голове принцессы.

Рассказав об этом, Венцель бросил взгляд на улыбающиеся физиономии своих слушателей, понимая, что приведенный пример им всем явно понравился.

— Спустя три тысячи двести лет после этого случая центром шпионажа в Европе стал рейх, — продолжал капитан. — В начале восемнадцатого века европейцы начали проявлять особый интерес к китайскому фарфору. Французскому иезуиту д'Антреколю удалось пропикнуть в закрытый для посторонних город, где делали фарфор. Это была скорее крепость, где работали сотни тысяч рабочих, которые обжигали изделия из белой глины в специальных печах. Однако пронырливому иезуиту понадобилось почти десять лет, прежде чем он смог вывезти к себе на родину исходное сырье и схему оборудования для обжига. И сразу же после этого французские ремесленники, занимавшиеся изготовлением фарфора по своему рецепту, сделали прямо-таки гигантский скачок вперед.

Довольные лица слушателей явились для Венцеля своеобразной благодарностью за прочитанный доклад.

Капитан вернулся на службу. Майора Вольнофа в здании уже не было. Венцель расписался в контрольной книге и взял ключ. Он хорошо знал, что Вольноф время от времени имел обыкновение просматривать эту книгу, чтобы узнать, как долго его сотрудники находятся на службе.

Войдя в свой кабинет, Венцель забрал из-под стола «мипи-фон» и, выйдя из здания, поехал домой. Оказавшись в своей комнате, он запер дверь на ключ, включил

радиоприемник, из которого тотчас полилась легкая музыка, и повернул регулятор громкости до отказа. Усевшись в своем любимом кресле, он поднес «мипи-фон» к уху и до конца прослушал записанный на магнитную ленту разговор.

Спустя несколько часов он встал. Голова была тяжелой, но это была какая-то приятная тяжесть, непохожая на ту, которую он обычно испытывал после трудного дня работы. До сих пор над ним висел дамоклов меч, что рано или поздно его разоблачат.

Выйдя в коридор, Венцель остановился и прислушался.

Ночная прохлада заставила его накинуть куртку. Он осторожно запер входную дверь. Сегодняшней ночью он твердо решил стартовать в своей собственной операции...

Лампа под зеленым абажуром отбрасывала круглую тень на письменный стол, стоявший в углу лаборатории, которая вместе с тускло поблескивающим оборудованием погрузилась в полумрак. Стрелки часов показывали полночь.

Зайдельбах любил эти ночные часы, когда ему никто не мешал: Лорхер, по обыкновению, около десяти часов уходил спать.

Перед Зайдельбахом лежали тесно исписанные листы бумаги. Он снял очки и протер уставшие, покрасневшие глаза. В этот момент где-то хлопнула дверь, и послышались приближающиеся шаги. Доктор Зайдельбах быстрыми движениями спрятал рукопись в ящик стола, расправив на столешнице лист ватмана, испещренный множеством формул.

В лабораторию вошел Лорхер.

Зайдельбах бросил в сторону компаньона недовольный взгляд. Вошедший прислонился к лабораторному столу. Лорхер был в пижаме, поверх которой был надет халат, подпоясанный шнурком. Он, видимо, уже спал, но что-то его разбудило. Выглядел он ужасно: лицо слегка опухло; волосы, полукругом обрамлявшие солидную лысину, взлохмачены; глаза лихорадочно блестят. Лорхер уставился на лист с формулами, а затем спросил:

— Ты просмотрел все бумаги?

— Да, конечно, — соврал Зайдельбах.

— Ну и как? Говори же, Герберт!..

— Я очень сожалею, но сумма стоимости работ сокращена быть не может.

— Вот как! И ты об этом сожалеешь? Мне лично от этого нисколько не легче! — Лорхер подошел к письменному столу и, опершись на него, наклонился к Зайдельбаху, дохнув на него винным перегаром.

— И из-за этого ты пришел ко мне посреди ночи? Ты не достал денег, и поэтому тебе не спится?

— А с каких это пор тебя стало интересовать, достал я деньги или нет? Достаточно того, что ты так искусно пускаешь их на ветер! — выпалил Лорхер, сознавая, однако, что он несправедлив к компаньону. — Мне нужен твой совет!

Зайдельбах был больше чем удивлен, так как за тридцать лет их совместной работы Лорхер еще ни разу не просил у него совета и никогда не вмешивался в его личные дела.

— Со мной происходит что-то странное, — пробормотал Лорхер, при этом вид у него был действительно растерянный. — Мне только что звонили! И звонок был довольно странный...

— Сейчас?! В полночь?

— Да! К тому же звонивший прекрасно проинформирован о наших делах. Он прямо сказал, что речь пойдет о гранатах ослепляющего действия.

— Я что-то не понимаю тебя.

— Сейчас поймешь. Завтра ровно в два часа дня я должен встретиться с этим типом на автобусной остановке, захватив для него десять тысяч марок в мелких банкнотах!

— А за что?!

— За то, что он расскажет мне об одной затеянной против нас акции! Он предлагает нам помощь в получении кредитов, освободив нас, так сказать, от финансового бойкота! Ты понимаешь, что это значит?! — возбужденно воскликнул Лорхер. — И этот тип знает намного больше, чем знаю я! А я-то удивляюсь, что каждые переговоры с возможным кредитором, которые обычно начинаются успешно и сулят удачу, вдруг неожиданно кончатся так плачевно! Этот тип совершенно прав: нас на самом деле бойкотируют!..

— Дорогой Адольф! — перебил его Зайдельбах. — Я считаю, что ты не такой дурак, чтобы платить десять тысяч марок за какое-то сомнительное сообщение, не так ли?

Лорхера даже в пот бросило. Он никогда не стыдился рисковать; в те времена на «черном рынке» довольно часто запрашивали высокие цены за товары, качество и комплектность которых предстояло еще перепроверить. Но отдать десять тысяч марок за сообщение, которое, быть может, того не стоит?..

— Я же сказал, что мне нужен твой совет! — повторил Лорхер.

— Говорят, кто не рискует, тот не выигрывает, но в действительности не всегда бывает именно так! — ответил Зайдельбах, протирая стекла очков полой халата.

Лорхер наморщил лоб, словно размышляя над словами своего компаньона, а затем проговорил:

— Ты все присказками отделываешься!.. Что ж, иногда они бывают не такими уж и глупыми!

4. СЕЙФ

Грузовик с грохотом мчался по пригороду. Шофер мусолил во рту кончик недокуренной сигары и удивленно поглядывал на своего шефа. Лорхер был не в пастроении и с мрачным видом смотрел вперед. Водитель ухмыльнулся: старик за какое-то дорожное происшествие был лишен водительских прав на два года и потому продал свой «мерседес».

— Моя коляска совсем рассыпается, господин директор! Пора бы и новую купить! — как бы мимоходом заметил шофер.

Лорхер пробормотал что-то нечленораздельное, поскольку на покупку новой машины у него сейчас не было денег. На остановке автобуса он вышел из машины и с недоверием посмотрел на удаляющуюся машину.

Дом, в который он должен был явиться, видимо, давно не ремонтировался. Следы от пуль и осколков, оставшиеся на его фасаде, были лишь кое-как залеплены штукатуркой. Лорхер вошел в прихожую, стены которой были облицованы мрамором. Он поднялся на шестой этаж и, остановившись, чтобы передохнуть, приложил руку к сердцу, а когда оно немного успокоилось, пажал на кнопку звонка.

На обитой железом двери висела табличка: «Берт Крампен. Фотоателье».

В ателье послышался какой-то шорох, и Лорхер почувствовал, что за ним наблюдают. Внезапно дверь при-

открылась на ширину ладони, в образовавшуюся щель просунула морду здоровая собака, которую держала на поводке молодая дама.

— Кто вы? И что вам нужно? — поинтересовалась она.

— Инна, кто там пришел? — послышался из-за двери мужской голос.

Лорхер с облегчением вздохнул, поняв, что он пришел не напрасно: Крампен оказался дома.

— Ты ли это?! — удивленно воскликнул мужчина, увидев Лорхера. — Вот уж не ожидал, так не ожидал! Входи же! — с этими словами хозяин снял с двери цепочку, однако Лорхер попросил сначала увести собаку.

— Ты же знаешь, что на меня бросаются все собаки, — объяснил Лорхер, который не терпел, чтобы у его охранников на фирме были четвероногие друзья.

Поношенный спортивный костюм Крампена делал его фигуру еще более бесформенной. Хозяин увел собаку в другую комнату, из которой она продолжала громко лаять.

Ателье одновременно служило и рабочим местом, и квартирой, в которой имелось три кабинки с кушетками, которые почему-то напомним Лорхеру одно заведение, в котором он изредка бывал в молодости. Он вежливо отклонил предложение хозяев позавтракать вместе с ними, хотя на столе появились деликатесы, которые он очень любил.

— Как я вижу, живешь ты безбедно, — заметил Лорхер, не отказавшись выпить рюмку коньяка.

— Ты нас познакомишь? — с упреком попросила Крампена молодая женщина.

— Господин Лорхер, фабрикант, владелец... — начал представлять гостя хозяин.

— Уж не рождественских ли хлопущек? — хихикнула дама, рассердив этим Лорхера.

— Да, это он собственной персоной, — подтвердил Крампен. — Тебе этого не понять! — И, повернувшись к Лорхеру, хозяин проговорил: — Это Инна! Думаю, что этого вполне достаточно!

Инна посмотрела на Крампена и на гостя и неожиданно рассмеялась:

— Ну и умора! Как вы оба выглядите, очень даже похожи!..

Лорхер и Крампен удивленно переглянулись. Лорхер как-то кисло усмехнулся: так же, как Крампен, он вы-

глядел по крайней мере лет этак двадцать назад, а теперь у него уже были внушительный живот и хотя небольшая, но все же лысина.

— Это почему же умора? — спросил Крампен. — Довольно часто сын бывает похож на отца!

От удивления Инна разинула рот, а придя в себя, с упреком сказала:

— Об этом ты мне пикогда не говорил.

— А зачем? — спросил Крампен как-то безучастно. — Моим отцом он стал только после установления факта отцовства!..

— Оставь в покое эту старую историю! — потребовал Лорхер, а затем добавил: — Мы слишком долго не виделись.

— Целых три года, а два года назад умерла моя мать! — Последние слова Крампена прозвучали укоризненно.

— Мне очень жаль, — произнес Лорхер тоном, как будто речь шла об умершей кошке. Кошек он любил, но зато терпеть не мог собак. «Значит, Трудхен Крампен умерла», — мелькнуло у него в голове. С ней Лорхера ничего не связывало, разве что одна-единственная безумная неделя отпуска, которую он провел вместе с ней на озере. «Печальный отпуск», — подумал он, вспомнив о выплаченных им алиментах. — Ты не известил меня об этом, а то бы я... — только и успел проговорить Лорхер, по сын тут же перебил его:

— Прислал венок, не так ли? Разреши, я немного похихикаю? Услышала бы это мать, то, пожалуй, в гробу бы перевернулась! Она тебе ничего не была должна. Ну да ладно, оставим это! Что, собственно, случилось? Не без причины же ты ко мне пожаловал!

— Я не помешаю? — поинтересовалась Инна и, не получив ответа, добавила: — Мне все равно пора вывести Нерона на прогулку!

Инна вышла из ателье, а Крампен как ни в чем не бывало продолжал с аппетитом уплетать свой завтрак.

— А ты пока посмотри вот это! — предложил Крампен, протягивая Лорхеру альбом с фотографиями.

Лорхер начал листать альбом с фотографиями обнаженных женщин.

— Наиболее интересные помещены в самом конце, — заметил Крампен, уничтожая бутерброд с маслом и французским сыром.

— Порнография! — презрительно бросил Лорхер, узнав на фотографиях Инну — с разными партнерами и в разных кабинках. Кто был автором этих фото, нетрудно было догадаться.

— На этом ты и зарабатываешь деньги? — поинтересовался Лорхер.

В тоне Лорхера Крампен уловил пренебрежение, которое разозлило его. Он откинулся на спинку стула, закурил, а затем сказал:

— Если ты думаешь, что все я зарабатываю на этом дерьме, то ты глубоко ошибаешься! — И он показал рукой на уставленный закусками стол.

В этот момент в коридоре залаяла собака, услышав которую Лорхер испуганно оглянулся и, подойдя к двери, плотно закрыл ее.

— Переходи к делу, мы здесь одни, — успокоил его Крампен.

— У меня есть одно предложение для смелого и опытного человека, которому я могу доверять, разумеется, за приличное вознаграждение!

— Выкладывай, о чем речь?

— Ровно в два часа у меня назначена встреча с одним человеком на автобусной остановке «Амзельгрунд»! Этот тип хочет остаться неизвестным, сорвав с меня куш в несколько тысяч марок!

— Сколько именно? — спросил Крампен.

Лорхер шумно задышал.

— Открывай все карты, или разговора не будет!

«Сейчас он потребует у меня десять процентов, но я ему более пятисот марок давать не намерен», — решил Лорхер, чувствуя в то же время, что ему нравится цепкая, как и у него самого, хватка Крампена. Сразу видно, что это его сын. Лорхер почувствовал нечто похожее на гордость.

— Десять тысяч, — сказал он.

— Черт возьми! Неужели бывают вести, которые стоят таких денег?

— Бывают и такие! Возможно, что для меня лично это вопрос жизни, ты понимаешь?

— Я уже соображаю. Тип этот хочет остаться неизвестным по двум причинам: либо он отъявленный мошенник, либо он хочет продать действительно что-то очень важное, за что в случае неудачи сам может поплатиться собственной головой.

— Видимо, так оно и есть, — согласился Лорхер. — В первом случае я хочу иметь возможность потребовать деньги обратно и получить их.

— А во втором случае тем более! — выпалил Крампен.

— Почему? Если он мне на самом деле поможет?

— Ты, видно, сильно постарел, — поучающе заметил сын. — Если этот тип сидит на «тепленьком» местечке, он охотно вернет тебе деньги обратно, лишь бы только не потерять этого места, а вместе с ним и голову. Положись в этом деле целиком на меня.

— Ты хочешь припугнуть его, так сказать, загнать в угол?

— Какие некрасивые слова, но они помогают избежать ошибок! Пятьдесят процентов от суммы мне — и все будет в порядке!..

— Это от десяти-то тысяч? Да ты с ума сошел! — выпалил Лорхер.

— И тысячу немедленно — в качестве задатка!

— Если бы и не наше сходство, то сейчас-то я тебя точно признал бы своим сыном, — проговорил Лорхер, поднося свою рюмку к бутылке с коньяком.

Крампен снова наполнил рюмку:

— Но ведь и ты получишь свои пять тысяч обратно. Я ведь тоже не начинающий!

— Что ты имеешь в виду?

— Как ты думаешь, каким образом я зарабатываю десять тысяч в месяц? Не на этом же дерьме! — И он небрежно показал рукой на фотоальбом. — Инна — талантливая девочка и имеет дело с богатыми, преуспевающими господами. Ее дело — провести ночь в мотеле! А там ее с помощью скрытой камеры запечатлят на пленку. Красивые фото гарантируют регулярное поступление писем с банкнотами!

Лорхер смущенно уставился на сына, который оказался отвратительнее, чем он сначала подумал о нем. Крампен, видимо, не унаследовал добродетелей своей доброй мамы. Лорхеру ничего не оставалось, как принять предложение сына: время и место встречи он, по легкомыслию, уже назвал, и, если сейчас не согласиться на его помощь, Крампен сорвет эту встречу. Насилие было его коньком, хотя и весьма опасным, но все же коньком.

— Хорошо, я согласен! — сказал отец.

Съев в дорожном ресторанчике жесткий бишптекс с зеленым горошком, Лорхер без четырех минут два вышел на указанную ему остановку. Водитель его машины, как назло, подвернул ногу.

На остановке Лорхер не увидел ни «БМВ» Крампена, не было видно и малолитражки Инны; оба они по договоренности по очереди должны были незаметно следить за человеком, с которым предстояло встретиться. Лорхер крепко прижал к себе папку, словно чувствуя через ее кожу прикосновение пачки банкнот. От одной только мысли о том, что он должен будет передать десять тысяч марок чужому человеку, ему стало трудно дышать. От того, удастся ли Крампену и Инне папасть на след незнакомца, зависело, получит ли Лорхер положенную сумму денег обратно или нет.

На остановке стоял черный «фольксваген» с поднятым капотом, под которым в моторе копался водитель. Глаза его скрывали темные очки. Он был весь в сером: серый макинтош, серая шляпа, серые перчатки. Лорхер был убежден, что его борода и усики над верхней губой — не настоящие, а наклеенные. Лорхер с трудом проглотил комок, застрявший в горле. Мужчина в сером, заметив его, жестом предложил ему сесть на переднее сиденье справа, а затем с шумом захопнул капот.

Адольф Лорхер почувствовал, как его мигом бросило в жар. Но куда же запропастился Крампен со своей Инной? Может, где-нибудь застряли? Лорхер исподволь рассматривал мужчину, которого он никогда раньше не видел.

Человек в сером тем временем включил радиоприемник и старался поймать в эфире легкую музыку.

«Сейчас он станет проверять, нет ли за ним слежки», — подумал Лорхер. Однако незнакомец, судя по всему, никуда ехать не собирался. На стоянку то и дело подъезжали различные машины, другие покидали ее, так что на черный «фольксваген» никто не обращал никакого внимания.

Незнакомец достал ученическую тетрадку и раскрыл ее на странице, где крупными буквами немного вкось было написано: «Поменьше говорите и не называйте никаких имен!»

Лорхер понимающе кивнул. Незнакомец достал с заднего сиденья грифельную доску, мелки и тряпку. Уже по одному этому можно было судить, что он тертый калач.

Наклонившись к самому уху Лорхера, так что тот почувствовал его дыхание, незнакомец зашептал так, будто во рту у него был неудобный зубной протез:

— В сейфе своей лаборатории вы храните документацию на изготовление ослепляющей гранаты! Вся она будет у вас похищена! Я сообщу вам, кто и когда проведет эту акцию и в чьих интересах!

Лорхер рукавом пиджака вытер пот со лба. Радиоприемник так гремел, что он с трудом понял сказанное. Незнакомец перевернул страничку в тетрадке. «Положите деньги за отворот перчатки!» — прочел глава фирмы. Он медлил, но любопытство взяло верх. Дрожащими руками он раскрыл папку и вынул из нее пакет. Деньги были завернуты в серую бумагу, стянутую двумя резинками. Мужчина в сером выглянул из окошка: за машиной никто не наблюдал.

Незнакомец потребовал развернуть бумагу и пересчитать деньги. Лорхер повиновался, бегло пересчитал деньги и, когда незнакомец согласно кивнул, положил их за отворот перчатки.

Мужчина в сером зашептал:

— Инициатором операции является... — Тут незнакомец написал на грифельной доске слово «ВОМА» и тут же его стер.

Адольф Лорхер был поражен. После визита к нему директора Виндиша, который предлагал сотрудничество с фирмой (Лорхер отклонил это предложение), он был убежден в том, что «ВОМА» не ограничится одной этой попыткой в своем желании заполучить новинку. Поразительно было то, что «ВОМА» была слишком хорошо информирована об их разработке.

А незнакомец тем временем продолжал:

— Проводить эту акцию будет... — Он снова замолчал и написал мелком на доске: «МАд».

Лорхер изумленно уставился на незнакомца. От услышанного у него перехватило дыхание.

— Начальник охраны вашей фирмы обер-лейтенант Хойслер должен выкрасть изобретение Зайдельбаха и передать в распоряжение «ВОМА»...

Операция была запланирована за день до выплаты следующей полочки. Все должно было выглядеть так, будто интересовались только деньгами. Лорхера охватили противоречивые чувства, он даже пожалел о том, что посвятил в это дело Крампена. Незнакомец за такое сообщение вполне заслужил свои десять тысяч, тем более

что он придерживался правильной тактики: ничего не записывать! «Выходит, что «МАД» изготавливает дубликаты ключей!» Нужно будет нанести по ним контрудар. Пусть эти решительные люди посылают своего Хойслера, нужно только соблюдать осторожность, так как оберлейтенант вооружен. А уж после этого он, Лорхер, сам станет диктовать свои условия, среди которых, разумеется, будет и неременная отмена бойкота на кредиты!

Лорхеру уже было не жаль денег для незнакомца в сером, так как он всегда придерживался жизненного принципа: самому жить и давать жить другим.

— Если что-нибудь изменится, — снова зашептал незнакомец, — я вам сообщу!

Все остальное произошло так быстро, что Лорхер даже не успел опомниться: водитель деликатно вытолкнул его из машины, а затем взревел мотор и «фольксваген» рванулся вперед. «Собственно, Крампен может и дать ему уехать, — подумал Лорхер, — деньги мне эти возместит «ВОМА»... Правда, Крампена злить не следует. Он еще понадобится мне, чтобы разделаться с Хойслером».

Черный «фольксваген» быстро мчался по шоссе и скоро смешался с потоком машин.

Крампен ехал на некотором расстоянии от впереди идущих машин, но вскоре его перегнала Инна. Это было далеко не первое их совместное преследование. Сегодня они уже успели несколько раз сфотографировать «фольксваген», но что это могло дать, когда номерной знак можно было снять с какой-нибудь машины на стоянке.

Вскоре «фольксваген» свернул на площадку для стоянки. Инна проехала мимо и остановилась на следующей площадке, Крампен же остановился неподалеку от незнакомца в сером, который быстро исчез в туалете. Когда он оттуда вышел, Крампен, с трудом узнав его, тихо присвистнул. Вместо шляпы на голове незнакомца оказался берет, плащ он вывернул наизнанку, серой стороной вовнутрь. Ни бороды, ни усов у него не было и в помине, а на месте темных очков появилось интеллигентное пенсне. Крампен еще раз сфотографировал его с помощью телеобъектива.

Преследуемый сел в машину и покатил дальше, Крампен поехал вслед за ним, опасаясь, как бы Инна не обозналась, так как на сей раз они имели дело с хитрым профессионалом, а не с начинающим авантюристом. Ки-

лометров через пять показалась следующая стоянка, которую незнакомец проехал. Крампен же заехал на нее, остановившись рядом с машиной Инны.

— Быстро догоняй его! Он проехал мимо! Шляпу сменил на берет! Сейчас он без бороды и усов и в пенсне!

— Вот дрянь! — выругалась Инна и поехала дальше.

Не обращая внимания на сигналы машин, которые они обгоняли, не боясь стать причиной массовой аварии, Инна и Крампен выехали на шоссе и помчались на предельной скорости. Вскоре далеко впереди Крампен заметил черный «фольксваген», который свернул вправо.

Когда они въехали в город, преследовать незнакомца стало значительно труднее. На одном из перекрестков незнакомец поехал прямо на красный свет светофора. Инна, рискуя быть оштрафованной, нагло ринулась вслед за ним. Чтобы преследуемый не заподозрил что-то неладное, она поменялась местами с Крампеном и, обогнав «фольксваген», свернула в какой-то переулок. Незнакомец тоже съехал с шоссе и заехал на стоянку. Крампен остановился напротив дорожки для пешеходов.

Вскоре из гаража выкатил лимонного цвета «мерседес» с открытым верхом, а вслед за ним поехал голубой «опель», за рулем которого Крампен узнал своего незнакомца. Крампен схватил заряженную фотокамеру, однако поток движущихся машин помешал ему сразу вклиниться в колонну, чтобы не отстать от «опеля». Крампену пришлось ожидать довольно долго, пока ему удалось войти в общий поток. Время было упущено: «опель» исчез из поля зрения. В сердцах Крампен выругался. Теперь оставалось только надеяться на «действие» фотографий.

Под незастегнутым плащом на Инне было только легкое летнее платье. В таком виде она обычно выходила на «ловлю» мужчины — из числа тех, кто разъезжает на собственных машинах. Она останавливала машину с «одиноким» водителем и рассказывала ему хитро придуманную историю об украденной у нее дамской сумочке, в которой у нее остались все деньги.

Незадолго до окончания рабочего дня Инна вошла в зал управления автодорожной службы и, словно разыскивая кого-то, осмотрелась. Ее взгляд остановился на окошке, за которым восседал пожилой чиновник, отно-

сящий, скорее всего, к числу тех мужчин, среди которых она обычно имела успех. Лучшие годы остались у него уже позади, однако он все еще пытался скрывать это: его прическа умело маскировала образовавшуюся лысину, на нем был костюм спортивного покроя.

Инна умоляюще посмотрела на чиновника.

— Не могу ли я чем-нибудь помочь вам? — мужчина подался туловищем вперед.

На глазах Инны блеснули слезы:

— Не могли бы вы мне помочь?.. Меня так обманули! Мне дали фальшивый адрес и сообщили неверную фамилию!

— Ну-ну, сударыня! — утешал ее чиновник.

Сильно запинаясь, Инна рассказала ему печальную историю своего отпуска, во время которого она познакомилась с довольно милым мужчиной, владельцем голубого «опеля». Помимо своего расположения она отдала ему пятьсот марок, когда он потерял свою чековую книжку. Она надеется, что, быть может, номер на «опеле» был настоящим и по нему она сможет разыскать обманщика. Тут Инна протянула чиновнику листочек с номером машины, устремив на него умоляющий взгляд.

— Вот номер его машины!..

Чиновник смущенно посмотрел на своих коллег, которые были заняты своими делами, а затем, положив свою руку на руку просительницы, почти ласково сказал:

— Дорогая сударыня, я очень хорошо вас понимаю, но есть обстоятельства... — Тут он неожиданно замолчал. В его душе боролись два чувства: чувство, призывавшее его к строгому соблюдению служебной инструкции, и чувство жалости, которое, следует заметить, все же одержало верх. Когда он убрал свою руку с руки просительницы, то в руке Инны оказалась бумажка с настоящим номером разыскиваемого голубого «опеля».

— Подождите меня в кафе «Кунстман», — тихо шепнул он Инне, которая в знак благодарности одарила его нежным взглядом.

Адольф Лорхер ехал на встречу, которая не сулила ему ничего приятного, узкой дорожкой, по которой обычно ездили на велосипедах. Но что поделаешь, если Крампен наотрез отказался прийти к нему на фабрику.

Машина Крампена стояла за кустами. Увидев Лорхера, Крампен пошел ему навстречу, протянув руку для

приветствия. Оба направились в сторону степи. Вдруг Крампен остановился и панибратски похлопал Лорхера по плечу.

— Как это надо понимать? — раздраженно спросил отец.

— Слава богу, на свете имеются совсем крохотные магнитофончики, — проговорил Крампен, — но ты же у меня чистюля. Деньги принес?

— Да. — Лорхер хлопнул себя по нагрудному карману.

Крампен протянул руку; Лорхер вынул бумажник и отсчитал десять сотенных банкнот. Небрежно пересчитав, Крампен сунул их в карман брюк.

«Интересно, способен ли человек, который так небрежно обращается с деньгами, управлять целой фабрикой?» — подумал Лорхер.

— Теперь к делу! Твоего таинственного помощника зовут Герхардом Венцелем. Живет он с матерью на окраине города по адресу: Аэродромная улица, дом тридцать семь.

— Понятно, — кивнул Лорхер. — Чем он занимается?

— Работает в городском управлении по строительству.

— В управлении по строительству?! — удивился Лорхер.

— Да, но... — тут Крампен сделал внушительную паузу, — там его никто не знает. Все разузнать о нем было нелегко, однако для Берта Крампена не может быть неразгаданных загадок! Место работы Венцеля действительно находится в том же самом здании, но только работает он в ведомстве, которое не имеет ничего общего со строительством!

— В ведомстве?! — повторил Лорхер с еще большим удивлением.

— В службе военной контрразведки! Венцель является капитаном СВК!

Лорхер на какое-то время потерял дар речи. Крампен явно наслаждался произведенным впечатлением.

«Выходит, что СВК по заданию «ВОМА» намерено выкрасть у меня документацию на производство ослепляющей гранаты, — думал Лорхер, — а этого типа, по-видимому, обошли в оплате. Нет, незнакомец в сером вполне заслужил десять тысяч марок...»

Небо тем временем затянули грозовые тучи, но отец

и сын заметили это только тогда, когда загредел гром. Спасаясь от приближающегося ливня, оба залезли в машину Крампена. При каждой вспышке молнии и последующем раскате грома Лорхер невольно вздрагивал.

Волнуясь, он рассказал Крампену о том, что ему сообщил Венцель. Это произвело должный эффект, и Крампен предложил свою помощь, не дожидаясь, пока Лорхер попросит его об этом.

— В сложившейся ситуации было бы не совсем умно отнимать у Венцеля деньги: корову, которая дает молоко, не забивают на мясо. Как бы там ни было, а своим участием я заслужил свои пять тысяч.

Дождь перешел в настоящий ливень, но высохшая степь поглощала воду, как губка.

— Ты совершаешь большую ошибку, постоянно напоминая мне о деньгах, — заметил Лорхер. — Подумай лучше о том, что я не бессмертен и ты, быть может, унаследуешь мое дело!

— Каким это образом в тебе вдруг проснулись отцовские чувства? Или ты решил, что я для тебя бесплатно стану таскать жареные каштаны из огня?

Лорхер рассерженно махнул рукой, решив, что нет никакого смысла спорить о вещах, очередь которых подойдет еще не скоро. А вот попытка вскрыть его сейф и похитить документацию — это вещь совершенно конкретная. До ближайшей выплаты зарплаты рабочим оставалась одна неделя.

Крампен мигом сообразил, что упоминать о деньгах больше не стоит, и начал излагать свой план противоборства с Хойслером. Лорхер был рад объявившемуся помощнику, который снял с его плеч столь тяжелое бремя.

— То, что ты предлагаешь, похоже на безумную идею, Берт! — сказал Лорхер и положил руку на колено Крампена. — Много лет подряд я старался не думать о тебе, потому что хотел жениться, хотел иметь других детей. Но теперь об этом слишком поздно говорить, теперь...

— А теперь ты вдруг вспомнил, — перебил Крампен отца, — что моя бедная мамаша воспитала тебе сына, который чертовски похож на тебя!

Лорхер хихикнул.

— Моя мамаша не раз напоминала мне об этом сходстве, — ехидно заметил Крампен, — только повод для этого напоминания ни разу не порадовал меня!

Дождь тем временем перестал, и облака начали рассеиваться. Отец и сын разрабатывали план, который по своей изощренности вряд ли уступал хитрому плану Венцеля.

Наконец они договорились, и Лорхер вылез из машины. Издалека еще доносились громовые раскаты; от земли поднимался густой пар. Велосипед лежал в траве мокрый от дождя. Лорхер достал носовой платок и вытер им седло.

— Ну, всего тебе хорошего, — попрощался он с сыном, — я целиком и полностью полагаюсь на тебя, Берт!

Лорхер бросил прощальный взгляд на «БМВ», почувствовав, как кто-то невидимый снял с него тяжесть, которая стальным кольцом стискивала грудь. Он уже знал, что черный «фольксваген» был взят в гараже напрокат по фальшивым документам. В душе он был полностью согласен с Бертом относительно того, что впереди их ждали серьезные трудности, которые во что бы то ни стало надо преодолеть. Зато потом на фирму «Лорхер и Зайдельбах» посыплются предложения на кредиты.

Хойслер направил свой «гольф» в ворота подземного гаража, находившегося в высотном здании фирмы «Ганза». Автомобильная дорожка, вилявшая между бетонных колонн-опор, походила на замысловатую кишку. Три подземных этажа, отведенные под гаражи, были одновременно оборудованы как противоатомный бункер, которым имели право пользоваться местные богачи в случае нанесения по городу ядерного удара. В убежище имелись своя мини-электростанция, автономный водопровод, санитарная станция, кухня и необходимый запас продовольствия. Все это делало реальным и безопасным нахождение в этом бункере в течение двух недель после начала атомной войны. Единственное, чего не знал никто, заключалось вот в чем: смогут ли лица, выбравшиеся из убежища наружу, все-таки выжить после нанесения по городу ядерного удара?

Загнав «гольф» в свой бокс, Хойслер направился к лифту по скупо освещенному проходу. Он поднялся на семнадцатый этаж, где размещалось руководство «Специальной вневедомственной охраны».

Дверь, ведущая в коридор, открывалась лишь только тогда, когда женщина, следившая за входом, нажи-

мала на педаль, впуская очередного посетителя. Ей-то Дитер Хойслер и сообщил о том, что он хотел бы встретиться с Горицей, на что энергичная дама пожала плечами и сказала:

— Я очень сожалею, господин Хойслер, но его сейчас нет.

— Не повезло мне... А вы знаете, когда он вернется? У меня к нему важный разговор!

— Разумеется, не знаю, — с легким упреком в голосе ответила дама.

Теперь уже сам Хойслер нашел свой вопрос глупым и наивным.

— Вы хотите попасть к шефу? — спросила дама, а когда он кивнул в знак согласия, нажала на кнопку переговорного устройства и произнесла:

— Господин Хойслер!

— Просите! — раздалось в приемной.

Третья дверь налево по коридору вела в кабинет Фреда, отгороженный специальным маленьким помещением, похожим на тюремную камеру-одиночку. В коридоре не было ни души. Хойслер тщетно нажимал на дверную ручку — дверь не открывалась, а кабинет Бройера находился в самом конце коридора.

Бывший криминальный директор встретил Хойслера дружелюбно. Перед тем как стать криминальным директором, Бройер в течение двадцати лет жил в Америке, откуда он вывез привычку не здороваться с посетителями за руку. Сам Горица предполагал, что Бройер, вероятно, имел специальный номер телефона, по которому он связывался с ФБР.

— Хэлло, Дитер!

— Хэлло, Артур! — Хойслер попытался произнести эти слова с американским акцентом.

— Вы хотели попасть к Фреду? Да еще по важному делу, не так ли? Не поверили нашей Веронике, а? Фред сейчас действительно в отъезде.

Хойслер усмехнулся, подумав о том, что коридор, судя по всему, просматривается специальными телевизионными камерами. Служба охраны у Бройера была организована на самом высшем уровне. Она располагала собственной школой каратистов и спецгруппами, имеющими самое современное оружие, какого не было и в помине у земельной полиции, не говоря уже о собственном тире и специальных мастерских.

— А когда вернется Фред? — спросил Хойслер.

Бройер полулежал в кресле напротив него и курил трубку, набитую душистым табаком.

— Думаю, не раньше чем через неделю: он сейчас в Каире!

Откровенность Бройера несколько успокоила Хойслера. Вместо Каира шеф мог оказаться в Танжере или же Сингапуре.

Бывший директор криминальной полиции прямо-таки подкупал своим внешним видом: он был подтянут, строен и высок.

— Об этом вам могла бы сказать и Веропика, — заметил Бройер, — но я считаю вас другом этого дома и рад вас видеть.

— Я, со своей стороны, тоже, — заверил его Хойслер.

— Я сожалею, Дитер, что ваша дружба с Фредом несколько расстроилась из-за того, что вас направили на работу в пустошь! А я-то думал, что вас это обрадует!

— Вы шутите, Артур?

— Нисколько. В нашей организации вас всегда ждет нечто выгодное! Никогда не забывайте об этом!

— Разумеется, я не забываю, — снова заверил Хойслер, — и, возможно, воспользуюсь вашим предложением раньше, чем вы предполагаете.

— Ах, так? — Бройер смерил Хойслера изучающим взглядом, но тот, так ничего и не объяснив, попрощался и вышел из кабинета.

Высотные дома города-спутника всегда напоминали ему игрушечные кубики. Лишенные собственного архитектурного облика, они были словно яйца одинакового размера и цвета. Хойслер давно не был здесь, так как в Кизебютеле у него была своя комната. Когда ночное дежурство на заводе «Лорхер и Зайдельбах» нес Бруно Ховельман, Хойслер обычно ночевал у его племянницы Гундулы.

Хойслер поставил свой «гольф» на стоянке, которая в это время была пуста: машинами она заполнялась только вечером, когда местные жители возвращались из деловой части города к себе домой.

На лифте он поднялся на тринадцатый этаж и, набрав электронный код, открыл дверь.

Воздух в прихожей был застоявшийся, видимо, Горица не был здесь уже несколько дней. Эта квартира принадлежала им обоим, и каждый имел по две комна-

ты: одну большую и одну маленькую, а кухня и ванная были общими. Хойслер вышел на балкон, который соединял обе большие комнаты, и посмотрел вниз на круглый пруд с песчаным пляжем. Машины на стоянке казались с высоты маленькими разноцветными коробочками.

Сев за письменный стол, Хойслер написал два письма: одно — Фреду, другое — своей сестре Коринне, запечатав их оба в один внушительного размера конверт. Войдя в комнату Фреда, он лег на ковер возле книжного шкафа и, отодвинув ложную планку, с помощью клейкой ленты прикрепил конверт к низу шкафа. Поднявшись, он поменял местами две небольшие азиатские статуэтки: будду и слоника, вырезанные из слоновой кости, что являлось для Фреда сигналом, что в тайник заложено известие.

Дитер Хойслер пребывал в нерешительности. Какое-то непонятное чувство заставляло его делать вещи, до которых он никогда бы не додумался.

После обеда он договорился с Гундулой о встрече. Она работала на почте, и Дитер заехал за ней. В кафе возле рынка они съели мороженое, а затем поехали в Кизебютель.

Дом Ховельмана стоял среди сада, в котором мать Гундулы выращивала цветы. Гундула выросла у деда с бабушкой; ее отец, итальянский наемный рабочий, оставил мать Гундулы еще до рождения дочери. Мать очень тяжело переживала этот уход и заболела, а спустя два года, решив уйти из жизни, наглоталась каких-то таблеток. Ее удалось спасти, но с тех пор она постоянно находилась в лечебнице.

Ховельман сидел в летней беседке и мастерил рамки для пчелиных ульев. Он был пасечником, как и все его предки. Ховельман увидел Хойслера и Гундулу в тот момент, когда они вылезали из машины. Между ними, видимо, что-то было, хотя жена пасечника и закрывала на это глаза, считая, что им просто повезло: удалось выгодно сдать комнату на длительный срок.

Бруно Ховельман не хотел оставаться безработным. С железной дороги, где он до этого работал, его уволили за два года до пенсии, и ему еще здорово повезло, что удалось устроиться охранником на фирму «Лорхер и Зайдельбах».

Тем временем молодые люди вошли в дом. Хойслер положил руку девушке на плечо. Ховельман вынул из рта трубку и скривился.

После ужина он начал готовиться к ночной смене, хотя времени еще было более чем достаточно: ночное дежурство начиналось в десять вечера и заканчивалось в шесть утра.

— Сегодня, коллега Ховельман, вы сможете немного поспать, — быстро заметил Хойслер, — от полуночи и до четырех часов я сам буду на месте.

Ховельман удивленно уставился на Хойслера: он готов был поклясться в том, что все ночи, когда он дежурил, его шеф проводил у Гундулы. Старик обрадовался тому, что сможет четыре часа спокойно поспать на койке в заводском лазарете; он не любил ночных дежурств.

Когда Ховельман ушел на дежурство, Хойслер встал. Гундула проводила его до машины и обиженно спросила:

— Неужели тебе уже пора?

— Да, пора, — ответил он, притянул девушку к себе и поцеловал в губы. — Мне нужно поговорить с Ромером.

Ночь выдалась темной, на небе виднелся лишь узкий серп месяца. «Это как раз кстати, — подумал Дитер. — Дни стали короче, еще немного — и начнет цвести вереск».

— К пяти часам я вернусь, не запирай дверь, — сказал он Гундуле.

Она смущенно рассмеялась:

— Вот всегда так: дедушка приходит, а ты исчезаешь! — Она вздохнула. — А не рассказать ли нам ему обо всем, а? — И тут же почувствовала его губы возле своего уха.

— Да, конечно, мы скажем ему, даже если это ему и не понравится. Я ведь на целых двенадцать лет старше тебя!..

— Да, ты уже старичок, хотя тебе всего лишь тридцать два года! — Она радостно рассмеялась.

— Послушай, Гундула, давай подождем еще недельку, хорошо? Я жду одного очень важного известия!

— Какое известия?

— Очень приятного, но больше я тебе пока ничего сказать не могу, а то еще разочаруешься, если задуманное мной вдруг не сбудется!

Она обвила его шею руками и поцеловала его.

Хойслер вывел велосипед из сарая, в котором он прекрасно ориентировался и в темноте. Он сожалел о том, что если ему придется перейти на работу в охрану заводов Вентхофа, то эту квартиру он будет вынужден оставить.

Из открытых окон сельской гостиницы доносился громкий смех; Хойслер прислонил велосипед к стене. Пахло табаком и пивом. Встав подальше в тень, он заглянул в окошко гостиницы, где местные жители сидели вместе с заехавшими сюда отпускниками.

Марта Фенске стояла у стойки и пила пиво; с тех пор как Ромер поселился у нее, она казалась помолодевшей, носила модные блузки и каждую среду ездила в город делать модную прическу.

Присутствие Ромера в пивнушке заметно оживляло общество. Он стоял посреди комнаты, держа за руку одного мясника из Ганновера.

— Ну, так спорим?.. — говорил он.

— Я должен подумать.

— Я еще раз повторяю, — продолжал Ромер. — Я не здесь, я не там, я не сижу, не стою и не лежу — а перед вами пью анисовую!

С рюмкой в руке Ромер подошел к двери и, встав на пороге, прислонился спиной к притолоке, а ногами уперся в косяк двери.

— Ну вот, посмотрите сами и убедитесь: я не здесь и не там, я не сижу, не стою и не лежу — и все же пью анисовую, что вы все прекрасно видите собственными глазами! Прошу! — И под аплодисменты всех присутствующих он выпил рюмку.

Не привлекая внимания, Хойслер вошел в помещение; только один Ромер вопросительно посмотрел на него, и обер-лейтенант незаметно кивнул ему.

Ромер подошел к стойке и шепнул Марте:

— Я должен сейчас уйти!

— И надолго? — спросила она.

Пожав плечам, Ромер вышел.

Хойслер настоятельно порекомендовал Ромеру вместо мопеда на сей раз воспользоваться велосипедом. С тех пор как обер-лейтенант стал отдавать ему приказы, служба для Ромера стала более строгой и рискованной. Три дня назад, когда Хойслер потребовал от него снять слепки с обоих ключей от сейфа, Ромер все время трясся от мысли, что его вот-вот разоблачат. Однако слепки он сделал довольно успешно.

Бесшумно войдя в кабинет Зайдельбаха, он нечаянно опрокинул стул. Компаньон Лорхера спал как заяц, хорошо еще, что Ромер успел спрятаться за письменный стол, когда Зайдельбах в ночной рубашке показался на пороге и, не заметив ничего подозрительного, лениво зевнул и вернулся в спальню. Как и предполагалось, ключ от сейфа лежал в ящике письменного стола. Зато сам Лорхер спал крепким сном праведника и вовсю храпел. Его ключ Ромер нашел на цепочке, прикрепленной к карману брюк...

В селе тем временем погасили последние огни. Неожиданно Хойслер остановил свой велосипед перед самым носом Ромера, тихо шепнув:

— Проедем лучше через калитку.

Ромер молча выполнил короткое указание. Обер-лейтенант наблюдал за местностью, чтобы ровно в час ночи или немного позднее, на случай если Зайдельбах по какой-либо причине задержится в лаборатории, пробраться к сейфу. Ромер будет страховать его, благо что копии ключей от сейфа служба «МАД» уже изготовила.

— Все ясно? — спросил Хойслер.

— Так точно, — заверил его Ромер. — Вот завтра «спектакль» будет!

— Почему?

— Когда денежный сейф окажется пуст!

— Вы болтаете ерунду! Ведь это всего-навсего генеральная репетиция: нужно же проверить ключи!

— Ох, господи! — прошептал Ромер, который не был посвящен в детали задуманной операции.

Хойслер сказал, что в сейфе чего-то не хватает, но не сказал, чего именно, а Ромер удивился тому, как хорошо был обо всем проинформирован его шеф.

В половине первого ночи лампа с зеленым абажуром в лаборатории Зайдельбаха погасла, а спустя полчаса загорелся свет в спальне Зайдельбаха, увидев который Хойслер вздохнул с облегчением. Обер-лейтенант встретился с Ромером в «зоне внутренней охраны». Оба они еще раз порадовались тому, что Лорхер убедил своего компаньона не держать при охране собак.

Ромер застыл в коридоре, а Хойслер, пользуясь специальным фонариком, свет которого был замечен лишь на расстоянии двух метров, спокойно пошел дальше. Да, собственно говоря, кто мог упрекнуть его в том, что он, как лицо, отвечающее за охрану объекта, находится здесь?

Сейф был нескораемый и гарантирован от взлома. Обер-лейтенант надел перчатки и вставил ключ в замочную скважину. Держа фонарик за ручку зубами, он начал осторожно поворачивать ключ в замке, чувствуя сопротивление. Сейчас все зависело от того, насколько хорошо Ромер снял слепок с ключей и с какой точностью были изготовлены копии.

Ключи сделали свое дело превосходно. Хойслер осторожно повернул рукоятку сейфа и отворил тяжелую дверцу сейфа. Раздался тихий звук, какой обычно бывает, когда открывают стеклянную банку. Однако содержимое сейфа разочаровало его: в нем лежали десятки тетрадей, исписанные бисерным почерком Зайдельбаха, и бумаги, свернутые в трубочки, ящик с патронами времен фашистского вермахта. С неудовольствием Хойслер увидел, что ящик оказался закрыт. Он прислушался: в коридоре раздавались шаги. Выругавшись про себя, он закрыл дверцу сейфа. В комнату вошел Ромер и прошептал:

— Там, за дверью, кто-то есть!

— Может быть, это Ховельман? — высказал предположение Хойслер, направив свет фонарика на лицо Ромера, которое стало зеленым, как у призрака...

Перед рассветом Хойслер вернулся домой и поднялся в мансарду, где спала Гундула. Золотистые лучи солнца, пробиваясь сквозь гардины, освещали комнату. Гундула спала, и ее темные волосы были разбросаны по подушке.

Раздевшись, Хойслер лег рядом. В полусне Гундула прошептала несколько ласковых слов. Запах ее кожи заставил Хойслера невольно вспомнить о цветущей эрпке. Из сада раздавались какие-то звуки, а в кухне громко брэнчала посудой тетушка Ховельман.

— Тише, — прошептала, окончательно проснувшись, Гундула, — они уже встали!

Хойслер поцеловал ее и заглянул в темные глаза девушки.

Как только Хойслер удалился, Ромер с еще большей силой налег на педали велосипеда. Ночной инцидент напомнил ему об опасностях его службы, а с тех пор как он поселился у Марты Фенске, он особенно хорошо понял, что у него нет ни малейшего желания совать свою голову в петлю ради интересов майора Вольнофа.

Первую ночь он провел под крышей гостиницы в комнате, обставленной старомодной мебелью, где даже постельное белье пахло цветущим лугом. На следующее утро он принялся ремонтировать замок холодильника, а Марта Фенске звонила механику. Вот тогда-то Ромер и понял, что хотя он и разбирается в тысячах всевозможных вещей, однако по-настоящему ничем заняться не может. Однако на Марту он все же произвел должное впечатление, так как Вильгельм, ее бывший муж, вообще ничего делать не умел. А когда Ромер как-то сказал, что в летний сезон он однажды работал официантом в ресторане на озере, Марта удивилась еще больше.

На следующую ночь разразилась страшная гроза, какой в этих местах не было уже несколько лет. Ослепительные молнии разрезали ночное небо на куски, а гром грохотал такой, что закладывало уши. В доме дрожали жалюзи на окнах, хлопали двери.

От страха Марта оказалась в объятиях Ромера, а когда гроза немного поутихла, она призналась, что еще не любила так ни одного мужчину.

На третий день он узнал, что у Марты в Брауншвейге имелось два дома, которые она сдавала. С тех пор мысль об этих домах никак не выходила у него из головы, тем более что сама Марта оказалась женщиной ласковой и податливой...

Велосипед Ромер поставил в сарай. Пес по кличке Хассо потерял головой об его ногу. Он потрепал собаку по шее и, положив ключ на место, вошел в дом. По настоянию Марты он вел себя здесь как настоящий хозяин. Пройдя на кухню, Ромер съел яичницу с салом и выпил рюмку водки.

Войдя в спальню, он понял, что Марта не спала, а только притворилась спящей.

— Ну что ты за человек, — пробормотала она, когда он лег рядом и прошептал, что у нее шелковая кожа и нежная грудь. А когда он спустя некоторое время перебрался на другую кровать, Марта сказала:

— Прежде чем болтать тебе о двух домах в Брауншвейге, я должна была...

— Какое мне до этого дело, — громко зевая, перебил он ее.

— И все-таки я тебе все расскажу: эти дома принадлежат мне только по документам, так как все деньги за них я отсылаю каждый квартал Нойройтеру в Испанию!

— Нойройтеру?!

— Да, бывшему штурмфюреру СС. Поляки приговорили его к смертной казни!..

— Ах, вот оно что! — Ромер еще раз зевнул.

— Моя мать в свое время работала у него управляющей. Старик сейчас за восемьдесят, а когда он умрет, тогда оба эти дома в Брауншвейге и вилла на море перейдут по завещанию ко мне. Я была там, красота такая, ну прямо как в раю!

— Может быть, он как-нибудь напьется и утонет, — проговорил Ромер и зевнул еще шире, а сам подумал о том, не лучше ли ему было выйти из игры, которую вел Хойслер.

— Ради бога, Пауль, что ты говоришь! — испуганно зашептала Марта. — Такими вещами не шутят!

— Ты, безусловно, права, Марточка: такими вещами действительно не шутят, — серьезным тоном повторил он.

5. НЕОЖИДААННЫЙ ПОВОРОТ

С восемнадцати лет Паульсен являлся доверенным лицом фирмы «Лорхер и Зайдельбах» и потому он лучше других — разумеется, кроме Лорхера — знал обо всех финансовых операциях фирмы. Когда он пришел работать на фирму, она переживала самые трудные времена и занималась исключительно изготовлением пиротехнических изделий. Настоящий скачок вперед фабрика сделала только тогда, когда приступила к выпуску гранат со слезоточивым газом.

С весны прошлого года в обязанности Паульсена входило (поскольку у Лорхера уже не было водительских прав) ежемесячно ездить в земельный банк за день до выплаты зарплаты. «Форд», который вел Паульсен, осторожно объезжал все колдобины, встречающиеся на пути: он не хотел рисковать машиной.

На переднем сиденье рядом с ним лежал портфель, в котором было двенадцать тысяч марок для выплаты зарплаты рабочим. Паульсен внимательно следил за дорогой и почему-то никак не мог отделаться от мысли, что на него могут напасть и ограбить. Если бы такое произошло, то Паульсен вел бы себя так, как советовал хозяин: не разыгрывать из себя героя, а послушно выполнить требования налетчиков, ведь похищенную сумму фирме возместила бы страховая компания.

Паульсен ехал, с наслаждением вдыхая свежий воздух, и вдруг не поверил собственным глазам: справа от дороги он увидел цветущий куст вереска. Он сильно нажал на тормоз, и «форд» застыл как вкопанный. Доверенное лицо фирмы воровато огляделся и, выйдя из машины, осторожно сорвал несколько цветущих веточек вереска. Радостный, он вскочил в машину и поехал дальше.

Перед высотным домом, в котором размещалась «ВОМА», остановился красный «мерседес» фон Венгена. Отставной генерал вылез из машины и бодро взбежал по лестнице, в которой было всего-навсего шесть ступенек. Двери из зеркального стекла открывались автоматически, и фон Венген вошел в большой зал, похожий на вестибюль шикарной гостиницы. Секретарша, солидная дама, дружелюбно кивнула ему:

— Вы к господину генеральному директору?

— Да.

Она кому-то позвонила, после чего стала еще приветливее и не проговорила, а скорее прошептала:

— Шеф ждет вас! Пожалуйста к «Ф»!

Фон Венген знал, что буквой «Ф» был обозначен последний из шести лифтов, которым позволялось пользоваться только высокому начальству. После убийства генерального директора объединения господа начальники, чьи кабинеты располагались на директорском этаже, находились в постоянном страхе, что и на них не сегодня завтра может быть совершено покушение. Получение генеральным директором объединения нескольких писем с угрозами в его адрес по времени совпало с предложением «Службой вневедомственной охраны» услуг по защите безопасности руководящих работников треста. И хотя письма с угрозами были написаны на совершенно другой машинке, чем столь лестное предложение, но продиктованы они были кое-кем из самой «Службы охраны».

Безопасность, как известно, стоит денег, а надежная безопасность, разумеется, больших денег. Дирекция же не пожалела денег на охрану, а «Служба охраны» организовала нечто удивительное, что в свою очередь вселило в руководящих сотрудников треста чувство уверенности в собственной безопасности.

Фон Венген подошел к лифту «Ф». Ему даже не

пришлось нажимать на кнопку вызова, так как дама-секретарша, сидевшая в своей кабинке за пуленепробиваемым стеклом, сама подала ему лифт. Как только он вошел в кабину, дверь закрылась. Лифт был запрограммирован на одиннадцатый этаж и на других этажах не останавливался. Дверь его открывалась только снаружи, и фон Венгену пришлось подождать, пока сотрудник охраны встал со своего места и, подойдя к лифту, заглянул через специальное окошечко в кабину.

Увидев генерала, охранник заулыбался. Дверца лифта отворилась, и фон Венген оказался в широком директорском коридоре, почувствовав под ногами толстую ковровую дорожку. Охранник показал ему рукой на дверь гардероба; на самом же деле это была специальная камера, оборудованная чуткими магнитами, которые прекрасно реагировали даже на небольшие металлические предметы, освобождая гостя от обычного обыска руками.

Секретарша Линдштедта бросила на генерала приветливый взгляд и, одарив его очаровательной улыбкой, показала на двойную дверь кабинета.

В приемной генерального директора сидел сотрудник охраны, который смерил фон Венгена пронзительным взглядом, словно тот был потенциальным бандитом.

Гарольд фон Венген не в первый раз наносил визит Линдштедту, однако каждый раз, оказываясь здесь, он не переставал удивляться той приятной обстановке, которая тут царила. Дело в том, что господин генеральный директор проводил в этих стенах гораздо больше времени, чем в собственной вилле, расположенной на берегу Мозеля.

Сегодняшний свой визит фон Венген рассматривал как своего рода поощрение, так как встреча предстояла неофициальная. Рабочий кабинет директора был похож на музей, в застекленных витринах которого на бархатных подушечках лежали образцы старинного оружия, некоторым из которых не было цены. Генеральный директор со своей седой шевелюрой, отвислыми щеками и лбом с надвинутыми на него очками скорее походил на зрителя замка, чем на главу концерна вооружений; надев резиновые перчатки, он чистил мягкой тряпкой пистолет старинного образца.

— Садитесь! — безапелляционно проговорил хозяин кабинета, как только они обменялись короткими при-

ветствиями. Однако фон Венген проигнорировал приглашение сесть и подошел к столу, заранее зная, что он сейчас порадует Линдштедта.

— Превосходный экземпляр, — проговорил генерал, внимательно рассматривая матово поблескивающий пистолет, рукоятка которого была украшена золотыми и серебряными насечками.

— Сделан руками Ивана Лялина в девяностых годах семнадцатого столетия. Так, по крайней мере, утверждает экспертиза, — пояснил Линдштедт.

— Иван Лялин?! — удивился фон Венген. — Выходит, это русская работа?

Линдштедт кивнул и объяснил:

— Да, самые лучшие образцы ручного оружия восемнадцатого и девятнадцатого столетий изготавливали в России в ружейных мастерских города Тулы! — с этими словами Линдштедт, забрав пистолет из рук генерала, любовно уложил его на бархатную подушечку. Подойдя к письменному столу, он дотронулся рукой до кнопки сенсорного устройства, и в тот же миг в четырех местах громадного зала одновременно засветились сигнальные лампочки.

Фон Венген прекрасно знал, что это означало: включение миниатюрной радиации, которая была смонтирована «Службой охраны» и исключала всякое подслушивание путем установки тайных «мини-радиоспионов». Генеральный директор не желал пользоваться услугами постоянной радиостанции помех, считая, что их действие неблагоприятно сказывается на здоровье. Световые же сигналы напоминали о том, чтобы хозяин кабинета не забыл выключить прибор после его использования.

Сняв резиновые перчатки, Линдштедт снял китель, но, даже оставшись в сорочке и жилете, все равно казался одетым вполне прилично.

Взяв в руки папку с подписанными им бумагами, Линдштедт вынул из нее кассовый ордер и вручил его генералу.

Фон Венген украдкой бросил взгляд на сумму счета и сразу же заметил, что после единицы стояло только пять нулей, а шестого нуля почему-то не было.

— Обратитесь, пожалуйста, к господину Зайферту, — проговорил решительно Линдштедт.

— Да, конечно, — заверил его фон Венген, зная, что начальник финансового отдела лично распоряжался

средствами, которые отпускались на различные секретные операции.

— Как вы считаете, когда вам понадобятся эти средства?

Фон Венген усмехнулся. По своему обыкновению, Линдштедт никогда не называл имен с сомнительной репутацией.

— Завтра утром, точнее говоря, в половине десятого! — Фон Венген не любил неопределенных выражений, так как за долгие годы службы в армии привык к точности, и потому назвал точное время встречи в Кобленце с майором Вольнофом, от которого он должен получить ценные бумаги и ящик с шестью ослепляющими зарядами.

Мастерские «МАД» являлись своеобразным придатком лаборатории бундесвера, якобы занимающейся проверкой состояния материальных средств. На самом же деле они были предназначены для того, чтобы в основном выполнять заявки различных инстанций, нуждающихся в технических средствах, необходимых для выполнения специальных заданий. Так, например, именно здесь были изготовлены пепельницы в виде морских раковин, которые имелись в кафе парусного клуба «Посейдон», — с помощью них можно было вести подслушивание, не привлекая никакого внимания. В этих же мастерских занимались изготовлением и обычных, бытовых вещей — бритв, зажигалок, тюбиков для зубной пасты, но с соответствующими миниатюрными тайниками, в которых можно было хранить микро пленку или же тайнопись.

Обер-лейтенант Хойслер посетил эту лабораторию, имея на руках письменное распоряжение, согласно которому ему должны были приготовить все необходимое для предстоящей операции.

Хойслер был лично знаком с начальником механической мастерской, которая была оборудована самыми современными машинами; им числился инженер в чине капитана, которого обер-лейтенант нашел в его застекленной кабинке. Инженер очень обрадовался, узнав, что изготовленные у него ключи подошли к сейфу, поскольку довольно часто случалось и такое, что изготовленное по какой-либо причине не подходило или же отказывало в самый критический момент.

После посещения капитана Хойслер направился к доктору Шнайдеру, руководившему лабораторией, которого он знал еще по занятиям на курсах. Хойслер в душе считал Шнайдера в какой-то степени сумасшедшим, так как тот, по его мнению, со своими знаниями достиг бы гораздо большего, работая на каком-нибудь крупном промышленном предприятии. Шнайдера же привлекало то, что здесь он выполнял такие интересные задания, какие можно получить только в институте криминалистики. Помимо этого, здесь он совершенствовался как токсиколог.

— Я, если хотите, являюсь своеобразным симбиозом поджигателя и пожарника в одном лице, — как-то заявил о себе Шнайдер.

Обер-лейтенант Хойслер вошел на «адскую кухню» и застал Шнайдера за его любимым занятием: тот пил кофе, приготовленный собственноручно.

— Присаживайтесь, господин Хойслер! — предложил доктор Шнайдер, протягивая ему чашечку кофе. Хойслер взял из-под стола табурет и уселся рядом с доктором.

— Я предполагаю, что вас в наши края загнало отнюдь не пустое любопытство, — проговорил доктор, протягивая руку.

Хойслер вопросительно посмотрел на него.

— В этом здании так уж заведено, что все пожелания здесь выполняются только по письменным заявкам!

— Ах да, конечно! — И обер-лейтенант протянул Шнайдеру заявку, подписанную Вольнофом, в которой говорилось, что обер-лейтенант Хойслер выполняет специальное задание и ему должна оказываться необходимая помощь.

— А что вас интересует?

— Мне необходима жидкая пластмасса, целый тюбик из-под зубной пасты!

— А для каких целей? Я имею в виду, с какими свойствами, или это уже тайна?

Хойслер махнул рукой:

— Пустяки! Просто надо выиграть время: сделать так, чтобы кое-кто не смог бы вовремя открыть свой собственный сейф и убедиться в том, что он пуст.

— Понимаю, понимаю, — закивал Шнайдер. — Засунутая в замочную скважину жевательная резинка желаемого результата не дает. Большого эффекта вы не

получите и тогда, если воспользуетесь силиконом! — Он покопался в одном из шкафов, перебрал несколько коробочек и тюбиков, а затем вынул небольшой пузырек. — Возьмите вот это, но имейте в виду, что после этого средства сейф придется резать автогенном!

— О'кей, — одобрительно сказал Хойслер и усмехнулся, представив себе растерянную и удивленную физиономию Лорхера, когда тому так и не удастся открыть сейф и в конце концов придется прибегнуть к автогенному аппарату.

Затем Хойслер поинтересовался относительно фармацевта, но тот, как выяснилось, сломал ногу и теперь лежал в больнице. Шнайдер тем временем вынул из кармана брюк связку ключей и спросил:

— А что вы от него хотели? Я временно распоряжаюсь на его «кухне». — И не успел Хойслер сказать ни слова, как доктор добавил: — Вот только шкаф с ядами опломбирован, и тут я ничем вам помочь не смогу!

— Мне нужно такое средство, — начал объяснять обер-лейтенант, — приняв которое человек почувствует себя плохо и не сможет явиться на работу.

Доктор Шнайдер понимающе ухмыльнулся:

— Не явиться на работу? Любопытно!

— Кстати, тот человек курит трубку, — как бы мимоходом заметил Хойслер.

— Это уже кое-что, — сказал Шнайдер и быстро исчез в соседнем помещении. Он вышел через минуту, держа пробирку с порошком серого цвета.

— В пакет табака — пятьдесят граммов, но ни в каком случае не больше! Порошок безо всякого запаха и совершенно безвкусный!

— А каково его действие?

— Действует он безотказно: человека начинает знобить, потом бросает в пот... Он смело может показываться любому врачу: бюллетень на несколько дней обеспечен! — заверил его доктор.

В тот августовский день все заинтересованные лица были заняты подготовкой вскрытия сейфа фирмы «Лорхер и Зайдельбах».

Благодаря предупреждению капитана Венцеля Лорхер находился в курсе относительно готовящейся про-

тив него акции, однако все контрмеры против нее он переложил на плечи сына, которого он тайно пропустил на территорию завода через маленькую калитку.

Перед самым обедом из Франкфурта была получена телеграмма на имя доктора Зайдельбаха. В ней издатель книги доктора «Путеводитель по ботанике» срочно просил Зайдельбаха приехать к нему. Речь шла об авторизации перевода книги для одного из американских издательств.

Получив телеграмму, Зайдельбах читал ее до тех пор, пока не заучил наизусть. От охватившего его волнения доктор за обедом почти ничего не ел. Издатель ожидал Зайдельбаха в отеле «Интернациональ», где ему заказал номер франкфуртский знакомый Крампена, которому Берт по телефону сообщил о телеграмме.

Лорхер заказал для своего компаньона билет на самолет Ганновер — Франкфурт. Зайдельбах уселся в такси, которое должно было довезти его до районного центра. В этот момент доктор был до удивления похож на сельского учителя, который выезжает в большой город для получения наследства после смерти богатой тетушки.

Лорхер бросил встревоженный взгляд на свои наручные часы: подготовка Зайдельбаха к поездке заняла, по его мнению, слишком много времени.

Как только доктор уехал, Крампен приступил к установке скрытой фотокамеры, действующей с помощью инфракрасного излучения, объектив которой был нацелен на сейф.

Лорхер спешил с постройкой новых производственных помещений, которые должны были выгодно отличаться от старых, возведенных еще в пятидесятых годах и похожих на простые бараки. Главное здание должно было быть оборудовано самыми современными машинами. Лорхер каждый раз входил в это помещение с трепетом и гордостью. Правда, выплата процентов по кредитам съедала большую часть прибыли, и это обстоятельство порой портило ему радостное настроение. Лорхер подписал распоряжение, согласно которому мастер смены должен был выдать одну гранату «для лабораторных целей», и усмехнулся, невольно натолкнувшись на двойной смысл этих слов.

Перед отъездом Зайдельбах был настолько взволнован, что даже позабыл взять с собой свой ключ от сей-

фа, который Лорхер обнаружил в ящике письменного стола своего компаньона. Однако ему не понравилось, что Крампен видел, как он открывал сейф.

Крампен достал из своего портфеля маленькую коробочку с каким-то механизмом, очень похожим на игрушку, и объяснил:

— Вот здесь лежат деньги, которые они возьмут в первую очередь, а вот здесь, за папками с бумагами, я прилажу ослепляющую гранату. На какое время рассчитано ее действие?

— Во всяком случае, на десять — пятнадцать секунд! Когда была совершена кража в банке Дрездена...

— Это для нас неважно, — перебил его Крампен. — Этого времени будет вполне достаточно для того, чтобы покончить с ними!

Все было сделано так, что, когда Хойслер станет вынимать из сейфа документы, сработает взрыватель. Чтобы стопка документов в какой-то степени не снизила эффективности действия гранаты, в приспособление был вмонтирован специальный замедлитель. Лорхер похвалил Крампена за предусмотрительность.

Не успел Крампен закончить свои приготовления, как дверь лаборатории отворилась, и на пороге появился старый Вахтель.

— Быстро выпроводи его отсюда, — прошептал Крампен, а заметив, что Лорхер почему-то медлит, заволновался: — Адольф, ну скорей же!

Лорхер остановил Вахтеля еще до того, как тот заметил, что дверь сейфа открыта. Старик заявил, что доктор Зайдельбах сам вызвал его сюда. Дело в том, что Вахтель видел во владельце лаборатории своего настоящего и единственного шефа. Все указания Лорхера он серьезно воспринимал только тогда, когда их подтверждал сам Зайдельбах. Вот почему Вахтель никак не мог понять, как доктор мог уехать, не оставив ему на этот случай специальных указаний. Сокрушенно качая головой, старик с неохотой вышел из лаборатории.

Лорхер снова подошел к сейфу. Крампен одобряюще кивнул ему и сказал:

— Теперь порядок, клади деньги!

Лорхер с недоверием посмотрел на связанные папки с документами и, протянув руку, хотел было дотронуться до них.

— Что ты делаешь? — Крампен быстро схватил его

за руку. — Ты же заставишь сработать наше пасхальное яичко!

Сравнение ручной гранаты с пасхальным яйцом было явно неудачным. Граната была похожа скорее всего на большой теннисный мяч с пластмассовым кольцом посередине. Слишком поздно Лорхер понял, какое значение имели слова Крампена. Он положил привезенные Паульсеном из банка деньги в сейф и закрыл дверцу, которая, как ему показалось, как-то злобно заскрипела.

Супруги Ховельман только что поужинали. В кухне старуха Ховельман мыла посуду, звон которой доносился наружу сквозь открытые окна. Гундулу она услала наверх, чтобы та не вытирала вымытую посуду: молодые люди собирались пойти в кино в Целле.

Бруно Ховельман уселся на садовую скамейку и закурил трубку. Хойслер возился со своим «гольфом» и одновременно тайком наблюдал за охранником. Обер-лейтенант нарочно испортил зажигание, чтобы задержаться с выездом и опоздать на сеанс в кино.

Гундула прогуливалась перед домом; на ней была голубая юбка и белая блузка — она казалась одетой почти по-праздничному.

— Ну, что там еще стряслось?! — крикнула она и, не дождавшись ответа Хойслера, обратилась к деду: — Ты плохо себя чувствуешь, деда? Ты сегодня какой-то бледный!

— Я и сам не знаю, — пробормотал старик. — У меня какое-то странное состояние... — Он выронил трубку из руки и закашлялся. Пот тек у него по лицу.

Гундула положила руку на лоб старика и сразу всполошилась:

— Да у тебя жар!

— Глупости, — проговорил дед. — Может, студень был несвежий?

Состояние Ховельмана исключало поездку в кино. Старика сильно знобило. Заступать в таком состоянии на службу он, разумеется, не мог. Хойслеру пришлось поехать в село, чтобы отправить на дежурство самого Ромера. Когда он вернулся обратно, то тут же заявил:

— Я еще должен съездить на фирму — Ромер не совсем трезв.

Они уселись на скамейке перед домом. Гундула прильнула к нему, и он обнял ее за плечи.

— Ты надолго там задержишься?

Обер-лейтенант покачал головой.

— Хочешь, выпьем по бокалу вина? — спросил он. — Я все равно поеду на велосипеде.

— Нет, я не хочу вина, — ответила девушка. — Я пока вообще ничего алкогольного пить не буду.

Ее слова насторожили Хойслера, и он спросил:

— Почему? Уж не вступаешь ли ты в общество трезвешников?

— У меня будет ребенок!

— Не может быть!.. — Он был потрясен.

Гундула заглянула ему прямо в глаза и отгадала его мысли: еще бы, ведь она все время обманывала его, говоря, что принимает противозачаточные таблетки.

«Почему она не подождала? — тревожно подумал он. — Как я ей теперь втолкую, что сейчас не время?..»

— А я думала, что ты обрадуешься... — растерянню проговорила она.

Хойслер погладил ее по плечу и поцеловал, но губы Гундулы были плотно сжаты.

— Ты меня прямо-таки ошарашила своей новостью, — первно заговорил он. — Разве ты этого не понимаешь? Или ты хочешь, чтобы я закричал от радости? Ты же хорошо знаешь, что на этой неделе состоится нечто очень важное для меня. — Хойслер не хотел говорить Гундуле о том, что от этого важного события его отделяет всего несколько часов.

— Не надо ничего объяснять! — обиженно выкрикнула она.

Гундула понимала, что поступила не совсем правильно: решила забеременеть, даже не посоветовавшись с ним. Но то, как он воспринял это известие, просто оскорбило ее. Он мог хотя бы сделать вид, что рад такой новости. Гундула чувствовала, что он не откровенен с ней, и это усилило ее разочарование. Она убежала в дом, оставив Хойслера одного.

Тем временем Бруно Ховельману стало несколько лучше. Домашние лекарства помогли. Его уже не лихорадило, температура заметно спала. Жена Ховельмана готова была поклясться, что он съел что-то несвежее. Обессиленный и бледный, он лежал в постели.

Часы показывали десять минут первого ночи, когда Хойслер на велосипеде подкатил к калитке фирмы. Навстречу ему вышел Ромер, от которого слегка пахло шнапсом.

— Неужели даже сегодня вы не могли удержаться от выпивки? — с раздражением спросил его обер-лейтенант.

Ночь, как по заказу, выдалась такой темной, что невозможно было разглядеть даже ладонь собственной вытянутой вперед руки. Над ними пролетела какая-то почная птица, шелест крыльев которой испугал Ромера.

— Не нравится мне все это, — прошептал он.

— Почему?

Ромер пожал плечами, чего Хойслер, разумеется, видеть не мог и потому лишь раздраженно махнул рукой.

— Я не умею гадать, — ответил Ромер.

— Чепуха, — пробормотал обер-лейтенант, — нигде у нас так сильно не верят предчувствиям и в чары ведьм, как в маленьких селениях, расположенных у черта на куличках, а вот наш прагматик Ромер, оказывается, верит во все это, не так ли?

— Я не могу рисковать своим служебным положением... — Немного помолчав, он добавил: — На вашем месте я бы отложил эту операцию на другое время!

— Вы что, трусили?.. — раздраженно прошипел Хойслер. — Тогда удирайте, пока не поздно!

В этот момент где-то поблизости хрустнула ветка. Оба они испуганно вздрогнули. Возможно, что это пробежала бездомная кошка. Работницы с кухни часто выставляли остатки пищи во двор, перед дверью.

— Ну, так как? — нетерпеливо спросил Хойслер. — Поможете вы мне или нет?

— Да, я согласен, — тихо проговорил Ромер.

Не соблюдая особой осторожности, обер-лейтенант пошел вперед: в конце концов, он выполнял свой служебный долг. Слегка звякнув ключами, он отпер дверь кирпичного здания.

— Пронеси, господи! — еле слышно прошептал Ромер и три раза сплюнул.

— Какая чушь, — пробормотал обер-лейтенант, направляясь к лестнице, которая вела на второй этаж.

Когда он вошел в лабораторию, то сразу же почувствовал запахи кислот, щелочей и каких-то эссенций. Хойслер поставил ногу на подставку с кактусами и тихо выругался. Светя своим фонариком, он обошел письменный стол доктора Зайдельбаха и приблизился к сейфу.

Ромер остался стоять в коридоре, внимательно прислушиваясь к малейшему шороху или же звуку.

Хойслер так положил свой фонарик на одну из табуреток, что его свет падал на сейф, затем он осторожно

вставил ключ в замочную скважину. Как и во время предыдущей попытки, верхний ключ повернулся с большим трудом. И вдруг ему показалось, что за его спиной кто-то пошевелился. «Быть может, предчувствие Ромера было верным?.. Он-то имеет большой опыт в подобных делах...»

Обер-лейтенант вынул пистолет из-под мышки и снял его с предохранителя. Бесшумно он прошел к обитой железом двери соседнего помещения, где Вахтель хранил принадлежности для чистки оружия. Он нажал на ручку двери, но она почему-то была заперта.

Хойслер снова вернулся к сейфу и потянул дверцу на себя, она со скрежетом открылась. Прямо перед ним лежали банкноты. Судя по стопке, тысяч десять марок, не меньше. Хойслер снял с плеч рюкзак и, вынув из сейфа ящик с боеприпасами (благо он оказался не очень тяжелым), опустил его туда.

Пачки банкнот он рассовал по карманам и только потом протянул руку к папке с документами. Обер-лейтенант хотел ее вынуть, но что-то ее прочно удерживало. Он потянул сильнее, и в тот же миг раздался негромкий хлопок. Хойслер сразу же оказался в облаке какого-то ядовитого дыма, в глазах у него потемнело, но наступившая темнота была какой-то необычной.

В этот момент хлопнула дверь, которая вела в соседнее помещение. Хойслер быстро обернулся и, выхватив пистолет, выстрелил наугад. И тут же почувствовал сильный удар. Он упал на пол, стукнувшись при падении лбом об угол сейфа, и потерял сознание.

На пороге появился Лорхер, который восхищенно смотрел на Крампена. Тот действовал с завидной решимостью и быстротой. Когда произошла яркая вспышка в лаборатории, Берг рывком распахнул дверь и схватился за выключатель. Неоновые лампы сначала замигали, а затем залили лабораторию ярким светом. Хойслер выстрелил, но пуля пробила железный лист, которым была обита дверь, и застряла в косяке. Крампен мгновенно оказался рядом с Хойслером и ударил его мешочком с песком по голове.

Ромер же, стоя в коридоре, лихорадочно прислушивался к каждому шороху и звуку. Нервы у него были на пределе. Его охватила нервная дрожь, чего до этого с ним никогда не бывало. Вдруг в лаборатории стало так светло, как бывает лишь от свежевывавшего снега, но это длилось всего лишь какие-то доли секунды. Сосны, росшие в зоне охраны, казались облитыми этим ярким

светом, а забор из колючей проволоки казался серебряным. Однако в следующее мгновение все вокруг потемнело, и эта темнота казалась еще мрачнее. Неожиданно на верхнем этаже загорелся свет, который Ромер видел в первый раз, так как по ночам в квартире доктора Зайдельбаха обычно горела одна настольная лампа под зеленым абажуром.

И вдруг раздался выстрел, от звука которого Ромер испуганно вздрогнул.

«Что-то случилось! Кто же это стрелял?.. У Хойслера есть пистолет, но в кого он мог стрелять?!»

Ромер страстно желал только одного: все бросить и бежать отсюда, чтобы ничего не видеть и не знать! Но как же Хойслер?.. Бросить его?..

Ромер почти бесшумно поднялся по лестнице. Дверь лаборатории была приоткрыта, и он осторожно заглянул внутрь. Ромер увидел открытый сейф и Лорхера возле письменного стола, а рядом с ним мужчину, очень похожего на него.

Незнакомец сделал нечто совсем непонятное: сначала намазал каким-то составом лист бумаги, а затем прилепил его к сейфу. Ромер ничего не понимал, но он не видел Хойслера! Ромер чуть нагнулся, чтобы заглянуть под лабораторный стол, и... увидел его. Обер-лейтенант неподвижно лежал на полу перед сейфом. Ромера охватил ужас. Кровь прилипла к голове, а ноги стали ватными. Так продолжалось несколько секунд, пока он не преодолел сковавший его страх. Незаметно он проскользнул к лестнице и сломя голову бросился вниз.

Еще перед началом операции Хойслер приказал Ромеру, чтобы тот, если случится что-нибудь непредвиденное, незамедлительно связался с майором Вольнофом. Тот будет ждать их возвращения в загоне для овец, до которого от лаборатории было километров пять. Ромер вывел свой мопед через калитку и помчался к майору.

Лорхер уставился на неподвижного Хойслера, а Крампен наклонился над ним и, взяв руку обер-лейтенанта, нащупал пульс.

— Он всего лишь потерял сознание, — спокойно говорил Крампен, вынимая из руки Хойслера портфель. Затем он защелкнул у него на запястьях наручники. Пистолет обер-лейтенанта валялся на полу. Крампен поднял его, поставил на предохранитель и положил на стол.

— Что это такое? — спросил Лорхер, показывая на красовавшуюся на сейфе бумагу. Он перешагнул через лежавшего на полу Хойслера и, подойдя ближе к сейфу, вслух прочитал:

«ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ! Этот сейф оборудован специальным ослепляющим устройством! Открывающий сейф без разрешения подвергает серьезной опасности свое зрение! Пиротехническая фабрика «Лорхер и Зайдельбах».

Лорхер сдвинул очки на нос и рассерженно спросил:

— Ты что, с ума сошел?! К чему это?

Крампен ехидно усмехнулся и, отодвинув недоумевающего Лорхера в сторону, вытащил из рюкзака Хойслера ящик с боеприпасами.

— Неужели ты ничего не понял? Да я эти фотографии разошлю по редакциям кое-каких газет! Лучшей рекламы для тебя и быть не может!

— Какая глупость! — не проговорил, а скорее простонал Лорхер, выходя из себя. — Да ты испортишь мне весь гешафт! Ослепляющая граната может быть использована лишь в том случае, если ее поражающее действие не является длительным...

— Да кто об этом говорит? — грубо перебил его Крампен.

Лорхер устремил на сына неподвижный взгляд, и лицо его побледнело. Потом он смотрел то на металлический ящик с боеприпасами, то на лежавшего без сознания Хойслера... Неожиданно Лорхер оживился и обрел такую подвижность, какую трудно было ожидать от его массивной фигуры: оттолкнув Крампена в сторону, он отстегнул защелки ящика и поднял его крышку.

— Нет, — заговорил он, — этого ты не сделаешь!

В ящике в специальных углублениях-гнездах лежали пять пластиковых яиц, похожих на страусиные. Они до удивления были похожи на пасхальные яйца, раскрашенные красными полосами с разводами. В шестом же гнезде, обведенном зеленой краской, покоился шар, похожий на коричневый теннисный мяч, но несколько большего размера.

— Ты их заменил! — испуганно воскликнул Лорхер. — Так вот почему ты говорил о пасхальных яйцах! Боже мой, что же теперь будет?!

— Эта мысль пришла мне в голову совершенно случайно. Стоит ли стрелять холостыми патронами, когда имеются боевые! Здесь ведь не учение, а серьезная борь-

ба! Готов биться об заклад, что теперь ты получишь крупные кредиты!

Лорхер в изнеможении опустился на табурет и, достав из кармана платок, начал вытирать им вспотевший лоб.

— Боже мой, что же теперь с ним будет?! — с этими словами он показал на Хойслера, который начал приходить в себя.

Крампен закрыл крышку ящика с боеприпасами и поставил его в сейф на прежнее место. После этого он взял в руки свою фотокамеру и как ни в чем не бывало начал делать снимки, словно выполнял самый обычный фотозаказ.

— Этого ты не должен был делать, Берт, — зашептал Лорхер, — по крайней мере до тех пор, пока не посоветовался со мной!..

— Да перестань ты, в конце концов, пыть! — оборвал Лорхера сын. — Ты еще будешь благодарить меня! — Он махнул рукой в сторону Хойслера. — Что ты ему плохого сделал? А он у тебя со спокойной совестью намеревался стащить твоё новое оружие!

Этот аргумент подействовал на Лорхера, он даже немного приободрился.

— Позвони же наконец в полицию! — чуть ли не приказным тоном проговорил Крампен, закуривая сигарету.

Лорхер вскочил с табурета и бросился к письменному столу Зайдельбаха, на котором стоял телефон.

Вскочив на мопед покойного хозяина гостипицы Вильгельма Фенске, Ромер сначала помчался по дорожке для велосипедистов, а затем свернул на левую дорогу, по которой обычно мало кто ездил. На этот раз путь всего лишь в пять километров показался ему ужасно долгим. В темноте он не сразу разыскал заброшенный загон для овец.

Дул легкий ветерок. Ромер повел мопед прямо через небольшой кустарник, а когда толкать его стало особенно трудно, прислонил к стволу одинокой березы. Вскоре он рассмотрел силуэт крыши. И в тот же миг его ослепил свет автомобильных фар.

Машина майора Вольнофа стояла неподалеку от полуразрушенного загона.

— Что случилось?! — раздался вдруг взволнованный голос майора.

— Хойслера застрелили, — прошептал Ромер.

— Насмерть?

— Думаю, что да! Сначала я услышал выстрел, а чуть позже... увидел его лежавшим на полу, возле сейфа... Он был неподвижен!

Вольноф помрачнел. Он явно злился из-за случившегося.

Майор невольно задумался. В Хойслера стреляли, однако это вовсе не значит, что тот был убит. Вольноф прекрасно понимал, что мертвый Хойслер для него менее опасен, чем живой. Произшедший инцидент наделает много шума, и теперь начальство потребует от него подробного доклада о случившемся. А если Хойслер окажется жив и проговорится обо всем, тогда ему, Вольнофу, не видать звания подполковника как своих ушей, более того, его могут понизить в звании или даже демобилизовать.

Майор приказал Ромеру следовать за ним в машину:

— Ведите себя так, как будто вы об этом инциденте ничего не знаете. Территория фабрики довольно большая!

— Так точно, господин Вольноф! — ответил Ромер, садясь на переднее сиденье рядом с майором.

— А теперь еще раз расскажите о случившемся, только подробно, со всеми деталями. — Вольноф включил портативный магнитофон.

6. МЕРТВЫЕ ГЛАЗА

В десять часов двадцать две минуты реактивный самолет «ДС-9», следовавший из Парижа, приземлился на аэродроме в Базеле. В числе первых пассажиров на землю сошел Фред Горица с «дипломатом» в руке. Другого багажа у него не было. Загорелое лицо Горицы говорило о том, что он недавно побывал в тропиках. На нем был легкий костюм, в котором он был похож на путешественника, только что вернувшегося из поездки по Африке.

В просторном зале аэровокзала его ожидал сотрудник фирмы «Вольта-гаражен», студент второго курса биологического факультета, который передал ему документы и ключи от автомашины «Альфа». Уже судя по одному этому, разведывательная служба действовала безотказно.

Базельский аэродром располагался на территории, население которой говорило в основном на французском языке. Шоссе, соединявшее аэродром с городом, было обнесено колючей проволокой. Базель Горица знал намного лучше, чем любой крупный город Западной Германии. Проехав по шоссе, он свернул на Люцернринг и, объехав сити, миновал виадук и поехал по шоссе, которое вело на Цюрих.

В небольшом селении, паходившемся на полпути между Цюрихом и Вадуцем, он сделал короткую остановку, чтобы позавтракать. Вскоре он был уже в Лихтенштейне. Бенно Хонигман ожидал приезда Горицы в отеле «Энгель», современном четырехэтажном здании с пансионом для семейных.

Они расположились на террасе перед апартаментами, которые занимал Хонигман. Официантка, обслуживающая гостей в номерах, принесла им аперитив: хозяин выбрал для себя красный вермут «Мартини», а Горица — коньяк. Горица окинул взглядом местность. Небольшая территория княжества Лихтенштейн представляла собой удобный центр для проведения различного рода международных встреч.

Хонигман довольно часто покидал Тель-Авив, но отнюдь не из желания избавиться от царящей в Израиле жары и понаслаждаться мягким климатом Лихтенштейна. Причина заключалась в том, что он являлся связным израильской секретной службы.

Бенно Хонигман был убежденным сионистом.

С Горицей Хонигмана связывало многолетнее сотрудничество, из которого оба они извлекали взаимные выгоды. На этот раз Горица летал в Капштадт в качестве спецкурьера и теперь через Париж возвращался в Дюссельдорф. На парижском аэродроме Орли его ожидал представитель спецслужбы, который и сообщил ему о необходимости заехать в Вадуц. Все это свидетельствовало о том, что Хонигман намеревался предложить свои услуги западногерманской спецслужбе.

Человек, встретившийся с этим израильтянином в первый раз, вероятно, принял бы его за образованного человека, прекрасно разговаривающего на трех языках. Однако, несмотря на свои светские манеры, Хонигман выглядел в некотором роде провинциалом.

— Вы любите музыку Франца фон Зуппе? — спросил Хонигман, пробуя вермут.

Горица кивнул в знак согласия, хотя в действительности находил музыку такого рода скучной.

Пластинка автоматически легла на диск проигрывателя. Хонигман с помощью дистанционного управления запустил диск, и из проигрывателя полились звуки увертюры к «Поэту и крестьянину». Израильтянин увеличил громкость до предела, при этом оба собеседника обменялись понимающими взглядами: их теперь трудно было подслушать.

— Я не буду начинать издалека, Фред, — проговорил Хонигман. — Страна у нас маленькая, и потому мы можем добиться успеха только с помощью некоторых специалистов со стороны; вот, собственно, почему мы сотрудничаем и с вашей секретной службой.

Горица, не вставая с места, изобразил нечто похожее на поклон и приветливо улыбнулся, при этом его ямочка на подбородке обозначилась более явственно.

— Об этом не следует и вспоминать, Бенно, — заверил Горица своего собеседника.

Тогда израильтянин перешел конкретно к делу:

— Одна фабрика, находящаяся в государственном подчинении и занимающаяся выпуском электрических приборов бытового назначения, попала в довольно затруднительное положение — она не выдержала конкуренции на мировом рынке... В ее интересах пужно бы кое-что предпринять! Речь идет о возможности вести борьбу с самыми опасными для нас конкурентами на Европейском рынке в выпуске новой электрошпики!

Бенно Хонигман откинулся на спинку кресла и начал внимательно разглядывать гостя, словно желая убедиться в том, что тот правильно понял значение принимаемого шага.

— Нам придется заглянуть в ящики письменных столов ваших конкурентов, не так ли? — спросил Горица так тихо, что его собеседник не столько расслышал, сколько прочел эту фразу по движению его губ.

Израильтянин с усмешкой повертел свою рюмку с вермутом и тряхнул головой.

— Нет, этого даже не потребуется делать! — отчеканил он. — Зачем нам гоняться за продуктом человеческого ума, когда мы, вероятно, можем заполучить сам ум?

Горица согласно закивал, понимая, что сотрудничество с Хонигманом никогда не застывает в какой-то од-

ной форме, так как Бенно постоянно ищет и находит его новые формы и методы.

— Развивающегося гения зовут Эбергардом Шоком! В первую очередь нам необходимо иметь его подробную биографию, фотокопии со всех его документов, данные о его финансовых операциях, сведения о его банковских операциях за последние два года, справку из полиции о его коммерческой деятельности, записи разговоров с собственными детьми и тому подобное. Помимо этого нам необходимо иметь несколько фотографий его дома, всех членов его семьи, его автомашин, подробное описание оборудования и обстановки его квартиры. Нам нужно иметь представление (и притом довольно подробное) о его образе жизни, знать, где, с кем и когда члены его семьи проводят свой отпуск и еженедельный уик-энд!

Горица понимающе кивнул. В делах подобного рода Горица обычно имел успех, так как всегда выходил на нужного человека.

— Человек, который займется этим делом — а он, как и вы, господин Икс, большой профессионал, — хотел бы иметь на этот счет своеобразный договор!

И господин Икс делал все необходимое, и в первую очередь перечислял на банковский счет спецслужбы определенную сумму денег, не забыв при этом перевести внушительную сумму на личный счет самого Горицы. Чего не сделаешь ради того, чтобы конкурирующая фирма оказалась бы в числе банкротов, а семьсот рабочих оказались бы выброшенными на улицу!

Довольный собой, Хонигман на сей раз отступил от своей привычки и заказал еще по одному аперитиву.

— Ваша служба все еще развивает технику подслушивания? — осторожно поинтересовался израильтянин.

Горица подтвердил это, добавив, что он лично выполняет самые различные поручения, не говоря уже о том, что большую часть времени он посвящает «изучению рынков сбыта», иначе говоря, занимается ведением промышленного шпионажа.

«Любопытно, с какой стати Хонигман упомянул об этом, — невольно задумался Горица. — Уж не собирается ли он и на этот раз снабдить меня своими бесценными указаниями, которые обычно оказываются очень «нужными»?..»

— Поразмыслите над моими словами, — продолжал Бенно Хонигман, — нам нужна новая техника подслу-

шивания, которая не будет нуждаться ни в традиционном микрофоне, ни в обычном передатчике!

Горица выжидающе смотрел на израильтянина. И Хонигман начал объяснять, что с помощью светового или инфракрасного луча, направленного на окно комнаты, в которой ведутся переговоры, можно поймать отражаемый луч, при помощи специального фотоэлемента разложить его и преобразовать таким образом, что можно будет прекрасно слышать все до тончайших шумов и порохов.

— Для ведения промышленной разведки, — заключил израильтянин, — трудно придумать что-нибудь лучшее. — Однако, заметив на лице Горицы скептическое выражение, он быстро добавил: — Во время войны во Вьетнаме такие приспособления оправдали себя и одновременно показали, что с их помощью можно улавливать такие звуки и шумы, какие не способно воспринимать даже человеческое ухо. С их помощью можно улавливать и передавать шумы, которые не дошли до наблюдателя. Так, например, с вертолета можно сбросить на землю такие сенсорные приспособления, которые будут замаскированы под обычные булжники, помет скота или же что-нибудь такое, что может лежать на местности, не вызывая никакого подозрения. Такое приспособление способно воспринимать теплоту, запахи, звуки или же излучение от предметов, а затем на расстояние передавать о них соответствующую информацию!

В этот момент увертюра кончилась. Радиокомбайн автоматически сменил пластинку. На этот раз, как показалось Горице, зазвучала музыка Моцарта.

— Вы только представьте себе, Фред: в скором времени полями битв для электроники станут заводские цеха, фабрики, испытательные треки автомобильных фирм! Горица усмехнулся:

— Хотите услышать мое мнение, Бенно? Пожалуйста: большая часть денежных средств, которая идет на покупку защитной аппаратуры, окажется вложенной более выгодно, если вы поужинаете со словоохотливым служащим конкурирующей фирмы или же заведете роман с секретаршей председателя президентского совета фирмы.

— Вы, разумеется, правы, — согласился с ним Хонигман. — Я, собственно говоря, завлек вас сюда вовсе не из-за досье на Эбергарда Шока!

— Нет? — удивился Горица и, достав из пачки сигарету, прикурил ее от газовой зажигалки. Однако не

успел он опустить зажигалку в карман куртки, как его собеседник протянул руку и сказал:

— Разрешите?

— Пожалуйста. — Горица подал израильянину золотую зажигалку, которую он купил в Копштадте. Хонигман тщательно рассмотрел зажигалку и похвалил искусную гравировку на ней.

— Не извольте беспокоиться, Бенно, она не снабжена записывающим устройством!

Однако Хонигман сделал вид, что не расслышал этого замечания, и, вернув зажигалку, сказал:

— В одном из номеров иллюстрированного журнала «Штерн» на днях была опубликована заметка, которая привлекла наше внимание. Собственно говоря, ничего сенсационного в ней не было, речь шла о краже зарплаты в одном из учреждений, да и сама похищенная сумма была не ахти какой и не превышала двенадцати тысяч марок, а вот обстоятельства этого преступления оказались довольно-таки любопытными!

С этими словами израильянин встал со своего места и направился в комнату. Горица, воспользовавшись кратковременным отсутствием хозяина апартаментов, через кустики английской герани, высаженной в плошках по краю балкона, посмотрел вниз на площадку, на которой стояли автомашины. В этот момент от дверей отеля как раз отъезжал автобус с туристами-французами, а добрая дюжина фотокорреспондентов старалась запечатлеть этот момент на свои пленки.

Несмотря на скромные размеры городских улиц и площадей, недостатка в площадках для стоянки автомашин здесь не чувствовалось. «Интересно, — подумал Горица, — что большая часть центра этого крошечного княжества занята под стоянки для машин».

Тем временем Хонигман вернулся на террасу и, протянув своему собеседнику журнал, показал на одну из цветных фотографий.

Горица насторожился: следом за тремя фотографиями, на одной из которых были запечатлены обломки самолета после катастрофы, на другой — труп известного испанского политика, убитого правыми экстремистами, а на третьей — перевернувшийся железнодорожный экспресс в Индии, он прочел заголовок, напечатанный жирным шрифтом: «Баран в качестве садовника!» А рядом красовалось фото Дитера Хойслера — не узнать его было невозможно! Затаив дыхание, Горица прочел текст:

«Новый вид оружия лишил вора зрения! Желание заглянуть в служебный сейф фирмы стоило ему зрения! Начальник охраны фирмы похищает заработную плату сотрудников!»

— Это что-то страшное, — прошептал Горица.

— Это, разумеется, так, но я понять не могу, почему вы это так восприняли...

— Да это же какой-то дикий бред! — с возмущением перебил его Горица. — Такого быть не может! Чтобы Дитер воровал деньги из сейфа?! За этим кроется что-то другое!..

Хонигман отодвинул журнал в сторону и с явным любопытством спросил:

— Вы лично знали этого... Дитера?..

— Что значит — знал лично? — Горица не мог успеть на месте, он вскочил и быстро заходил взад и вперед по террасе. — Дитер — мой лучший друг! Мы вдвоем снимаем одну квартиру! Вы себе представить не можете, как вы ошарашили меня этой новостью! Нет, я не верю, Дитер не вор!..

Бенно Хонигман понимающе кивнул и, взяв журнал, еще раз внимательно посмотрел на фото — более заинтересованно. На первом снимке, который, судя по всему, был сделан скрытой камерой, вор стоял перед открытым сейфом и, несколько согнувшись, совал себе в карман пачку банкнот. На второй фотографии он был запечатлен с пистолетом в руке, из дула которого вырывался сноп огня; глаза его были открыты, хотя и казались какими-то неподвижными. На третьем фотоснимке был заснят угол сейфа с наклеенным на нем объявлением: «ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ! Этот сейф оборудован специальным ослепляющим устройством! Открывающий сейф без разрешения подвергает серьезной опасности свое зрение! Пиротехническая фабрика «Лорхер и Зайдельбах».

— Извините меня, Фред, но вы обязаны мне кое-что объяснить. Что значит...

— Боже мой! — снова перебил его Горица, с трудом владея собой. — Что бы все это могло значить, я и сам не знаю! Однако я твердо убежден в том, что Дитер никогда не стал бы залезать в сейф только для того, чтобы похитить из него двенадцать тысяч марок!

— Но ведь фотографии-то подлинные!

— Да, черт бы их побрал! Это я и сам прекрасно вижу! Можете на меня положиться, я все разужнаю, все

выясню. — С этими словами он в изнеможении опустился в кресло.

— Желаете коньяку?

— Благодарю вас, нет! Я должен немедленно уехать! Я был бы вам благодарен за чашечку черного кофе и разговор с аэродромным начальством Цюриха, которое забронировало бы для меня одно место до Франкфурта!

— Это я сделаю. Советую вам ни в коем случае не делать опрометчивых шагов!

Улететь во Франкфурт можно было только ночным рейсом. Времени до отлета оставалось много, и израильтянин пригласил Горицу пообедать с ним в ресторане отеля. Народу в зале оказалось много, и Хонигман с Горицей, сидя за столиком, разговаривали тихо, чтобы не обращать на себя внимания.

— Итак, я могу сделать некоторые выводы, — проговорил Хонигман. — Ваш друг Хойслер является начальником охраны пиротехнической фабрики, на которой должны выпускаться ослепляющие ручные гранаты, используемые полицией для разгона демонстрантов, бастующих и тому подобных. Не так ли?

— Да, — подтвердил Горица, — но об этом в журнале ничего не написано...

— Тс-с-с... — прошипел Хонигман, испуганно оглядываясь вокруг.

— Да, в журнале об этом ничего не говорится, — почти шепотом повторил Горица. — Дитер имеет звание обер-лейтенанта и является сотрудником спецслужбы! Вы понимаете, Бенно, что этот инцидент намного серьезнее и сложнее, чем кажется на первый взгляд?

Представитель израильской секретной службы привык владеть собой и обычно неплохо умел скрывать свои чувства, и на этот раз он не подал виду, что удивлен.

— Могу сказать точно одно, — продолжал Горица, — мой друг попал в беду и нуждается в помощи. Теперь вы должны понять, Бенно, что в силу сложившихся обстоятельств я лично не смогу выполнить вашего поручения и передам его одному из своих коллег... — Тут Горица замолчал, так как в этот момент официант принес им жаркое по-венски, фирменное блюдо этого ресторана.

— Нет, Фред, этого я как раз и не понимаю, — возразил израильтянин и тут же начал искусно резать жаркое. — Сообщение журнала поразило не только меня, дорогой Фред, оно разбудило и еще кое-кого. Меж-

дународные компании, занимающиеся выпуском вооружения, стараются не упустить из своих рук все новое. Кто смел, тот и съел — так, кажется, говорят. Что же именно случилось с вашим другом, это вам удастся выяснить только на месте. Постарайтесь убить одним ударом сразу двух зайцев!

Горица махнул рукой и сказал:

— Вы кое-что забываете, Бенно! Вы забываете, что Дитер Хойслер является офицером «МАД», хотя об этом нигде и не упоминалось. Поскольку наша спецслужба стала более активной, то мой босс должен знать все, иначе он просто отзовет меня!

— Вы подозреваете, что между «МАД» и вашей спецслужбой имеется некое тайное джентльменское соглашение?

— Больше того, — заметил Горица. — Обе эти службы — родственные и имеют в Америке одного и того же дядюшку!

— Понимаю, — сказал Хонигман с усмешкой много знающего человека. — Ваш компаньонский пай в вашей спецслужбе составляет семьдесят тысяч марок, не так ли? — Последняя фраза, однако, прозвучала не как вопрос, а скорее как утверждение.

— Вам и это известно?

— Остальные паи или взносы исчисляются примерно такими же суммами, — нисколько не смутившись, продолжал Хонигман. — Это до смехотворного мизерный вклад, если сравнивать его с миллионами Бройера, но и они предназначены лишь для того, чтобы «привязать» к фирме пять лучших сотрудников! Дорогой Фред, а вы никогда не задумывались о собственном риске, или, вернее говоря, о том, чтобы поработать ради собственной выгоды?

И хотя Горица очень часто заботился об этом, такое предложение его несколько удивило. Он даже подумал о том, не решил ли Бройер, посчитав его опасным конкурентом, избавиться от него. С этой точки зрения он был вором! А все то, что он нажил за годы работы в спецслужбе, Бройер может рассматривать как собственность фирмы.

— Я на него не могу обижаться, Бенно, так как Бройеру я очень многим обязан. Когда я был еще студентом юридического факультета...

— Из-за участия в крупном хищении, — перебил его Хонигман и снова запылся едой.

Горица от удивления даже потерял на какое-то время дар речи. Однако, взяв себя в руки, он равнодушно пожал плечами, прекрасно понимая, что Хонигман, прежде чем с кем-то начать сотрудничать, в первую очередь наводит о своем компаньоне самые подробные справки.

— В последующие годы я переменил много различных профессий, — продолжал Горица, — и со временем обнаружил в самом себе талант детектива, специализирующегося на собирании вещественных доказательств в делах о разводах.

Хонигман лишь краем уха слушал собеседника, продолжая с аппетитом уничтожать принесенное официантом мясо. Ни единым словом он не обмолвился о том, что хорошо знал, как Горица выполнял поставленные перед ним задания: сначала он лично компрометировал ту или иную почтенную даму, а затем передавал в руки супруга, желающего развестись со своей женой, весь компрометирующий материал.

— Я, разумеется, был очень рад, — сказал Горица, — переходу на работу в спецслужбу.

— Уж не хотите ли вы сказать, что своими специальными знаниями и навыками вы обязаны криминальному директору Бройеру?

— Так оно и есть, — заверил его Горица.

— То, что вы чувствуете себя обязанным ему, делает вам честь, Фред! Однако, несмотря ни на что, Бройер не может помешать вам оказать услугу другу, попавшему в затруднительное положение! А чтобы избежать каких бы то ни было конфликтов с вашей спецслужбой, предложите Бройеру вариант, по которому вы чисто формально выйдете на время из его штата. Таким образом, вы будете чувствовать себя свободным, а Бройер официально не будет иметь к вам никакого отношения и, следовательно, не будет нести за вас никакой ответственности! Со временем вы настолько привыкнете к своему независимому статусу, что захотите сохранить его и впредь!

— Звучит это заманчиво, — задумчиво проговорил Горица, изучающе глядя на своего собеседника. — Я только хочу спросить вас, Бенно, какую цель вы преследуете?

— Об этом я вам сейчас скажу. Если мы допустим утечку информации о создании нового, ослепляющего оружия, то вовсе не можем быть уверены в том, что фотографии документации не уйдут за океан! Бройер, как

я предполагаю, наверняка имеет прямой выход на Федеральное бюро расследования! А ФБР не что иное, как спящий колосс, которому мы не всегда и не во всем доверяем, даже тогда, когда сами оказываем ему помощь.

Горица задумчиво посмотрел на Хонигмана.

— Как только я узнаю подробности об инциденте, случившемся с Дитером Хойслером, я еще раз подумаю над вашим предложением!

«А ведь я ослеп!» От одной этой мысли горло у Хойслера перехватило, а грудь сдавило какой-то неимоверной тяжестью. «Ослеп, совсем ослеп! И никто уже не сможет мне помочь!..»

Узость больничной палаты он чувствовал физически, а тишина действовала на него удручающе. Еще хуже ему было от сознания того, что он здесь находится не один, а есть еще кто-то, кто сидит и следит за ним. Этот невидимый вел себя так, будто его здесь нет, но на самом деле он внимательно наблюдал за Хойслером. Мог ли Дитер подумать когда-нибудь, что у него появится мысль о самоубийстве?

— Кто вы такой? Вы же здесь — я чувствую это! Почему вы не отвечаете?!

Но ему так никто и не ответил. Вокруг была тишина.

С момента неудачного проведения операции прошло четыре дня. Последним зрительным воспоминанием для него были деньги, которые он вынул из сейфа, и белая ослепительная вспышка, после которой наступила полная темнота. С той минуты для него началась сплошная ночь.

Вспоминая все детали той ночи, Хойслер припомнил, что он услышал за своей спиной какой-то шорох, а затем раздался хлопок... Выстрел — и в тот же миг удар по голове... Когда он пришел в сознание, то почувствовал, что лежит на кровати. Пахло лекарствами. Он нащупал две повязки — на голове и на глазах. Двое суток он провел в первом ожидании и неуверенности: поврежден у него зрительный нерв или не поврежден?..

Его размышления прервал какой-то шорох. Хойслер уже научился ощущать окружающую его обстановку по звукам.

— Здесь есть кто-нибудь?.. — спросил он.

Однако никто не отозвался, лишь только ветер пошевелил створку окна. Хойслер почувствовал прохладное дуновение.

На третьи сутки он уже не стал ждать обхода врачей и сам сорвал повязку с глаз. Однако он ничего не увидел, ни малейшего проблеска, кругом одна темень. Испуганные сестры забинтовали его снова. Неужели он навсегда останется слепым?..

Хойслер подумал о Гундуле: что теперь с ней будет? Станет ли она всю жизнь возиться со слепым? От одной мысли о том, что он никогда не увидит собственного ребенка, у него на глазах появились слезы.

В коридоре слышались шаги, и в палату вошла старшая сестра. Она оперлась о спинку кровати и наклонилась над ним. На него повеяло запахом ментола. От старшей сестры всегда пахло ментолом: она сосала ментоловые карамельки.

— Как вы себя чувствуете, господин Хойслер?

— Скверно! Кто тут возле меня все время околачивается?

— Никого. Почему вы так решили?

— Я же слышу, я чувствую это! Тут кто-то есть: он постоянно наблюдает за мной!

— Это вас подводят нервы! Хотите холодного чая с лимоном?

— Лучше принесите мне виски!

— Очень сожалею, но алкоголь вам противопоказан, — холодно ответила старшая сестра и тут же сообщила: — К вам пришли — какой-то господин из полиции! — Тут она перешла на шепот и заговорщически спросила: — А может, мне отослать его?

Хойслер сразу же вспомнил инспектора уголовной полиции. Инспектору шел шестьдесят третий год, и он готовился уйти на пенсию.

Хойслер поинтересовался тем, как он выглядит, и услышал в ответ: среднего роста, полноват, с темными волосами. Инспектор сказал, что в Люнебургской пустоши ничего особенного не случилось и пенсия у Дитера будет вполне приличная, так как ему зачтут годы, которые он служил в гестапо.

— Нет, не отсылайте его, сестра, — попросил Хойслер.

«Может быть, удастся узнать что-то новое?..» — подумал он.

Хотя Хойслер был признан вменяемым и, следовательно, должен был понести соответствующее наказание за совершенное преступление, однако местный прокурор добился того, чтобы его побыстрее перевели в психиатри-

ческую клинику. Более того, прокурор утверждал, что он якобы лично присутствовал при очередном приступе буйного помешательства у Хойслера. Правда, все это произошло уже после того, как он узнал кое-какие подробности о положении Хойслера.

— Я инспектор Нойман! — проговорил вошедший в палату и, присев на табурет возле кровати, коснулся руки больного, лежавшей на одеяле.

— Чего вы от меня хотите? Я отказываюсь давать какие бы то ни было показания!

— Очень жаль! — проговорил Нойман. — Ведь я хотел посвятить все свое время расследованию столь интересного случая! Между нами говоря, господин Хойслер, я нащупал кое-какие связи! К тому же мой визит к вам носит скорее личный, чем служебный характер!

— Вы шутите?

— Сейчас не до шуток! По указанию министра внутренних дел все материалы следствия по этому делу переданы в бундесвер!

При этих словах Хойслер почувствовал облегчение. Это означало, что «МАД» предпримет все необходимые меры, чтобы замолчать этот инцидент.

— Видите ли, господин камерад, — деликатно кашлянул Нойман, — могу я вас так называть?

Хойслер не стал возражать, а криминальный инспектор тем временем продолжал:

— Я пришел к вам просто немного поболтать. Хотите закурить?

— Да, конечно.

Нойман дал Хойслеру сигарету и помог прикурить. Больной жадно затянулся. Курение было одним из немногих удовольствий жизни, оставшихся ему теперь.

— Возможно, что кое-что из сказанного мною сейчас впоследствии пригодится вам во время разбирательства, — сказал Нойман. — Я был на фабрике «Лорхер и Зайдельбах».

— И что же там говорят?

— Лорхер, например, заявил полиции о том, что до инцидента какой-то неизвестный позвонил ему по телефону и, не называя себя, сообщил, что в такой-то день будет совершено похищение денег, вернее говоря, зарплат из сейфа. На мой вопрос, не сообщил ли он об этом звонке начальнику охраны, Лорхер ответил отрицательно, заявив, что этот звонок он принял за простую шутку!

— Однако, несмотря на это, он все же установил в

сейфе ослепляющий заряд, не так ли? Кто это сделал?! Теперь Лорхер уже ничего не сможет изменить! Я потребую возмещения за нанесенное мне увечье!

— Сначала я вам не верил, а теперь верю и полагаю, что предупреждающий плакат на сейфе был прикреплен после всего случившегося, а не до этого.

— От этого мне не легче, — раздраженно заметил Хойслер. — Вы можете оказать мне одну услугу?

— Разумеется, — заверил инспектор, — доверьтесь мне.

— Сообщите о случившемся господину Горице!

Нойман тут же записал адрес и пообещал нанести визит администрации спецслужбы.

— Что же касается телефонного звонка, то тут Лорхер, возможно, говорит правду, — сказал Хойслер, но умолчал при этом, что в случившемся с ним несчастье виновен Ромер.

Гостиница была заперта. Ромер, раздетый до пояса, на залитом лучами жаркого солнца дворе колол дрова на зиму. Пот ручьем тек у него по спине. Отойди он на несколько шагов в сторону — оказался бы в тени сарая, но он хотел стоять так, чтобы его все видели. Жители Кизебютеля считали, что Марте Фенске ужасно повезло, когда Пауля Ромера перевели в охрану фабрики «Лорхер и Зайдельбах».

Почтальон остановил свой велосипед возле забора и начал копаться в своей сумке. Ромер вытер лицо носовым платком и подошел к нему. Старый Кришан протянул ему почту. Ромер пробежал глазами фамилии адресатов — в большинстве своем это были деловые письма. Теперь Марта без его ведома уже не заказывала никаких товаров, и это себя оправдывало. На одном письме, отправленном авиапочтой, была наклеена испанская марка. Отправителем его было адвокатское бюро из Ла-Коруньи. Ромер с любопытством повертел письмо в руках.

Марта с покрасневшимся от горячей плиты лицом выглядывала из окна кухни, где она готовила огромный котел студня по рецепту Паульса.

— Что-нибудь особенное?! — крикнула она.

Он положил письма на подоконник, однако письмо из Испании из рук не выпустил.

— Ты оттуда часто получаешь письма?

Марта прочла фамилию отправителя и недоуменно по-

качала головой. Вскрыв конверт, она начала читать письмо, которое было написано на хорошем немецком языке.

Адвокат сообщал в нем о том, что господин Алоиз Нойройтер, проживавший с 1945 года в Ла-Корунье, умер от разрыва сердца в собственном доме. Похороны состоялись в строгом соответствии с волей покойного, без всякого шума. Покойный завещал все свое состояние дочери своей прежней домоуправительницы, ффрау Марте Фенске, проживающей в Кизебютеле, за исключением того, что он жертвует оставшимся в живых солдатам так называемой «голубой дивизии», которая в годы второй мировой войны сражалась против России на стороне своих немецких братьев по оружию.

— Ой, Паульхен, я сейчас упаду... — задыхаясь от волнения, проговорила Марта. — Прочти письмо еще раз! — попросила она.

После получения письма из Испании желание продолжать колоть дрова у Ромера мгновенно пропало. Он с силой всадил топор в деревянную колоду и надел рубашку. Войдя в кухню, Ромер попробовал холодец, одобрил его разными приностями, которые он купил во время своей поездки в Ганновер. Вместе с Мартой они разлили холодец по тарелкам.

Закончив, они уселись за стол и выпили по чашечке кофе. Окна были занавешены, а над круглым столом горела керосиновая лампа.

— Нам нужно как следует подумать, — улыбаясь заметил Ромер. — Марта Фенске преспокойно варит себе холодец и за этим занятием неожиданно узнает, что она унаследовала несколько миллионов.

Марта быстрым движением зажала ему рот ладонью и с легким упреком проговорила:

— Об этом никому ни слова, а то с нас будут брать такой налог!.. К тому же ты все несколько преувеличиваешь, Паульхен!

— Но только несколько! — согласился он. — Ну, что ты теперь будешь делать, Марточка? По-прежнему будешь торговать или бросишь это дело? Ты только представь себе: у тебя за морем имеется шикарная вилла! Ехать в Испанию лучше всего в октябре, когда там не так жарко!

Он не сказал ей ничего о том, что с каждым днем он все меньше удовлетворения находит в службе, наряду с которой должен выполнять все большее количество обязанностей у нее по хозяйству.

Марта вспомнила, что раньше все важные решения принимала сама, и заявила с уверенностью, что скоро слетает в Ла-Корунью для получения наследства. Все полученные деньги она, разумеется, переведет на свой счет в местном банке, так как не питает никакого доверия к обстановкам, царящей в Испании. А Пауль несколько дней будет обходиться без нее. Она завтра же поедет в ссудо-сберегательную кассу по своим делам, а он должен будет поинтересоваться правилами ведения кое-каких финансовых операций.

Ромер сделал вид, что тронут доверием Марты, но в душе он сожалел о том, что Марта, ведя свои финансовые дела, все поступления, превышающие двадцать тысяч марок, обычно списывала со счета.

— Вот в октябре мы и полетим с тобой в Испанию,— проговорила она.

Он удивленно спросил:

— Смотри, Марта, ведь эта поездка будет дорого стоить!

— Паульхен, ты говоришь глупости! — прошептала она, переходя на местное наречие, что обычно делала только тогда, когда была очень растрогана. — Неужели ты не знаешь, как я тебя ценю? Если бы мне пришлось выбирать между тобой и наследством, то я без колебаний оставила бы Испанию испанцам, а тебя...

Ромер прервал ее речь поцелуем.

-- Давай поженимся, Паульхен! — услышал он в следующий момент.

Не успел Ромер по-настоящему насладиться своим триумфом, как в комнате зазвонил телефон. Он подошел к аппарату и, сняв трубку, произнес:

— Частная гостиница Фенске!

— Ромер?

Это был голос Вольнофа.

— Да, — ответил он и подал знак Марте, чтобы та поняла, что спрашивают не ее.

— Где вы были? Я вам уже звонил! — И, не дожидаясь ответа на заданный вопрос, продолжал: — Встретимся ровно через час — у загона для барашков.

— Но я...

— Какие еще могут быть «но»! — перебил его грубо Вольноф. — Я был у Хойслера в больнице! Человек в таком состоянии!.. — И Вольноф положил трубку.

Марта сразу же заметила, что после разговора по те-

лефону настроение у Пауля испортилось. На ее вопрос, не собирается ли он уехать, Пауль мрачно бросил:

— Собираюсь!

Марта, разумеется, знала о случившемся на фабрике, но не могла понять, как это господин Хойслер додумался обокрасть фабричную кассу!

— Я встретила Гундулу Ховельман, — сказала Марта, — она была очень бледная и заплаканная!..

Машина майора Вольнофа стояла позади загона. Завидев «БМВ» начальника, Ромер слез с велосипеда и повел его через заросли кустарника. На коричневых кустах уже начали распускаться лиловые цветочки. У майора, судя по выражению лица, было скверное настроение. Он даже не вылез из машины и, не проронив ни слова, показал на сиденье рядом с собой. Ромер послушно сел и пробормотал приветствие, на которое Вольноф даже не соизволил ответить.

— Послушайте меня, Ромер! Если провал этой операции произошел по вашей вине, то я советую вам держать язык за зубами! А если вы этого не сделаете, то вам не поздоровится! Выкладывайте, что же, собственно, там случилось? Вы что же, позволили Хойслеру лезть в открытую мышеловку?!

Ромер рассерженно повернулся к Вольнофу, однако все же нашел в себе силы, чтобы сдержаться:

— Я?! Господину Хойслеру?! А я-то тут при чем?..

— Чтобы совершить выгодную сделку, зачем же еще? — перебил его майор. — Или есть другие причины?

Ромер сделал вид, что очень обижен, хотя мысль стать преемником Хойслера его все еще не покидала. Он, разумеется, знал свои слабости, как и то, что он не пользовался особым авторитетом у сотрудников. Достичь этого можно было бы только в том случае, если бы в его руках оказались неопровержимые доказательства, как, например, это было с официантом из клуба «Посейдон». Создать свой авторитет на страхе легко, но как трудно добиться признания. Ромер смотрел на майора, однако никак не мог понять, догадывается ли тот о его вине.

— Вот послушайте, — проговорил Вольноф и включил магнитофон: во время посещения Хойслера в больницу он записал разговор с ним на пленку.

«Неужели Хойслер ослеп на всю жизнь?.. — думал Ромер. — С ним могло случиться что угодно, но ослепить его — это слишком жестоко!..» И тут до Ромера дошло, что это могло случиться и с ним самим. Тогда прощай

Марта Фенске, прощай мечта стать хозяином сельской гостиницы в Кизебютеле, прощай вилла в Испании и беззаботный отпуск на море!..

Майор прокрутил пленку назад и включил запись. И в тот же миг Ромер услышал голос Хойслера: «...передача моего дела в распоряжение военной юстиции означала бы, что я совершил кражу денег».

Майор выключил магнитофон и сказал:

— Я дал Хойслеру понять, что он ни при каких обстоятельствах не должен компрометировать нашу службу, тем более таким уголовным преступлением.

Ромер наконец-то собрался с духом. Тоном, каким он ранее никогда не позволял себе разговаривать с начальством, он сказал:

— Вам не стоит скрывать от меня свои карты! Я хорошо знаю, о чем идет речь: Хойслер посвятил меня в суть дела!

— Тем более! — воскликнул Вольноф. — Это самое главное! Следовательно, вы единственный человек, который точно знает, что именно планировалось! Вот и выходит, что только вы могли проинформировать о предстоящей операции владельцев фирмы «Лорхер и Зайдельбах».

— Однако я этого не сделал, черт возьми!.. — взорвался Ромер.

— Я запрещаю вам говорить со мной в таком тоне, — холодно оборвал его майор.

— Извините, — пробормотал Ромер.

— Лучше внимательно выслушайте меня! Это вас, безусловно, заинтересует! — твердо проговорил майор и включил магнитофон.

«За преднамеренное хищение, господин майор, уголовным кодексом предусмотрено наказание в виде лишения свободы», — послышался из магнитофона голос Хойслера. Ромер ни на секунду не сомневался в том, что это был голос Хойслера, хотя он однажды был свидетелем того, как один радиотехник из «МАД» так распатронил магнитную ленту с записью, а потом так ее смонтировал, что офицеру, скомпрометированному этой записью, ничего не оставалось, как распрощаться с военной службой.

«Вы требуете от меня слишком многого! Кроме всего прочего, мне нужна пенсия! У меня сестра учится в университете, и я выпущен помогать ей, так как ее стипендии едва хватает на то, чтобы заплатить за комнату...»

Ромер сожалел, что Вольноф вырезал кусок пленки с

записью собственных слов, и потому ему пришлось только догадываться, что же именно он требовал от Хойслера.

«Простите меня за откровенность, — снова зазвучал из магнитофона голос Хойслера, — однако я все-таки скажу вам все, что думаю! Если вы поведете себя по отношению ко мне не по-товарищески, то все это будет выглядеть несколько подозрительным! Я абсолютно уверен в том, что Ромер намеренно бросил меня под нож! Ромер — это ваша креатура! Если бы не его действия, то это была бы удача нашей службы, а может, и ваша собственная! Но ради того и другого я не собираюсь жертвовать своей головой!..»

В магнитофоне раздался щелчок, и Вольноф, выключив его, обратился к Ромеру:

— Для вас лично имеется несколько возможностей, и среди них, к примеру, такая, когда вы снова влезете в свою старую кожу и появитесь где-нибудь в Ганновере или Гамбурге под именем Пауля Гертнера, которого пикто не знает.

Ромер побледнел.

— Господин Вольноф, вы мне обещали, что я смогу начать сначала, если дело в Кизебютеле будет...

— Будет неподсудно, — прервал его Вольноф. — Однако этого не произошло, и, вероятно, оттого, что вы слишком рано представили себя в роли владельца сельской гостиницы... Что вы смотрите на меня как баран на новые ворота!

«Он настоящий ястреб, который расправляет крылья над своей жертвой», — подумал Ромер.

— Мне кажется, — продолжал майор, — в вашем возрасте уже нельзя пускаться в сомнительные приключения и авантюры. Я в этих вещах неплохо разбираюсь, — заверил он, заметив, что Ромер с некоторым недоверием посмотрел на него. — Мне все о вас известно, мой дорогой, так что давайте говорить начистоту: я рад, что такой опытный волк, как вы, находит себе занятие для свободного времени. Теперь можете удивляться! — с возбуждением продолжал майор. — Само собой разумеется, что все ваши заслуги должны оплачиваться звонкой монетой. Именно поэтому я и позаботился о вас в одной высокой инстанции.

Ромер был поражен: сказанное майором звучало слишком уж невероятно. Вольноф, как правило, всегда был чем-нибудь недоволен и считал, что Ромер часто работает с большим риском. «Так почему же сейчас он так

резко переменял свое отношение?..» — старался понять Ромер.

— Двадцать тысяч марок, как я полагаю, будут для вас отнюдь не лишними.

— Двадцать тысяч?!

— Да, наличными! И вы их получите, как только инцидент с фирмой «Лорхер и Зайдельбах» будет полностью исчерпан!

Еще ни разу в его переменчивой судьбе Ромеру не делали столь соблазнительных предложений. Сейчас это выглядело как некое вознаграждение за долгую службу. С другой стороны, он слишком хорошо знал Вольнофа. Уже слишком невероятным казалось то, чтобы скомпрометированного сотрудника не выбрасывали на свалку, как старый, дырявый башмак. Майор еще никогда не раскошеливался, чтобы не содрать с других для себя двойное вознаграждение.

Ромер невольно подумал о Марте Фенске. Конечно, ее богатство не сравнить с двадцатью тысячами, но сам он с такой суммой перестает быть в роли нищего. Но что может еще произойти в связи с инцидентом на пиротехнической фабрике?

— А разве вы не считаете, господин Вольноф, что этот инцидент уже исчерпан? — неуверенно спросил Ромер.

— Для нас да, Ромер! — высокомерно ответил Вольноф и вновь включил магнитофон.

И опять раздался голос Хойслера: «Трое суток, господин майор, и не больше! Обратитесь к высокому начальству! Я знаю, делать это очень неприятно, так как признавать собственное поражение всегда неприятно! Но вы подумайте и обо мне! Я ведь ослеп! И таким останусь на всю жизнь!.. Поэтому я ничего предпринимать не буду! Это варварское оружие! После его опробования на степных барашках я являюсь первой человеческой жертвой!..» Потом Ромер услышал какой-то крик, неразборчивые слова, но все это резко оборвалось: пленка была вырезана. Наступила довольно длительная пауза, после которой снова послышался голос Хойслера. На этот раз обер-лейтенант говорил спокойнее и тверже: видимо, он уже взял себя в руки.

«Мне не остается никакого выбора. Я требую деликатного разбирательства, вскрытия всех фактов и наказания Ромера, так как в случившемся виноват только он!..»

Ромер сокрушенно тряхнул головой.

— «Вскрытия всех фактов», — повторил Вольноф. — Это не должно нас пугать, если в высших сферах будет отдан приказ о введении нового оружия! Но приказа пока еще нет!..

Наступила томительная тишина. Ромер понимал: низшая инстанция — вероятно, это был сам Вольноф — действовала на собственный страх и риск. Эта акция не была обеспечена сверху.

Над пустошью опускался тихий осенний вечер. По голубому небу медленно плыли белые легкие облачка. Было еще довольно тепло.

— Вы требуете от меня откровенности, на сей раз я сам попрошу вас об этом же, — проговорил Ромер.

— Что ж, хорошо. Тогда послушайте еще раз Хойслера, — сказал Вольноф и включил запись.

«Трое суток, господин майор, срок действительно достаточный, — послышался истерический голос обер-лейтенанта, — чтобы выяснить всю ситуацию! Я требую установить, что я...»

В этот момент магнитофон неожиданно замолк. Ромер с удивлением посмотрел на Вольнофа.

— Техническая неполадка, — объяснил майор.

— Что это значит?

— Ромер, бросьте притворяться! Любая операция приносит честь и славу участвующим в ней, когда она удается, и побор, когда она терпит крах! Послезавтра Хойслера будет допрашивать военный прокурор. Если он сочтет, что обер-лейтенант был не в своем уме, тогда все будет так, как нам хочется!

На этот раз Ромер понимал своего шефа.

— В чем и как это выразится?

На этот вопрос Вольноф ответил вопросом:

— А вы помните операции в Бардене?

Ромер сощурил глаза, во рту у него миготом пересохло. Он лишь молча кивнул. И хотя тот инцидент произошел три года назад, Ромер прекрасно помнил все, даже мельчайшие подробности. В пути следования с рельсов сошел железнодорожный состав-товарняк. Среди разбитых вагонов находился опломбированный вагон с грузом для бундесвера. Когда груз разобрали, то оказалось, что не хватало двух автоматов и патронов к ним. Однако эта пропажа не взволновала военную контрразведку. Их сильно беспокоила пропажа трех серых коробочек с маркировкой «СХ-12», две дюжины которых содержалось в небольшом ящичке. Их усиленно искали, но так и не нашли.

В те дни Ромера под видом отпускника направили в окрестности села Бардеп, где произошло крушение, дав ему задание узнать, не забрал ли эти три коробочки кто-нибудь из местных жителей. Однако более важной была вторая часть его задания: Ромер должен был распространить в селении слух о том, что в разыскиваемых коробочках содержался сильно действующий яд.

На вопрос Ромера о том, почему об этом не сообщили официально в местной печати, Вольноф ответил, что в тех коробочках опасный нервно-паралитический газ.

— Послушайте, Ромер, — объяснил ему тогда Вольноф, — изготовление и применение нервно-паралитического газа согласно решениям ООН является преступлением против человечества! Теперь вам понятно, почему мы не можем о пропаже говорить открыто?..

Ромер уставился на майора, который с мрачным видом смотрел на степь и, видимо, о чем-то сосредоточенно думал. Чтобы хоть как-то нарушить томительную тишину, Ромер спросил:

— А те три коробочки так ведь и не нашли, а?

— Нет, — ответил Вольноф и прокашлялся. Запустив руку за обшлаг рукава, он вынул оттуда серую ампулу, на которой отчетливо была оттиснута маркировка «СХ-12», а чуть ниже — стилизованный череп со скрещенными костями.

Эта ампула была похожа на ту, что ему тогда показали в качестве образца. У Ромера возникло страшное подозрение. Чтобы Вольноф не отгадал его мыслей по глазам, Ромер старался не смотреть на майора. «Неужели те коробочки кто-то нашел и открыл?..» — с ужасом думал Ромер.

Вольноф протянул ему одну ампулу. Ромер взял ее негнущимися пальцами.

— Действие препарата таково, что отравленный вдруг начинает нести всякую чушь. Такие отравляющие вещества, как героин и ЛСД, по сравнению с «СХ-12» являются почти безвредными — лишь вызывают кашель! Стоит только сделать один вдох из этой ампулы, как человека моментально охватывает сильное чувство страха. Перспективы же его вообще безграничны...

Ромер знал, что Вольноф вязался в опасную игру и потерпел в ней поражение. Однако Ромер старался скрыть свой триумф, так как он оценивал майора как плохого пораженца, который сам мстил себе за собственное унижение.

— Как вы себе это представляете, господин Вольпоф? — голос Ромера прозвучал деловито и в то же время так, как будто речь шла о каком-нибудь обычном косметическом средстве.

— Стоит только вдохнуть его в течение двух секунд, как человек начинает беспорядочно выдавать самую различную информацию: детские сказки, любовные истории, признание в обманах...

— В конце концов человек попадает в психиатрическую больницу? — спросил Ромер.

Вольпоф кивнул:

— Да, разумеется, если соблюдать осторожность! Держите ампулу только две секунды перед чьим-нибудь носом, а сами в это время крепко зажимаете свой нос и рот влажным платком! Но только две секунды, Ромер! Чтобы не ошибиться, лучше всего считать: двадцать один, двадцать два, как это обычно делают при броске ручной грапаты.

— А что случится, если по недоразумению...

— Ни в коем случае! — быстро перебил его Вольпоф. — Если продержите на секунду больше, это уже смертельно!

— Я что-то не понимаю, — робко начал Ромер, — ведь Хойслер и так уже находится в психиатрической больнице...

— Помимо всего прочего, «СХ-12» хорош еще и тем, что при вскрытии нельзя обнаружить никаких признаков отравления. Вы навестите пациента как протестантский священник под фамилией Блайле. Это моя небольшая уловка, — слегка смутившись, добавил майор.

Вольпоф предусмотрел все: удостоверение священнослужителя, черное пальто, шляпу, накладную бородку и очки.

Свой визит к Хойслеру Ромер должен был нанести на следующий день, так как через день больного должны были перевести в лазарет бундесвера, и терять время было нельзя.

В свою квартиру Горица вошел уставшим: сон в самолете, летевшем из Цюриха в Дюссельдорф, не принес ему бодрости. От аэропорта до самого дома он ехал на такси, и эта поездка заняла у него несколько больше времени, чем сам полет.

Горица сварил себе кофе, затем бегло просмотрел почти — почтовый ящик у входа был битком забит письмами и газетами, — а потом принял душ, меняя горячую воду на холодную, что несколько освежило его.

Горица размышлял о своем разговоре с Хонигманом, и неожиданно в голову ему пришла одна мысль. Закрыв душ и наскоро вытеревшись, он прошел в комнату. Статуэтки будды и слоника были переставлены. Горица встал на колени и, засунув руку под шкаф, отлепил от его низа конверт. Дрожа от охватившего его холода, он пробежал обратно в ванную и надел банный халат. Горица раскурил сигару, уселся в кресло и вскрыл конверт, в котором оказалось два письма с надписями «для Коринны» и «для Фреда».

«Дорогой Фред, — писал Дитер, — мне никак не удалось поговорить с тобой лично перед выездом на очередное задание, поэтому я вынужден писать тебе об этом в письме. И хотя речь идет о простом деле, однако меня почему-то не покидает какое-то неприятное предчувствие. Мне предстоит конфисковать ослепляющее устройство у «Лорхера и Зайдельбаха». Мне не нравится то, что весь риск падает на меня одного. Если операция почему-либо не удастся, я рассчитываю на твою помощь. Если же я погибну при этом, ты передашь мое письмо сестре Коринне. Благодарю тебя за все, дружище!

Твой Дитер».

Горица повертел в руке письмо, которое его друг адресовал Коринне. Предчувствие не обмануло Дитера! И хотя он не погиб, потеря зрения — это уже половина смерти!

Горица быстро прошел в кухню и поставил чайник на плиту. Когда вода закипела, Горица подержал конверт, в котором находилось письмо, предназначенное для Коринны, над паром до тех пор, пока конверт не расклеился. Это был старый, но вполне приемлемый способ вскрытия чужих писем.

«Моя любимая сестренка, — читал Горица, — я, конечно, надеюсь, что тебе не придется читать этого письма. Фред передаст тебе его только в том случае, если произойдет самое плохое и меня уже не будет в живых!

Мое завещание, как и страховка на случай автомобильной катастрофы, находится у моего адвоката доктора Кристбурга. Ты знаешь, что половина частной квартиры принадлежит мне, и эта половина перейдет только тебе!

Из твоих денег в наличности имеется тридцать семь тысяч марок. Веди хозяйство экономно и думай о том, что всех желаний все равно никогда не удовлетворишь!..»

Сердечные слова прощания, которые Хойслер писал сестре, Горица читать не стал. Он запечатал конверт, не заботясь особенно о том, чтобы было незаметно, что письмо вскрывали и читали: Дитер жив, и он вернет ему письмо обратно, а раз он ослеп, то, разумеется, ничего не заметит.

После завтрака Фред Горица отправился на фирму «Ганза». Бройера на месте не оказалось, но Горицу там ждали. Фред привел в порядок свой письменный стол, подобрал дела, подлежащие сдаче в архив, и написал указания для сотрудников, которые должны заняться теми или иными материалами.

Бройер и раньше уже не раз на какое-то время выводил его из числа сотрудников фирмы, но на этот раз переговоры велись не так гладко: Бройер высказал свои претензии к Горице, когда тот потребовал своей доли пая.

— Зачем тебе это, Фред? — спросил его Бройер, покуривая свою неизменную трубку. — Зачем тебе это понадобилось?

— На тот случай, — ответил Фред, — если мои пути пересекутся с путями «МАД»! Тогда и они заглянут на мой счет, Артур!

После некоторых препирательств криминальный директор согласился на то, чтобы его компаньон на время вышел из числа работающих в спецслужбе.

— Чего, собственно, от вас хотел Хонигман? — поинтересовался Бройер.

— Ничего особенного, просто необходимо достать ему одно досье, — как бы вскользь ответил Горица. — Он что-то замышляет.

— Любопытно, вы не находите? — Бройер выбил пепел из трубки в пепельницу. — Он убедительно просил меня поговорить с вами об этом. Уже из одного этого можно предположить, что затевается нечто интересное! — Достав кожаный кисет для табака, выполненный в виде скальпа индейца, он начал набивать в трубку сладковатый на запах виргинский табак, а сам искоса наблюдал за Горицей. — Что вы скажете об ослеплении, которому подвергся ваш друг Хойслер?

— Сейчас, как мне кажется, еще трудно ответить на этот вопрос. Ясно только, что там что-то нечисто, раз уж «МАД» вмешалась в это дело. Если это будет представ-

лять интерес для нас, тогда я расскажу об этом, Артур.

— О'кей, — проговорил криминальный директор и на прощанье помахал рукой.

Но едва Горица взялся за ручку двери, как Бройер заметил:

— Скажите, Фред, как вы думаете, Хонигман, видимо, не случайно упоминал в разговоре с вами о пиротехнической фабрике «Лорхер и Зайдельбах»?

— Как вы об этом догадались? — удивился Горица.

— Это проще простого! Как только речь заходит о каком-нибудь самом современном оружии, израильтяне всегда тут как тут! Если вы намерены заключить с ними гешафт, то я напомню вам о том, что вы, ведя переговоры с Хонигманом, еще являлись сотрудником нашей спецслужбы!

Горица сделал обиженный вид и сказал:

— Я просто хотел помочь своему другу, а на остальное мне наплевать. Но у меня к вам сейчас просьба: мне необходимо навестить одного больного, находящегося в закрытой психиатрической клинике. В этом вы в силах мне помочь!

— А почему Хойслер, собственно, там оказался?

— Аресту он не подлежит, — начал объяснять Горица, — чему в значительной степени способствовало состояние буйного помешательства, в котором он сейчас находится. Вот его и поместили «под наблюдение», в закрытое отделение больницы! В подобных случаях власти сотрудичают наиболее удачно!

— Держите меня в курсе событий! — потребовал Бройер.

Горица молча кивнул и вышел из кабинета.

Ромер в ту ночь почти не спал. Несколько часов он лежал без сна и все раздумывал, однако, как он ни прикидывал, все сводилось к тому, что Хойслер мог помешать его будущему.

В душе Ромер проклинал майора, который не любил марать руки, предпочитая поручать грязную работу другим. Вольноф не сказал ему: «Убейте Хойслера!» Нет, он этого не сказал! «Хойслер должен был лишь кое-что разнюхать об одном оружии...» Вольноф поступил с ним плохо. Сначала обер-лейтенант заплатил за это своим зрением, а сейчас его еще намереваются лишить рассудка!

А может, и самой жизни... Но кто даст гарантию, что однажды майор Вольноф подобным же образом не разделается с ним, Ромером?

Марта, хозяйничавшая на кухне, подала Ромеру завтрак. Несколько позднее появились старики Вихерт: он занялся с курами, которых Марта держала из-за желания постоянно иметь к завтраку свежие яйца, а его супруга начала уборку в доме.

Пауль в тот день проснулся вскоре после Марты и сказал, что ему нужно кое-что сделать для Лорхера.

— Ты не сердись на меня, Пауль? — спросила его за завтраком Марта.

— Ах, оставь меня в покое, Марта! — пробормотал он и махнул с досадой рукой. — Лорхер такой пройдоха, от которого так просто не отделаешься!

— Это известно каждому, — согласилась она. — Хотя, по правде говоря, мне не следовало бы плохо отзываться о нем: если бы не он, то ты никогда не приехал бы сюда, в Кизебютель. Почему же ты не бросишь эту работу?

— Я об этом уже думал, — проговорил Ромер, намазывая кусок хлеба маслом и медом. — Работы и здесь хватает.

— Это верно. Старик Вихерт всегда был исполнительным, но ведь настанет день, когда он не придет...

Попрощавшись с Мартой, он сел в машину и уехал. Марта с тревогой смотрела ему вслед: она боялась за него.

Не прошло и получаса после отъезда Пауля, как перед гостиницей остановился грузовик фирмы «Лорхер и Зайдельбах». Шофер остался в кабине, а из машины вышел элегантно одетый Лорхер. Войдя в дом, спросил Ромера.

— Его нет, — ответила Марта, умолчав о том, что тот поехал к нему же, Лорхеру. Она решила, что Пауль попросту обманул ее. Впервые в жизни ее мучила ревность.

— Очень жаль, — с досадой заметил Лорхер.

Он вышел во двор, с трудом переставляя ноги.

В то утро работа так и валилась у Марты из рук. Вскоре она поймала себя на том, что она ничего не делает, стоит на одном месте и сосредоточенно думает. «А что я, собственно, знаю о Пауле? Почти ничего. О себе он обычно рассказывал только разные веселые истории, да и то только для того, чтобы рассмешить меня. А когда я смеялась, то утверждал, что я выгляжу как двадцатилетняя девочка!..»

Почувствовав, что на глаза ей навернулись слезы, она сердито вытерла их рукавом.

«Возможно, Пауль был женат и, попросту говоря, сбежал от своей жены! Быть может, теперь он решил вернуться к ней? Уж больно странно, что такой работающий мужчина, да еще в таком возрасте, нажил себе столько имущества, что все оно уместилось в легковом автомобиле!»

Неожиданно Марта почувствовала прилив сил и желание бороться за Пауля. По ее лицу проскользнула торжествующая улыбка. Она знала, что Пауль питал слабость к деньгам: родился он в бедной семье, жил в довольно трудных условиях и всю жизнь стремился во что бы то ни стало выбиться в люди. Одно время он ездил по стране с труппой бродячего цирка, и теперь нередко рассказывал об этом. Позже он переменил множество различных профессий: был рабочим на фабрике, официантом, батраком у богатого крестьянина, стюардом на пароходе, подсобным рабочим на стройке, но где бы он ни работал, подолгу нигде не задерживался.

Наследство, полученное от Нойройтера, должно помочь ей удержать Пауля. За деньги можно иметь все! Марта стала прикидывать, что ее ждет в ближайшем будущем: «Оба доходных дома в Брауншвейге согласно завещанию полностью принадлежат мне, и теперь уже не надо отсылать в Ла-Корунью поступающие с них доходы! Часть этих денег должна принадлежать Паулю».

Приняв такое решение, Марта вернулась в гостиную, проветрила ее, положив перины на подоконник: пусть жители села думают, что Пауль все еще спит у себя наверху.

Она сняла со шкафа чемодан Пауля и хотела его открыть, но он оказался заперт. Марта была неприятно поражена: она от этого ничего не скрывает. И тут она вспомнила, что Пауль как-то говорил ей — в этом чемодане он хранит разный хлам. Марта взяла ключ от чемодана в спальне и наконец открыла его. Пауль сказал ей правду: в нем действительно лежали вещи, которые были не нужны, но в то же время выбрасывать их было как-то жалко.

В потертом бумажнике она нашла водительские права, на которых была наклеена фотография Пауля, притом не очень старая, однако стоило только Марте посмотреть на фамилию владельца этого документа, как у нее перехватило дыхание. Права были выданы некоему Паулю Герт-

перу, хотя дата рождения была верной. Мгновенно почувствовав слабость в ногах, Марта обессиленно опустилась на стул. Механически она положила бумажник на свое место.

«Возможно, Пауль воспользовался подложной фамилией для того, чтобы еще раз жениться? Что ж, он почти достиг своей цели... А может, этот Пауль Гертнер — какой-нибудь преступник, разыскиваемый властями?..»

Чем больше Марта думала, тем больше сомневалась.

Ромер свернул на лесную дорогу и, проехав немного, остановился. В его чемодане лежал сверток в непромокаемой пленке и тщательно перевязанный шпагатом. Майор Вольноф и на этот раз побеспокоился обо всем, не забыв даже о мелочах: в свертке был и фальшивый номерной знак для машины. Ромеру уже не раз приходилось менять этот знак на своем «форде». Ему даже нравилось выступать в роли другого человека, и он невольно подумал о том, что, возможно, стал бы неплохим артистом. Переодевшись, он взглянул на себя в зеркальце заднего обзора: как неузнаваемо он выглядел с измененной верхней губой и бородкой клинышком! А очки в металлической оправе придавали ему вид человека, который живет трудной повседневной жизнью.

Весь хорошо продуманный маскарад завершался шляпой и летним плащом темного цвета. Пропуск, водительские права и удостоверение личности могли выдержать любую проверку.

Часы на приборной доске показывали почти десять часов, когда Ромер остановил свой «форд» на стоянке перед зданием местной больницы. Швейцар сидел перед своим домиком на стуле, подставив лицо солнечным лучам.

Ромер приветливо улыбнулся ему и сказал:

— Я священнослужитель Ланге, имею на руках официальное разрешение на посещение психиатрического отделения. — С этими словами он предъявил свой пропуск.

Швейцар понимающе кивнул и объяснил:

— Корпус одиннадцать «Б», господин священник; сначала пойдете прямо, а затем, у второй дорожки, свернете направо!

Ромер поблагодарил и направился, куда ему объяснили. По дороге он невольно подумал о том, что все, что когда-либо планировал Вольноф, удавалось самым луч-

шим образом, за исключением последней операции с фирмой «Лорхер и Зайдельбах».

Корпус № 11 «Б» представлял собой ужасно некрасивое кирпичное здание, построенное еще в прошлом столетии; остальные отделения больницы размещались в новых зданиях. Дверь психиатрического отделения оказалась заперта. Ромер позвонил. Ему открыла пожилая медицинская сестра, которой заранее сообщили о приходе священника.

— Я очень сожалею, господин священник, но я не смогу послать с вами сопровождающего за неимением такового. Блайле совершенно безопасен; у него бывают временами небольшие заскоки — и только. Лежит он в палате номер семнадцать. Только прошу вас долго у него не задерживаться, так как после визитов у него всегда бывают истерики. — И она подала Ромеру ключ от палаты № 17.

— Все будет в полном порядке, сестрица! — заверил он ее тоном, весьма характерным для священника.

В коридоре первого этажа Ромера поджидал худощавый молодой человек с темными глазами и светлой бородкой. Ромер лишний раз убедился в том, что даже самая тщательная подготовка к проведению любой операции не может предусмотреть все случайности.

— Господин священник, извините меня за то, что я отвлекаю вас от дел! Моя фамилия Либич, Райнер Либич! Я студент теологического факультета, так сказать, ваш будущий коллега!

Ромер с трудом принудил себя дружелюбно улыбнуться, однако страх сковал его. «Мне сейчас только этого и не хватало — рассуждений о спасении души...» — подумал он, а вслух спросил:

— Да, мой друг, что я могу для вас сделать?

— Видите ли, здесь я прохожу практику, но я просто не выдержу! Обслуживающий персонал здесь слишком жесток и бесчеловечен! Я никого не называю, ни на кого не жалуюсь! Но поверьте мне, они ужасно обращаются со своими пациентами! Прошу вас, предпримите что-нибудь, чтобы меня отсюда отозвали! Я сам уже дважды писал прошение о моем переводе, но оба раза получил категорический отказ!

— Либич! — раздался в этот момент мужской голос со стороны лестничной клетки. — Где вы там застряли?! Черт бы вас побрал!..

Молодой священник, сильно побледнев, вытащил из-под сутаны сложенный в несколько раз лист бумаги, буквально всунул его Ромеру в руки и тут же исчез. Ромер с облегчением вздохнул.

При появлении любого человека Блайле сразу же начинал рассказывать о том, что его самолет типа «Стар-файтер» потерпел катастрофу и упал на школьный двор; при этом трое школьников были убиты, а несколько ранены. Комиссия, которая вела расследование причины катастрофы, упрекнула капитана лишь только в том, что он слишком рано катапультировался.

В самом начале расследования Блайле лишь симулировал психическое расстройство, чтобы избежать наказания, а позднее заболел на самом деле. После увольнения из бундесвера Блайле из военного госпиталя перевели в местную больницу. Все это майор Вольноф рассказал Ромеру перед его поездкой.

Двери палат в отделении имели ручки только с внутренней стороны, снаружи они запирались на ключ, который подходил ко всем палатам. Ромеру даже не понадобился ключ, который дала ему медсестра: в свертке майора он тоже был.

Не стучась, Ромер вошел в палату № 17. Из трех коек, стоявших в комнате, занята была только средняя. Увидев худое старческое лицо, Ромер в душе ужаснулся, так как Блайле совсем недавно исполнилось тридцать лет. Потухшим взглядом больной уставился в стену. Стены были покрашены в неприятный серый цвет, а на единственном окне, забранном решеткой, не было даже простенькой занавески. И лишь зеленая листва каштана, росшего под окном, действовала несколько успокаивающе.

— Господин Блайле? Я священник Ланге!

Больной совершенно равнодушно смотрел мимо него. Ромер вышел в коридор и, миновав одну дверь, остановился перед дверью с табличкой «Палата № 19», в которой лежал Хойслер. Неожиданно откуда-то послышался плач маленького ребенка, затем — колыбельная и смех, что немало удивило Ромера.

В кармане брюк он нащупал ампулу, а в кармане пиджака — полиэтиленовый пакет, в котором лежал влажный носовой платок (и об этом не забыл позаботиться майор Вольноф). Ромер осторожно отпер дверь и вошел в палату.

Он увидел лицо Хойслера, бледное, с темными кругами под глазами; на голове у Дитера красовался белый

марлевый тюрбан, из-под которого выбивались рыжеватые волосы.

— Кто тут? — спросил Хойслер.

— Я священник Ланге! Во всяком случае, сюда я прошел под этим именем для того, чтобы навестить капитана Блайле: к вам сюда никого не пускают!

— Ромер?! Это вы?.. — удивился Хойслер, однако радости в его голосе не было. — Вы один? Что вы от меня хотите?..

— Мы здесь одни. Никто не знает, что я нахожусь у вас, — торопливо объяснял Ромер. «Если бы Хойслер сказал сейчас: «Дружище Ромер, не верьте в ту ахиною, что я паговорил в минуту отчаяния», — я бы вернул майору Вольнофу его страшную ампулу...» — подумал Ромер, а вслух сказал: — Кое-кто утверждает, что я якобы толкнул вас в огонь!..

— Вы единственный человек на свете, который знает все! Сколько вам заплатил Лорхер за то, что вы предупредили его?

— Вы все еще думаете, что я вас продал? Вы не верите, что я не имею к произошедшему никакого отношения?.. Господин Хойслер, клянусь вам...

— Не старайтесь попусту, — Хойслер зло усмехнулся. — Вы самый большой пройдоха, который когда-либо встречался на моем пути!

— Что ж, можете оставаться при своем мнении. На суде вы откровенно обо всем расскажете, не так ли? — Голос Ромера прозвучал по-деловому.

Хойслер приподнялся на койке, опершись на локоть, на его лице появилось выражение настороженности.

— Узнать это вы могли только от Вольнофа! Значит, это он прислал вас ко мне? Что вы должны со мной сделать?.. Вольноф привык расправляться со своими жертвами без пролития крови!

Пауль Ромер не верил собственным глазам: лицо Хойслера в этот момент превратилось в адскую маску. У Ромера выступил пот на лбу.

— Вольноф — грязная свинья! Вы ведь и не знаете, Ромер, что в прошлом году вы фигурировали в списке лиц, подлежащих уничтожению! Вольноф считал, что вы дали маху с нашим вшивым в свое время студенческим вожаком, но я убедил его в том, что вы действовали правильно. Вы мелкий, паршивый негодяй! Вам даже не придется стрелять — нервно-паралитический газ «СХ-12» действует тихо и безболезненно! У Вольнофа есть и ам-

пулы этого яда!.. А при вскрытии будет установлено: смерть наступила по причине нарушения кровообращения! Почему же вы ничего не говорите?..

Ромер вытер рукавом вспотевший лоб. Он был бледен.

— Успокойтесь, черт бы вас побрал! Выпустите меня, господин Хойслер, из ваших сетей! Я хочу освободиться от них!..

— Из нашей конторы самостоятельно выйти невозможно, — перебил его Хойслер, — а вот вышибить так или иначе могут! Рано или поздно очередь и до вас дойдет!.. Вообще-то, я вам еще должен быть благодарен: ослепнуть — это хуже, чем умереть! Вам нужен влажный платок, вы случайно не забыли прихватить его с собой?

Ромер присел на край железной койки. Он заговорил проникновенно, голос его звучал так, как будто он был готов вот-вот заплакать.

— Я хочу жениться, господин Хойслер! Жениться на ффрау Фенске из Кизебютеля! Она получила крупное наследство! Сколько вам заплатить? Я достану деньги, честное слово! У вас в жизни еще будет хорошее...

— Прекратите! — яростно выкрикнул Хойслер. — Вы форменный идиот! Я ослеп, и вся моя жизнь отныне — сплошная ночь! Темная ночь! Чего вы ждете, ведь ампула с аэрозолем находится у вас в кармане?!

— Вы так этого хотите?.. — прошептал Ромер, вытаскивая влажный платок из пакета. А когда он вынимал аэрозоль, листок с прошением студента-теолога упал на пол.

Ромер навсегда запомнил бледное лицо Хойслера с безжизненными глазами и его узкие, почти прозрачные руки, вцепившиеся в железные ободки кровати с такой силой, что вздулись вены.

Ромер сделал глубокий вдох, на мгновение задержал воздух в легких и, крепко прижав влажный платок к своему рту и носу, направил отверстие распыривателя на Хойслера. Затем Ромер немного наклонился, держа палец на головке распыривателя, но в следующий момент опустил руку; он отнял платок от лица и жадно задышал.

Хойслер устало откинулся на подушку.

— Чего же вы ждете? — спросил он с закрытыми глазами.

Ромер понял, что теперь, когда он уже не видит перед собой глаз Хойслера, он способен на все. А сделать это было совсем несложно: он снова задержал дыхание и еще раз прижал влажный платок к своему лицу. Когда он

нажал на головку распыскивателя, из ампулы выпорхнуло пажное маленькое облачко, без запаха и цвета. Проговорив про себя: «Двадцать один и двадцать два», он снял палец с головки распыскивателя, а голова в белом марлевом тюрбане уже свесилась с подушки.

Ромер встряхнул ампулу с аэрозолью — она была пуста только наполовину — и спрятал ее в карман брюк. В голове билась мысль о том, что если он хочет остаться в живых, то должен воспользоваться только одной возможностью, которая у него была: майор Вольноф должен умереть раньше его самого!

Когда псевдосвященник Ромер всовывал ключ в замочную скважину, руки у него не дрожали. Он вышел в пустынньй коридор и начал спускаться по лестнице, обрета с каждой ступенькой прежнее самообладание.

7. КОРИННА

Прибывающий из Мюнхена поезд с грохотом въехал под своды вокзала; завизжали тормоза, цепочка вагонов вздрогнула, и состав остановился. Пассажиры начали выходить из вагонов.

Оглядевшись по сторонам, Горица остановил свой взгляд на молодой женщине в черном, но это была не Коринна. А когда основной поток приехавших заметно спал, он увидел Коринну у газетного киоска. На ней были выгоревшие джинсы и пуловер. Цвет ее волос был похож на цвет волос Дитера — с таким же рыжеватым оттенком. На сей раз у нее была другая прическа, которая делала ее более женственной.

— Хэлло, Коринна! — крикнул Горица и направился к девушке.

— Хэлло, Фред! — с печалью в голосе произнесла она, подавая ему руку. Ее голубые глаза наполнились слезами.

— У меня было мало времени, — сказала она и извиняющимся жестом показала на свою одежду.

— Погребение назначено на завтрашний полдень, — объяснил Горица. (События развивались с такой быстротой, будто кто-то невидимый был заинтересован в том, чтобы поскорее упрятать умершего в землю.) Горица взял из рук Коринны чемодан и дорожную сумку, то и другое оказалось таким тяжелым, что он посмотрел на нее с удивлением.

— Там мои книги, — объяснила она, — шапки скоро кончаются.

Из здания вокзала они вышли в числе последних. Фред поставил багаж на тротуар и только тогда увидел за одним из стеклоочистителей своей машины квитанцию о штрафе за какое-то нарушение. Недоуменно пожав плечами, он сунул квитанцию в карман.

Горица повез Коринну в специальный магазин, торгующий траурными принадлежностями. Девушка не возражала, когда он сказал, чтобы она не обращала внимания на цены. Она и на самом деле не смотрела на цены. Пожилая продавщица с застывшей на лице миной соболезнования, видимо, приняла их за супружескую пару.

Общая сумма купленного превысила ту, на которую он рассчитывал, однако Фред и виду не подал. Через несколько минут они вышли из магазина с фирменной коробкой в руках, где было все необходимое для присутствия на похоронах, а сама Коринна выглядела элегантно, какой она обычно правилась Горице.

— Эти бетонные столбы так же безобразны, как и в прошлом году, — заметила Коринна по дороге.

— А разве здесь за это время могло что-нибудь измениться, — ответил ей Фред, сворачивая с шоссе на дорогу, которая вела в город-спутник.

Когда они остановились на стоянке, Коринна сразу же заметила «фольксваген», принадлежавший Дитеру.

— Машина полностью заправлена, — сказал Фред, как будто это было сейчас самым важным для Коринны.

Скоростной лифт поднял их на двенадцатый этаж, и Коринна, по обыкновению, удивилась тому, как быстро лифт поднял их на такую высоту и как бесшумно раскрылись двери.

— Я вам все объясню, Коринна, и вы поймете, почему Дитер не мог вам о многом рассказывать. Дело в том, что он никогда не был офицером военного комиссариата, как вы считали, а являлся офицером «МАД»!

Девушка с изумлением уставилась на него и спросила:

— А что это такое?

— Это военная контрразведка, — охотно расшифровал Горица непонятное для Коринны сокращенное название организации, деятельность которой выходила далеко за официальные рамки. Девушка слушала его не перебивая.

— Дитер погиб на службе, не так ли? Я как-то не пойму смысла заметки, помещенной в газете... Тогда почему он был начальником охраны? Ведь это же нечто по-

добное ночной охране со сторожами, не так ли? И почему там говорится, что Дитер похитил деньги, предназначенные для выплаты зарплаты сотрудникам фабрики? Дитер на такое не способен! По телефону вы сказали мне, что все это неправда!

— Это не совсем так, но, к сожалению, у меня пока нет необходимых доказательств.

— А фотографии в газете разве не настоящие?

— Не совсем, — мрачно произнес Фред, — тут, пожалуй, совершен какой-то трюк.

— Я и этого не понимаю.

Фред объяснил девушке, как изготавливаются такие фотографии, предусмотрительно умолчав о том, что к подобным методам довольно часто прибегал и он сам.

— Тут важно иметь талантливого техника, — продолжал он свое объяснение. — Был с одним моим знакомым такой случай: на загородной прогулке он познакомился с довольно привлекательной дамой, с которой провел весь день и вечер. Находясь в возбужденном состоянии, дама полезла в свой ридикюль за духами и натолкнулась на толстую пачку долларов, которую она тут же передала своему новому знакомому с просьбой спрятать ее на время у себя.

Несколько позже он увидел фотографии, глядя на которые он уже просто не мог разубедить свое начальство в том, что эти деньги были переданы ему отнюдь не за приглашение производственной тайны. Пришлось ему искать новое место работы.

— Нечто подобное произошло и с Дитером? — спросила Коринна.

— Возможно, хотя у меня и нет доказательств... Пока нет, — добавил он.

Они вышли на балкон, и Коринна посмотрела вниз, на пруд с пляжем. Потом она вошла в комнату Дитера. Коринна брала в руки различные предметы, до которых еще совсем недавно дотрагивался ее брат, и тут по-настоящему почувствовала всю тяжесть постигшей ее утраты.

Затем Горица передал девушке письмо брата. Еще несколько дней назад он был глубоко убежден в том, что оно никогда не попадет в руки адресата.

Коринна залезла в кресло с ногами, подтянув колени к подбородку (в такой позе она с детских лет привыкла думать о чем-нибудь серьезном).

Фред сказал ей, что это письмо Дитер написал перед поездкой на операцию, чего он раньше никогда не делал.

— Это означает, что он заранее чувствовал всю опасность этого задания, — произнесла девушка.

— Да, — согласился с ней Фред, — речь шла об ослепляющем устройстве, взрыв которого и сделал его слепым.

Они снова вышли на балкон, и Фред рассказал ей о риске, с которым Дитер сталкивался на службе. Все это оказалось для нее новым, о чем она лишь изредка читала в газетах как о случаях экономического шпионажа.

— А вы не боитесь, Фред, что однажды нечто подобное случится и с вами? — неожиданно спросила она.

Он молча протянул ей свой портсигар, и они закурили. Посмотрев на Коринну, Горица понял, что девушка ждет его ответа.

— Знаете ли, все дело заключается в том, что у меня нет времени для страха и опасений. Это, разумеется, не значит, что мне чуждо это чувство, которое хорошо знакомо каждому, на кого направлено дуло пистолета. Правда, позже, после выполнения задания, чувствуешь себя как бы обновленным, словно ты заново родился! Такое чувство, быть может, и толкает человека вновь и вновь к поискам новых опасностей. Самое опасное дело на свете, как-то сказал Дитер, заключается в том, чтобы преодолеть в два прыжка находящуюся перед тобой пропасть.

— Вы ушли от ответа!

— Ну хорошо, я буду называть вещи своими именами: я хочу заработать деньги, по возможности больше денег и как можно скорее! А такое возможно только в том случае, если человек отважится на риск. Опасность — это единственное, что еще хорошо оплачивается на этом свете! Вспомните, например, автомобильных гонщиков!

— Выходит, чем больше опасность, тем больше выигрыш?

— Это верно лишь частично. Вспомните кинофильм «Плата за страх» и о том шофёре, который вез на своем грузовике нитроглицерин, от взрыва которого в конце концов сам и погиб. Можно, конечно, гораздо больше зарабатывать и иным способом, но тогда тоже не обойдешься без риска — хотя и другого рода!

По выражению лица Коринны он не смог догадаться, согласна ли она с ним, и потому продолжал:

— А я сознательно иду на такой риск, Коринна! Я происхожу из состоятельной семьи; мой отец был текстильным фабрикантом, который не выдержал жестокой конкуренции современных бизнесменов. Его конкуренты

жестоко расправились с ним. Отец повесился. Мать тяжело заболела и умерла год спустя. Вот тогда-то я и вбил себе в голову мысль: «Я должен выжить! Мне наплевать на то, каким образом, но обязательно выжить!..»

— Слушать это страшно... И вы уверены, что способны на все?

— Да, когда придет мой день!

— Вы меня пугаете, Фред!

Однако он не уловил в ее голосе упрека и задумчиво проговорил:

— Я полагаю, что мои шансы стали еще больше...

Коринна сунула недокуренную сигарету в пепельницу и встала.

— Я никогда не любила фанатиков. Я бы хотела принять душ.

— Да, разумеется, — сказал он. — Привыкайте к мысли, что половина этой квартиры принадлежит вам.

Вечером они снова встретились на балконе. Коринна приготовила на ужин рагу, и, хотя Фред никак не мог догадаться, из чего оно приготовлено, оно было очень вкусным. Вечер был темный и прохладный.

— Хороший вечер, — заметил Горица. — Ветер дует с востока, и поэтому пахнет лесом, а когда он дует с запада, то приносит с собой неприятные запахи города и химии.

Приняв душ, Коринна снова облачилась в джинсы и пуловер. Они пили легкое шипучее вино, и девушка рассказывала об институтской жизни. Коринна хотела стать детским врачом, но провалилась на экзаменах и начала заниматься ботаникой, которая интересовала ее значительно меньше, чем медицина, однако другого выбора у нее не было.

— Больше вам уже не удалось поговорить с Дитером? — спросила она Фреда.

— Нет, не удалось, — ответил он. — Я был в служебной командировке. К тому же было очень трудно установить, куда именно его поместили. А когда я узнал, где он находится, то сразу же добился разрешения на посещение; в два часа дня я был у него, но Дитер уже умер.

— Я не понимаю, от чего он умер... Его ранили в голову?

— Я тоже думал над этим и пришел к выводу, что у него лопнули сосуды головного мозга.

— Я понимаю, что вы имеете в виду, ведь я немного

разбираюсь в медицине. Если бы это было так, то он бы еще мог протянуть несколько дней.

— Официальное заключение гласит: сердечная недостаточность!

Оба внезапно замолчали. С балкона напротив послышалась веселая музыка, а с нижнего этажа запахло чем-то жареным.

Коринна выпила свой бокал до дна и встала.

— Спокойной ночи, Фред, — сказала она.

Она немного помедлила, будто чего-то ожидала от него. Ее фигурка виднелась на фоне темного неба, правда, лица ее не было видно. Затем она повернулась к нему спиной и пошла в комнату Дитера.

Горица немного постоял на балконе, прислушиваясь к постепенно затихающим шумам, затем приблизился к открытой двери квартиры, но ничего не услышал, а света Коринна не включала.

Доктор Зайдельбах положил шариковую ручку на стол и аккуратной стопкой сложил бумаги, прежде чем убрать их в ящик письменного стола. После страшного инцидента с ограблением сейфа он все время находился в нервном напряжении, ожидая, что вот-вот произойдут еще какие-нибудь ужасные события, а стальной сейф в углу лаборатории, на днях оборудованный техниками затейливой сигнализацией, стал ему еще более неприятен.

Лорхер проконсультировался с офицерами одной авторитетной фирмы, запросившей баснословную сумму за установку такого сигнализирующего устройства, которое срабатывает и подает звуковой сигнал об опасности, как только кто-либо приблизится к сейфу.

Каждую ночь Зайдельбах, прежде чем идти спать, подходил к среднему окну, на подоконнике которого стояла этажерка с кактусами. Остановившись перед ней, он внимательно рассматривал их, особенно подолгу разглядывая те, которым были сделаны прививки; затем он тушил лампу и покидал лабораторию.

На лестничной клетке горело лишь дежурное освещение. Профессор не спеша спускался вниз, погрузившись в свои мысли: он уже давно хотел уйти из лаборатории Лорхера. В Книзбютеле продавался один дом, который он мог бы купить и, сделав к нему пристройку, прожить в нем оставшиеся годы, посвятив себя целиком любимой ботанике. Единственное, что удерживало профессора от

такого разговора с Лорхером, был скандал, который неминовемо последовал бы за этим разговором.

Зайдельбах вдруг испуганно вздрогнул, заметив чью-то пошевелившуюся фигуру.

— Это я, господин доктор, Ховельман! Я видел, как вы потушили свет, и решил проводить вас.

— Прекрасно, — согласился Зайдельбах, идя рядом с вахтером. — Скажите, господин Ховельман, на прошлой неделе, когда произошел этот неприятный случай, не вы тогда, случайно, дежурили?

— Должен был дежурить, но я неожиданно заболел. У меня был жар, и меня сильно тошнило...

— Любопытно, что в один и тот же день произошло столько случайностей...

— На похоронах я завтра понесу венок от сотрудников охраны, — тихо заметил Ховельман.

— Значит, мы еще увидимся, — сказал Зайдельбах. — Дальше я пойду один.

Вахтер остановился и поглядел вслед удаляющемуся доктору. Дело в том, что доктор Зайдельбах принял смерть Хойслера близко к сердцу, хотя и не чувствовал за собой никакой вины. Однако, как он считал, одно событие в этой истории сливалось с другим, а затем — с третьим, и в конечном счете все сводилось к ослепляющему устройству.

На похороны Хойслера, кроме Ховельмана, от службы охраны больше никто не шел. Охранники считали, что будет вполне достаточно и его одного. Все они видели фотографии, на которых их шеф вынимал из сейфа пачки денег и рассовывал их по карманам. Это ли не доказательство! Поговаривали о том, что Хойслер покончил жизнь самоубийством. Вполне возможно, что за этим что-то кроется... И все из-за каких-то паршивых двенадцати тысяч марок?!

Зайдельбах исчез между кустов. Ховельман чуть ли не бегом устремился обратно в зону. Его беспокоило то, что Гундула так тяжело восприняла произошедшее: она надела траур и заявила, что все равно пойдет на похороны.

Подойдя к двери дома, доктор Зайдельбах остановился. В прихожей послышались чьи-то шаги, затем дверь растворилась, и на доктора пахнуло винным перегаром. Перед ним стоял внебрачный сын Лорхера, Крампен, узнать которого в темноте было не так-то легко.

— Заходите, заходите, полуночник вы этакий! — почти нахально проговорил Крампен.

«Если бы он знал, как он мне отвратителен! — подумал Зайдельбах. — С одним Лорхером жить под одной крышей и то плохо, а тут еще этот...»

Двери всех помещений в этом доме выходили в квадратный холл. У офицеров нацистского вермахта, которые занимали это здание раньше, здесь размещалась столовая.

Сам Лорхер стоял на пороге своей комнаты, зажав в зубах сигару.

— Хэлло, Герберт! Привет, старина! — поздоровался он.

Крампен провел Зайдельбаха в комнату. На круглом столике стояли пустые бутылки из-под пива, одна пустая коньячная бутылка и наполовину опустошенная с виски. Зайдельбаха усадили в кресло, и он даже не сопротивлялся, решив, что сейчас, быть может, он хоть что-нибудь узнает о загадочном происшествии.

Лорхер налил доктору бокал пива, сделав это так неловко, что пена перелилась через край. Зайдельбах поспешил взять бокал, чтобы Крампен не успел долить в пиво виски.

Доктор отпил глоток: пиво ему не понравилось, он вообще терпеть не мог алкоголя. Однако Лорхер настоял, чтобы доктор допил пиво.

— Прозит, доктор! — проговорил Крампен.

Пиво так подействовало на Зайдельбаха, что взгляд его затуманился и ему стоило немалого труда различать лица своих собеседников. И тут он вновь вспомнил свою бесцельную поездку во Франкфурт. Не выпей он сейчас этот бокал пива, который так сильно подействовал на него, он никогда бы не отважился на такой разговор.

— Послушай, Адольф! Это ты меня прогнал попусту во Франкфурт! Мой издатель даже не подозревал о моем приезде!

— Разве для вас не был забронирован номер в «Национале»? — поинтересовался Крампен.

Однако Лорхер подал сыну знак и сам обратился к своему компаньону:

— Ты не ошибся, Герберт! Мы просто не хотели подвергать тебя опасности!

— Подвергать опасности? — переспросил Зайдельбах, морща лоб. — Какой опасности?..

— Нас предупредили, ты это понимаешь? Ночью позвонили по телефону и предупредили. Сказали, что наш

сейф собираются вскрыть. Мы сначала даже не поверили, но потом...

— Но мы, разумеется, приняли все меры предосторожности, — снова вмешался в разговор Крампен.

— Выходит, что вы заманили Хойслера в ловушку? — с недоверием спросил Зайдельбах.

— Мы и сами не знали, кто это будет, — быстро продолжал Лорхер. — Знали, что какой-то мерзавец полезет в сейф — и все!

— Да, мы так и полагали, — подтвердил Крампен, беря в руки очередную бутылку с пивом.

Мысли в голове Зайдельбаха сразу как-то перепутались. Он никак не мог связать все произошедшее вместе. Налетчик-одиночка, и им оказался не кто-нибудь, а сам Хойслер. Но тут невольно возникал вопрос, откуда о предстоящем налете узнал человек, который предупредил Лорхера по телефону? Возможно, у Хойслера были сообщники, которых не разоблачили? Тогда чем же руководствовался тот человек, который предал Хойслера?

— Мы должны отблагодарить человека, который предупредил нас об опасности, — раздраженно проговорил Зайдельбах.

Лорхер бросил в сторону Крампена торжествующий взгляд, в котором можно было прочесть: «Ну, вот видишь, когда дело дошло до сути, этот старый чудака оказался практичным не менее нас!», а вслух он произнес:

— Не беспокойся об этом, Герберт, мы его не обидим и хорошо заплатим!

— Завтра я иду на похороны, — сказал Зайдельбах, а сам с любопытством посмотрел на отца с сыном, ожидая, как они отреагируют на его слова.

— Ты слышал? — обратился Крампен к Лорхеру.

— Это у него от пива... — растерянно пробормотал Лорхер. — Как ты можешь идти на похороны вора-взломщика?! Ты осрамишь всю нашу фирму!

— Никакой вины в этом я не вижу! — стоял на своем Зайдельбах.

— В тебе погиб хороший священник, — заметил Лорхер компаньону. А затем, повернувшись к Крампену, добавил: — Но он еще не знает самого важного!.. Налей, Берт, еще... За это нужно выпить!

Доктор, протестуя, поднял вверх обе руки, однако Крампен не обратил на этот жест ни малейшего внимания и наполнил его бокал до краев пивом.

Лорхер заговорил снова, придав своему голосу торжественное звучание:

— Весь этот инцидент является для нашей фирмы своеобразным стимулом к взлету! Можешь слушать и удивляться, до-ро-гой Герберт! Все твои настоятельные требования, касающиеся как финансов, так и нового лабораторного оборудования, будут неукоснительно выполнены!

— Давай короче, Адольф! — требовательно заявил Крампен, которого, казалось, не брал алкоголь. — Одобрен кредит в два с половиной миллиона! Ну, что вы на это скажете? — обратился он к Зайдельбаху. — Вы что-то не очень бодро выглядите...

Доктор с трудом поднялся со стула и шатаясь направился к двери.

— Мне что-то не по себе, — извиняющимся тоном пробормотал он, понимая, что плохо ему стало не только от пива. Доктор хотел сказать Лорхеру, чтобы тот отказался от предлагаемых кредитов, но он промолчал.

В полночь ресторанчик покинули последние гости. Марта Фенске мыла посуду, чистила краны, Пауль очищал пепельницы и привычными движениями ставил перевернутые стулья на столы.

— А не вернется ли он еще?! — крикнул он.

Марта убрала со лба пряди волос и ответила:

— Нет, не вернется. По телефону сказали, что они там что-то отмечают и господин Крампен остается там ночевать.

«Они что-то отмечают, — подумал Ромер. — Что ж, у них есть причины для торжества». Ромеру не понравилось, что Марта оставила для сына Лорхера один свободный номер, но она всегда была человеком сугубо практичным. Крампен заплатил за номер полностью, хотя большую часть времени проводил в своей городской квартире.

Ромера тревожило то, что Марта за последние несколько дней сильно изменилась.

Вымывшись в ванной, он не одеваясь прошел в спальню. Марта опять стала упрекать его, что он постоянно полнеет (видимо, из-за чрезмерного увлечения пивом) и, если так будет продолжаться, скоро вполне сможет носить все вещи, оставшиеся от Вильгельма.

Улегшись в кровать рядом с Мартой, Пауль устался в потолок. Марта повернула к нему голову и спросила: — Что случилось, Пауль?

— Я замечаю, что ты за последние дни изменилась... Ты настроена против меня, — проговорил он.

Она не стала разубеждать его, а просто промолчала, опасаясь, что он начнет ей клясться: между ними нет другой женщины. Однако состояние неизвестности не могло продолжаться вечно. Тут она невольно вспомнила поговорку, которую все время часто повторял ее Вильгельм: лучше страшный конец, чем страхи без конца.

— Почему ты молчишь? — не отставал от нее Пауль.

Марта до подбородка натянула на себя одеяло и сказала:

— Потому, что ты постоянно врешь мне!

И тут она не удержалась — высказала ему все, что скопилось в душе. Выговорившись, она со страхом ждала, что он ответит. Однако Пауль ни словом не упрекнул ее за то, что рылась в его чемодане.

— Ах, милая Марта, я так и знал, что рано или поздно так случится! — проговорил он после долгого молчания. — Господин генерал был совершенно прав, когда говорил, что при нашей профессии лучше быть абсолютно свободным, ведь с женщинами всегда одни осложнения...

— Какой еще генерал? — растерянно спросила она, пораженная тем, что речь зашла о столь высоком звании.

— Ты ставишь меня в ужасно неприятное положение, — посетовал Пауль. — А ведь я приносил присягу, что буду молчать о своих служебных делах. Как только об этом станет известно, меня сразу же арестуют и будут судить за нарушение присяги. — Он мрачно уставился в пустоту.

Марта села на кровати. Намеки, которые делал Пауль, напугали ее и одновременно удивили. Дрожащим от испуга голосом она поклялась, что никогда и ни за что на свете не обмолвится и словом, что он говорил ей о служебных секретах.

— Я обер-лейтенант бундесвера, — соврал Пауль, — а служу в контрразведке! Если бы ты только знала, какая ответственность лежит сейчас на моих плечах! Дело в том, что фирма «Лорхер и Зайдельбах» производит не только безобидные рождественские хлопушки!.. Но прошу тебя, не спрашивай, что случилось с Хойслером и почему!

— Не буду, я же понимаю: служебная тайна, — тихо

согласилась она, а затем добавила: — Бедный господин Хойслер!..

— Да, бедный — грязный авантюрист, — тихо, только для себя, проговорил Ромер и невольно подумал о завернутой ампуле с остатками аэрозоля, которую он тщательно спрятал под крышей сеновала.

«В какое же положение я ставлю человека, которого люблю? — мысленно упрекала себя Марта. — Но откуда мне было знать, что Пауль офицер?»

Она пообещала, что впредь он никогда не будет наливать крестьянам пиво и что в будущем она освободит его от многих работ, которые он выполнял прежде.

— Это будет неправильно, милая Марта, — запротестовал Пауль, — порой после службы так приятно сделать что-то полезное, а Пауль Ромер так и останется начальником охраны на фирме «Лорхер и Зайдельбах» — и только!

— Да, милый Пауль, — нежно прошептала она, — я клянусь тебе в том, что никогда и ни в чем не помешаю тебе!

Первые полчаса после прихода на службу криминал-инспектор Нойман всегда посвящал просматриванию спортивного раздела газеты. Затем он без особой радости изучающим взглядом окинул молодого человека с бородкой, ожидавшего вызова. Инспектор не был похож на человека, который приходил на службу только для того, чтобы прочесть заметку о результате скачек. Чтобы поскорее покончить с делом, Нойман быстро привел свой рабочий стол в порядок и вызвал молодого человека.

Инспектор по уголовным делам пододвинул к себе бланк протокола, чтобы тот был у него под рукой. Вошедший устало опустился на указанный ему стул, стоявший возле письменного стола. «Типичный представитель нынешней молодежи», — подумал про него Нойман.

— Я хотел сделать вам заявление об одном священнике, — проговорил бородатый, — который вовсе не священник...

Инспектор сделал нетерпеливый жест, чтобы его остановить, но вдруг заинтересовался анкетными данными молодого человека. Студента-теолога звали Райнер Либич, он проходил практику в местной больнице.

— Меня направили в отделение для психических больных, — продолжал Либич, с неудовольствием погля-

дывая на крутящуюся ленту магнитофона, — которое изолировано от других отделений и запирается.

Инспектор понимающе кивнул: несколько дней назад он навещал там некоего Хойслера, которого не мог забыть до сих пор.

— Ну-с, и что же случилось с вашим священником?..

— Из-за него мне пришлось идти к главврачу! — скавал студент и внезапно покраснел, вспомнив тот разговор.

Затем инспектор Нойман узнал о содержании разговора Либича с этим священником.

— Я понял так, что священник злоупотребил вашим доверием и рассказал главврачу о ваших жалобах? — заметил Нойман.

— Совсем нет, в этом случае я не пришел бы к вам, господин инспектор!

— Тогда почему же вы, собственно, явились ко мне?

Студент похрустел пальцами рук, снова посмотрел на крутящуюся ленту магнитофона и наконец сказал:

— Случайно я подслушал один разговор...

— Случайно? — перебил его Нойман не без ехидства.

— Да, совершенно случайно, — заверил он. — Врачи после вскрытия трупа не были едины в своих заключениях.

— При чем тут вскрытие какого-то трупа? — в недоумении спросил инспектор. — Разве священник скончался? Вы об этом и словом не обмолвились!

Студент смущенно посмотрел на инспектора:

— Нет, разумеется, нет! Я говорю о больном из палаты номер девятнадцать! В той палате было найдено мое прошение, которое я лично передал священнику в руки...

— ...который, как вы выразились, вовсе не священник, — скептически заметил Нойман.

— Вот именно! — подтвердил студент. — Да, человек, выдававший себя за священника сумасшедшего летчика из семнадцатой палаты, навестил больного из девятнадцатой палаты! Тут что-то не так, господин криминал-инспектор! Хойслер из девятнадцатой палаты после его визита оказался мертв! Тут пахнет убийством!

— Вот как?! Надеюсь, вы и доказать это сможете?.. — Нойман никак не мог обойтись без насмешки.

— Я звонил по телефону господину советнику из консистории, он друг нашей семьи. Он-то мне и сказал, что в нашей общине был только один священник по фамилии Ланге, но он с тысяча девятьсот семьдесят восьмого года покоится в земле-матушке!

— Ну хорошо, я все проверю, — пообещал Нойман.

— Скажите, а вы можете так составить протокол, чтобы в нем не называлась моя фамилия? — робко спросил студент.

— Само собой разумеется, — пообещал ему инспектор.

Когда Райнер Либич ушел, Нойман подошел к окну и стал смотреть вниз, на уличную суету. Его интуиция, выработанная за сорок лет службы, подсказывала ему, что тут, пожалуй, пахнет преступлением. Хойслер служил в сети «МАД», его предполагали перевести в лазарет бундесвера, а затем отдать под суд военного трибунала. Кто знает, что за всем этим кроется?..

Судя по всему, это дело затрагивало интересы верхов, но опасность была вовремя устранена. Нойман отвернулся от окна и, подойдя к магнитофону, перемотал назад ленту, а затем нажал на кнопку «Стереть».

В зале для проведения траурных церемоний в первом ряду были заняты только пять стульев, перед гробом лежало мало венков. Ларго Генделя, звучавшее с магнитофона, неприятно громыхало в почти пустом помещении.

Раздался голос священника, читавшего из Библии: «Пусть бросит в него первый камень тот, кто сам греха не знает...»

О желании покойного быть погребенным в земле члены похоронной комиссии узнали только от Гундулы Ховельман, более того, они даже были не в курсе, что руководство фирмы «Лорхер и Зайдельбах» не являлось начальством Хойслера. Зайдельбах появился на траурной церемонии как представитель фирмы, и Гундула была благодарна доктору за то, что он проявил такое снисхождение к покойному. Рядом с Гундулой сидел старик Ховельман, представлявший своих коллег из охраны.

Траурная речь была очень короткой. Никто из присутствовавших, кроме Коринны и Фреда, не имели ни малейшего представления о том, при каких условиях умер Хойслер. В заключение церемонии зазвучал квартет Брамса. Растворились двери, и носильщики подняли гроб. На площади их уже поджидала другая траурная процессия, хоронящая своего усопшего.

Обтянутые резиновыми шинами колеса похоронного катафалка шуршали по посыпанной гравием дорожке. Сразу же за гробом шагал священник, который время от времени незаметно поглядывал на часы. Рядом с ним

шли Коринна и Фред Горица. Позади них шествовали Ховельман, Гундула и Зайдельбах. Доктор после вчерашнего пива выглядел каким-то больным.

Над открытым гробом пастор не стал много говорить и сравнивать яркий солнечный свет и пение птичек с солнцем закатившейся жизни, более того, он даже забыл упомянуть, что для Хойслера больше уже никогда не будет светить солнце и не будут цвести цветы.

Коринна даже не могла плакать, чувствуя, как стиснуто ее горло. Боль Гундулы прорвалась наружу, когда гроб опускали в землю. Старик Ховельман был мрачен, он понимал, какие отношения связывали Хойслера и его внучку.

На обратном пути, выходя из ворот кладбища, Зайдельбах, спикший и мрачный от чувства собственной вины, подошел к Коринне и взял ее руку, которую та, задумавшись, подала ему, но не проронил при этом ни единого слова.

От имени Коринны Горица пригласил присутствующих на похороны на скромные поминки в ближайший ресторан. Там Коринна и Гундула, стоя в раздевалке, оказались друг перед другом, лицом к лицу.

Коринна почувствовала симпатию к этой девушке с темными растрепанными волосами, которые делали ее похожей на южанку. Она поняла Дитера, когда тот в одном из своих писем сообщил ей, что в ближайшем будущем он намерен серьезно подумать о своей дальнейшей жизни.

— Вы его любили, не правда ли? — тихо спросила Коринна.

Гундула молча кивнула. По ее щекам катились слезы. Коринна Хойслер прижала Гундулу к себе.

— Я никак не могу свыкнуться с мыслью, — прошептала она, — что его уже нет!..

— Я все равно стану его женой, — сказала Гундула. — Я не навсегда потеряла его — он продолжает жить во мне! У меня будет от него ребенок! Я рада, что он уже знал об этом!

— Гундула, девочка!.. — произнесла растроганная Коринна.

Вдвоем они подошли к столу. Ховельман и Горица инстинктивно почувствовали, что Коринна и Гундула поправились друг другу.

— Вы приехали из Мюнхена? — спросил Зайдельбах у Коринны.

— Да, — коротко ответила она, не чувствуя ни малейшей симпатии к представителю фирмы, погубившей ее брата.

— Господин доктор тоже ботаник, — заметил Ховельман, который слышал как-то от Хойслера, что его сестра Коринна изучает ботанику.

— Вот как?.. — в голосе девушки прозвучало некоторое любопытство.

Зайдельбах тоже был заинтересован. Разговор постепенно начал налаживаться. Оказалось, что Коринна была знакома с книгой Зайдельбаха по ботанике. Она спросила доктора о том, действительно ли он работает над новым трудом о флоре Люнебургской пустоши.

— Я написал уже не одну сотню страниц, — подтвердил доктор. — Жаль только, что работаю я нерегулярно!

Официант принес кутю, а от закусок все отказались: никто из присутствующих на похоронах не мог есть.

Коринна и Фред обменялись понимающими взглядами, и он сказал:

— Все, кто был знаком с Дитером, хорошо знают, что он ни при каких условиях не мог бы украсть деньги! Он действовал по приказу! Это я обязательно узнаю, тем более что теперь это ему уже не повредит! Вы можете это подтвердить, господин доктор?

Зайдельбах вдруг побледнел; он начал протирать стекла очков носовым платком, стараясь при этом не смотреть на Горицу.

— Я нарушу обещание молчать и скажу, что господин Хойслер был обер-лейтенантом бундесвера...

— ...служившим в контрразведке, — добавил Горица.

— Этого я не знал, — заметил Зайдельбах. — В его обязанности входило организовать охрану нашей фирмы, и он превосходно справлялся с этим! Какие задания он выполнял помимо этого — мне неизвестно!

Они выпили по бокалу вина, и тут Фред Горица во всеуслышание заявил, что он вместе с сестрой умершего сделает все, чтобы пролить свет на загадочную историю с сейфом и не менее загадочную смерть Хойслера.

— Мы обязаны это сделать в знак уважения к его памяти, — сказал он в заключение.

— Я не верила газетам — тому, что было написано о Дитере, — проговорила Гундула и, повернувшись к своему деду, добавила: — Я не хочу, чтобы мой ребенок стыдился своего отца!

Ховельман растерянно посмотрел на внучку и заикаясь пролепетал:

— Уж не хочешь ли ты сказать, малышка, что ты...

— Да, хочу! У меня будет от него ребенок! Мы хотели пожениться!..

На лице старика застыло выражение глубокой печали: ему не хотелось, чтобы внучка пошла по пути его дочери и воспитывала ребенка без отца.

Доктор Зайдельбах сделал невероятное: он поднял свой бокал и залпом выпил его до дна, а затем сказал:

— Мне в этой истории многое неизвестно. Когда произошло несчастье, меня здесь не было: я был во Франкфурте. Однако я знал, что мой компаньон был своевременно проинформирован о готовящемся и устроил ловушку. Могу только сказать, что инициатором этой ловушки был не сам господин Лорхер, а его внебрачный сын по фамилии Крампен! — проговорив все это, Зайдельбах с облегчением вздохнул. — Злое предприятие ведет к злой цели, сказал в свое время Софокл. Вы даже не предполагаете, как скверно я себя чувствую! Могу я чем-либо помочь в вашем деле? — Доктор вопросительно посмотрел на Горицу.

— Все детали можно установить только на месте происшествия, — пояснил Фред. — Вы могли бы, господин доктор, взять к себе в качестве ассистентки Коринну Хойслер? Разумеется, под другой фамилией, с тем чтобы не пугать Лорхера и не вызвать у него недоверия.

Эта мысль понравилась Зайдельбаху.

— Я это сделаю, — пообещал он.

Спустившаяся на землю темнота скрыла мелкие предметы, слегка просматривались лишь бетонные колонны внизу. Почти все окна двадцатипятиэтажного здания были ярко освещены. Горица застегнул куртку и прислушался к звукам, раздававшимся из-за балконной двери.

Коринна и он выпили по бокалу шипучего вина, сидели рядом и почти ничего не говорили. Неожиданно девушка встала и, пожелав ему доброй ночи, ушла к себе в комнату. Горице, как и прошлым вечером, показалось, что она чего-то ждала.

Горица занес в комнату неполную бутылку вина и достал из домашнего бара бутылку виски. Налив стакан вина, он выпил его и, наполнив вторично, снова вышел на балкон. «Собственно, мне следовало бы остаться в ком-

нате», — подумал он, но его потянуло на прохладу, тем более что хотелось оказаться поближе к Коринне.

Подвинув стул к балконной двери, за которой скрылась девушка, он снова прислушался, но так ничего и не услышал. Он вспомнил свою последнюю встречу с Дите-ром на этом же балконе и свою первую встречу с ним.

Они познакомились три года назад. Горица напал на след одного вора, специализировавшегося на краже легковых автомобилей, которые после специальной перекраски тот переправлял в страны Востока. Но Фреда заманили в ловушку, и трое верзил напали на него, как только он вышел из бара.

Хойслер поспешил ему на помощь и вызвал полицию. В ходе выяснения личности Горицы Хойслер узнал, что тот работает в спецслужбе на фирму, которая за соответствующую плату обеспечивала безопасность от уголовников, порой действуя чуть ли не в рамках легальности.

Вспомнив об этом, Горица усмехнулся. Тогда он подумал, что Дитер является сотрудником криминальной полиции, так хорошо его принял патруль. Эта встреча и явилась началом их дружбы. С тех пор они регулярно обменивались информацией, которая поступала к каждому из них.

Постепенно Горица пришел к выводу, что он в какой-то степени является должником Дитера, ведь без его, Фреда, участия Хойслера никогда бы не перевели в пустошь.

Ночной ветерок остудил его, и Фред начал мерзнуть. Он выпил виски и почувствовал, как тепло разливается по всему телу.

Огни в окнах домов гасли один за другим. Горица встал со стула и, подойдя вплотную к балконной двери, услышал, как за ней тихо плакала Коринна.

Имел ли он право мешать ей выплакать свою боль? Похороны без слез показались ему ненатуральными. Только одна Гундула Ховельман дала волю слезам. Что ж, это вполне естественно... Но кто знает, хочет ли Коринна остаться одна со своим горем?

Фред осторожно открыл дверь и тихо позвал:

— Коринна...

Она лежала на кушетке, уткнувшись в подушку, плечи ее вздрагивали. Коринна подняла голову и посмотрела в сторону балконной двери; рукой она искала выключатель ночника, стоявшего на столике. Она зажгла ночник, но кушетка все равно осталась в тени.

Фред остановился на пороге и несмело посмотрел на девушку.

— Я услышал, что вы... — Не договорив фразу, он замолчал, чувствуя неловкость от сознания того, что она может не так понять его.

Девушка отодвинулась к самой стене и, натянув на себя одеяло, жестом разрешила ему сесть рядом. Он присел на краешек кушетки.

— Мне очень жаль вас, Коринна. Сейчас, сидя на балконе, я о многом передумал. Я сам в какой-то степени виноват в случившемся...

— Я этому не верю.

— Однако это так, — настаивал Фред. И он откровенно рассказал ей о том, как Дитер в порядке наказания за одно упущение по службе был откомандирован в распоряжение фирмы «Лорхер и Зайдельбах».

Коринна молча слушала его. Когда он закончил, она долго молчала, а потом сказала:

— Вы несколько не виноваты в случившемся с Дитером, это просто совпадение; он сам решил вам услужить.

— Дело не только в этом. Я вспомнил один разговор с ним... Было это, пожалуй, год назад. Мы сидели на балконе и...

— Вы пили виски? — перебила она его вопросом.

— Да, целую фляжку тогда выпили!

Она усмехнулась сквозь слезы и сказала:

— Я имею в виду не тогда, а сейчас!

— Да, выпил, — смущенно признался он. — А вы, случайно, не хотите?

— Да, пожалуй.

Фред пошел в свою комнату и принес полбутылки виски. Он сел и протянул ей бокал.

— Этим был подведен итог в познании самого себя! — И Фред рассказал Коринне о том, что они с Дитером тогда пришли к единому мнению, как опасно и ненадежно их положение, ведь они оба, по сути дела, занимаются одним и тем же делом. Разница заключалась только в том, что Дитер работал на государственную разведку, а Горица на частную спецслужбу, которая, разумеется, и платила меньше.

— Мое предложение при случае позаботиться о компромиссе заставило Дитера задуматься. Он считал, что ему добиться такого будет труднее. Возможно, что... — Горица неожиданно замолчал.

— Налейте мне еще виски, — попросила Коринна. — Возможно, он верил, что все же найдет способ побеспокоиться о собственной выгоде, вы не думаете?

— Да, очень жаль, что мне больше не удалось поговорить с ним.

— Вполне допускаю, что он мог бы остаться в живых... только слепым. Боже мой, как это ужасно звучит: только слепым! Что бы он сказал? Как вы полагаете, Фред?

— А он сказал бы: «Это было проделано с целью! Кто-то заработал на этом большие деньги! Разыщите его и заставьте заплатить за это!»

— Да можно ли вообще оплатить такое?! У Гундулы будет от него ребенок, и он должен будет расти и воспитываться в пустоши, в селе...

Они еще выпили виски, и Фред поставил пустые бокалы на стол. Голова у него несколько отяжелела от выпитого, но мысли пока еще не путались. Вспомнилась встреча с Бенно Хонигманом в Вадуде и его предложение вставать на собственные ноги. Секретная служба Израиля предлагала ему помощь в этом, но он прекрасно понимал, что на них можно рассчитывать только до тех пор, пока он им был нужен. А что после? Начнется конкурентная борьба с собственной спецслужбой, а ведь Бройер не потерпит никакой конкуренции. Есть лишь одна-единственная альтернатива, о которой он говорил Дитриху: самому нанести единственный, но сокрушительный удар!

Коринна погладила Фреда по руке и вдруг обхватила его за шею и притянула к себе. Он видел ее глаза, очень похожие на глаза Дитера...

— А ты уверен, Фред, что Дитер только выполнял приказ? — спросила она через некоторое время.

— Этого я не знаю, — ответил он, лежа на спине, заложив руки за голову.

Коринна прижалась к нему и заметила:

— Дитер никогда не гнался за деньгами!

— У нас есть один шанс, только нужны доказательства. Ты мне поможешь в этом?

— Что за вопрос!

— Первый шаг будет сделан, если Зайдельбах возьмет тебя к себе на работу. Я знаю, кто может заплатить миллион за обладание ослепляющим оружием!

Стало совсем тихо. У Коринны перехватило дыхание, и, пораженная, она прошептала:

— Я бы могла подумать, что ты сошел с ума, но я-то знаю, что ты за человек!

— Положат нам один миллион в швейцарский банк на предъявителя, а это уже солидное состояние, как ты полагаешь?

— Баснословная сумма — тысяча тысяч марок!

— Вот тогда смерть Дитера будет хоть как-то окуплена! — как ни в чем не бывало заключил Фред Горица.

8. БОРЬБА СПРУТОВ

Школа каратэ спецслужбы размещалась в огромном летнем павильоне фабрики искусственной кожи. При ее оборудовании Бройер средств не жалел: тут была и своя сауна, и солярий, и бассейн, и тир в подвале, и помещения для отдыха. Оперативные сотрудники были обязаны регулярно заниматься физическими тренировками.

Горица поставил свою машину на фабричном дворе. На обитой железом двери красовалась табличка с надписью: «ВСВ 1900», а чуть ниже рисунок — боксерская перчатка, но все это было придумано лишь для маскировки.

Горица вложил свой пропуск в отверстие электронного контролера, и в тот же миг перед ним бесшумно распахнулась дверь. В коридоре он ощутил знакомые запахи — средств по уходу за телом, магнезии и пудры.

Он переоделся и вошел в помещение, где проходили тренировки по боксу. С ним поздоровались двое коллег. Партнер Горицы по рингу Калле Пильц снял с головы защитный шлем и сделал ему таинственный знак. В этих помещениях избегали вести разговоры, которые могли бы дойти до слуха Бройера. Никто толком не знал, какой подслушивающей аппаратурой оборудованы эти помещения.

— «Зигги», — тихо шепнул ему Калле. Горица понимающе кивнул — коллега предлагал ему встретиться в ресторанчике на товарной станции, владельцем которого был некто Вальтер Бунге, давший заведению столь странное название. Тренировка у Горицы в тот день, естественно, была короткой.

Когда он вошел в ресторанчик, Калле уже ждал его у одного из столиков. Поздоровавшись с хозяином, Го-

рица заказал пива. Этот ресторанчик был для его владельца настоящим золотым дном, где с утра и до вечера толпились клиенты. Здесь царил такое оживление, что человек порой не слышал собственных слов. За высоким столиком двое завсегдатаев оживленно спорили о недавно окончившемся футбольном матче. Калле немного оттеснил споривших в сторону, чтобы освободить место себе и Горице. Более подходящее место для секретного разговора трудно было найти.

Калле Пильц — боксер тяжелой весовой категории из спортивного общества полиции — был в свое время уволен с работы за потерю одного секретного пакета. На этом, собственно, и закончилась его биография боксера. Горица знал, что именно интересовало Калле, у которого были две дочери (одна — пятнадцати, а другая — семнадцати лет), которых он безумно любил, старался исполнить все их желания и потому всегда нуждался в деньгах.

— Прозит, старина! — сказал Калле, поднимая свою кружку.

— Будь здоров, Калле! — Горица бросил на него внимательный взгляд, поняв, что тот принес ему добрую весть. — Ну, выкладывай! — тихо потребовал он.

Калле осторожно осмотрелся и, почти не разжимая губ, проговорил:

— Фотографии изготовил некто Берт Крампен, фотограф!

— Я так и думал, — проговорил Горица, глядя на Пильца. — Сколько заплатил?

— Две сотни!

Горица достал триста марок и сунул их в карман боксеру.

Пильц, довольный, кивнул:

— Крампен занимается изготовлением порнографических открыток, которые он сбывает продавцам сигарет и газет!

— Смотри-ка! — Горица тихо свистнул. — Сын фабриканта Лорхера чем занимается!

— Это еще не все, — пояснил Пильц. — Я решил взглянуть к нему, в его фотоателье на шестом этаже... Ну, скажу тебе, дверь — как в федеральном банке! Стою и думаю: звонить или нет? Вдруг из лифта выходит одна красотка, и я поднимаюсь этажом выше... Твое здоровье, Фред!

— И твое, Калле! Однако в твоём рассказе не хватает изюминки! — Горица вытер с губ пивную пену.

— Будет и изюминка, — в глазах Калле заблестели довольные огоньки. — Я вышел из дома и кого же я увидел? Красавца Эгона!

— Кто это такой?

— Один тип, околачивавшийся возле одной девицы! Короче говоря, аптекарь дал показания под принуждением. Раз в три месяца он кладет пятьсот марок в абонементный почтовый ящик. Если он этого не делает, то его семья получит по почте несколько цветных фото, снятых скрытой камерой и запечатлевших его и ту, с кем он ночевал в мотеле...

— С той самой девицей? — спросил, прервав его, Горица.

— С той самой! — ответил Калле.

— Ну и что?

— Проследить за «пчелкой» с почты было проще простого!..

— И ты сказал Эгону, что сам сделаешь это, — угадал Горица.

— Точно! Можешь мне поверить, что Эгон был готов мне руки целовать! — И Калле кивнул, как бы подтверждая свои слова. Он допил пиво и, подняв вверх руку, показал два пальца. Хозяин пивной, стоявший за стойкой, дал знак, что он принял заказ и подаст им еще две кружки пива.

Это было одно из ставших традиционными совещаний, которые обычно проводились в конце недели с целью проинформировать генерального директора Линдштедта о наиболее важных событиях, получить от него необходимые указания и обменяться опытом и новостями. На такие совещания приглашались, как правило, лишь ответственные сотрудники, а таковых насчитывалось около десятка человек. Совещаниям обычно предшествовала основательная подготовка, так как Линдштедт интересовался даже деталями любого дела и инстинктивно угадывал слабые места.

Шестеро господ сидели за столом для совещаний, который одной стороной упирался в письменный стол Линдштедта. Ритмично мигающие контрольные лампочки свидетельствовали о том, что система антиподслушивания была включена. Плотные гардины на окнах

были задернуты. Горели лишь настольные лампы, хорошо освещая столешницу, зато выставочные витрины с образцами оружия находились в полумраке, матово поблескивая металлом, лежавшим на бархатных подушечках.

— Переходим, господа, к следующему пункту! — потребовал Линдштедт. — Прошу вас, господин Виндиш, доложить о комплексе «Лорхер и Зайдельбах»!

Взоры пятерых господ устремились на шестого, в элегантном костюме, сидевшего в конце стола. В этом помещении строго соблюдалась должностная субординация. Директор Виндиш стал членом директорского совета лишь два года назад, являясь типичным представителем молодого, но энергичного поколения. Ему было тридцать с небольшим, и прежде он работал где-то за границей; великолепно владел тремя иностранными языками (в том числе русским), обладал завидной контактностью с людьми и таким самолюбием, которое необходимо для того, чтобы сделать карьеру. Три года назад Виндиш женился на дочери одного из акционеров «ВОМА», а год спустя уже пошел в гору.

— Господин генеральный директор, господа! — начал приятным голосом свое выступление Виндиш. — В свое время я лично обратился к господину Лорхеру с предложением скооперироваться с нами, однако получил решительный отказ. И все же мы не без интереса продолжали наблюдать за развитием фирмы!

Линдштедт прокашлялся и бросил коротко:

— Это касается операции «Степной барашек»! Все наши сотрудники были проинформированы об этом.

— Так точно! — подтвердил Виндиш. — О начальной стадии развития ослепляющей гранаты, о трудностях с кредитованием, — при этих словах некоторые члены директорского совета переглянулись. — В настоящее время мы можем говорить о значительном форсировании работ... — Здесь Виндиш привел факты, подтверждающие его слова. — Громкий скандал и публикация о нем в прессе позволили фирме «Лорхер и Зайдельбах» получить внушительные преимущества.

— Добиться этого было не так-то уж и трудно, — заметил один из господ, — тем более что кредиты оказались под рукой!

Виндиш бросил на Линдштедта вопросительный взгляд. Генеральный директор поиграл золотой миниатюрной шпагой, предназначенной для разрезания бумаг

и писем, затем взглянул на Виндиша и едва заметно кивнул.

В этом обществе было принято все секретные и важные дела совершать только с личного согласия Линдштедта. Получив молчаливое согласие директора, Виндиш начал более подробно докладывать о положении дел на пиротехнической фабрике, назвал имена кредиторов, которыми оказались два вполне авторитетных банка, затем он остановился на условиях договоров.

— Это вызвано нашим желанием, — продолжал Виндиш, — кредиты же были сторцированы. В настоящее время изоляция Лорхера нам мало чем поможет.

Далее Виндиш изложил разработанную им самим концепцию, и ему удалось убедить членов совета в ее правильности.

На фирме «Лорхер и Зайдельбах» развернулись работы по созданию огромной лаборатории, способной ускорить выпуск новой продукции. Товарные поезда строго по графику доставляли сырье, однако пройдет еще не одна неделя, пока оно будет пущено в производство. По мнению Виндиша, настало самое подходящее время для того, чтобы «повернуть кран, из которого текут деньги, в другую сторону». При этих словах Линдштедт скорчил гримасу — он не любил подобных выражений.

— Думаю, наше новое предложение о кооперации вряд ли будет отвергнуто фирмой, правда, его условия будут для фирмы менее благоприятны, чем в первый раз! — И, сделав особое ударение, он закончил свое выступление следующими словами: — При данных условиях!

А каковы были эти условия — предоставлялось дорисовать воображению самих членов директорского совета.

Генеральный директор демонстративно посмотрел на каминные часы: он привык рассчитывать время до минуты. Поскольку желающих высказаться не оказалось, он закрыл совещание. Господа поднялись со своих мест и, отнеся поклон генеральному, стали выходить из зала.

— Задержитесь, господин Виндиш, — произнес Линдштедт.

— Да, слушаю вас! — остановился Виндиш.

— Вы проконсультировали господина Бройера?

— Да, и он заверил меня в том, что его спецслужба

обеспечит безопасность как лиц, так и самого объекта, и притом при сохранении строгой изоляции от других отделов. У «Лорхера и Зайдельбаха», к сожалению, было установлено сигнальное устройство.

— Благодарю вас, я так и думал. — Линдштедт дружески улыбнулся. Виндиш склонился в почтительном поклоне и вышел.

В коридоре генерального директора ожидал фон Венген. Линдштедт принял его на этот раз более холодно, чем обычно. Отставной генерал сожалел об этом, хотя и находил вполне понятным, считая, что уж такова судьба любого командира, проигравшего бой. Он решительно отказался говорить об этом, заметив, что это была всего-навсего неудачная операция, и не больше.

Если бы операция не провалилась из-за подлого предательства, тогда майор Вольноф на своем «БМВ» прикатил бы в гараж фон Венгена в Кобленце и оставил там похищенные документы. Однако сто тысяч марок, обещанные за это, так и не попали в кассу спецслужбы. Когда-то еще удастся получить подобный заказ!

Все крупные операции в мире, как правило, субсидируются секретными фондами, которые создаются отнюдь не без ведома тех, кто организует эти операции. Организаторы же в случае провала обычно заявляют, что не были информированы относительно того, какими методами и средствами выполнялись эти операции. Фон Венген ценил Линдштедта в этом отношении как исключение. Однако его все же интересовало, чувствовал ли Линдштедт хоть частичку моральной вины за смерть Хойслера. Сам он винил во всем майора Вольнофа, который на этот раз допустил просчет. К сожалению, с Линдштедтом нельзя было поговорить о расходах.

Однако генеральный директор опередил фон Венгена и, показав ему недавно приобретенное старинное оружие, как бы мимоходом потребовал:

— Отзовите своих людей, господин фон Венген! И не предпринимайте никаких шагов в этом направлении!

Отставной генерал с облегчением вздохнул. Однако перед Линдштедтом он все же предстал как человек, который потерпел крах; ничто не остается в памяти так долго, как постигшая тебя неудача.

— Известные затраты мы рассматриваем как кре-

дит, — проговорил директор, как бы ставя на этом вопросе точку.

— Не следует ли это понимать, что дело лишь на время откладывается?

— Да, именно так, — подтвердил Линдштедт.

— Я говорил с господином Ролем из федерального ведомства, — заметил фон Венген, стараясь продемонстрировать уязвленное самолюбие.

— Даже так? — Директор с любопытством посмотрел поверх очков на генерала, затем открыл одну из витрин и, вынув из нее дуэльный пистолет, прикинул его на руке.

— Полковник придерживается мнения, что ослепляющее оружие еще не отвечает нужным условиям и что необходимо кое-что доделать!

— Это сделают сами компаньоны фирмы «Лорхер и Зайдельбах», мой дорогой фон Венген, — с усмешкой заметил Линдштедт, — а мы с вами не станем мешать им в этом! Пока не станем!

Взглянув на ффрау Грайлин, майор Вольноф по выражению ее лица понял, что он пришел не в самое лучшее время. Отставной генерал довольно небрежно поздоровался с майором за руку. Он подошел к стсе с книжными полками и незаметно нажал на кнопку. Отворилась замаскированная дверь в специальный кабинет, где сразу же загорелся свет. Оба уселись за узкий стол.

Вольноф не знал, зачем фон Венген вызвал его к себе; в разговоре по телефону тот даже не упомянул о полученных деньгах, которыми майор, уверенный в успехе, распорядился довольно легкомысленно.

— Что нового, господин Вольноф?

Майор наморщил лоб. В приказном тоне вопроса чувствовалось, как изменились между ними отношения; фон Венген уже не старался быть доброжелательным.

— У «Лорхера и Зайдельбаха» всю идут работы по созданию новой лаборатории с самым современным...

— Это мне известно, — перебил его фон Венген. — Меня интересует вот что: где у них самое слабое место? — Он изучающе смотрел на Вольнофа.

— К сожалению, господин генерал... — Вольноф как-то жалко поднял плечи.

— Итак, не знаете! — фон Венген нервно забарабанил пальцами по столу. — В вашем союзе засел предатель! — со злостью выпалил он.

Вольноф покраснел.

— Я уверен в своих людях.

Фон Венген воспринял такое заявление как личное оскорбление. Он выпрямился и холодно проговорил:

— Уж не подозреваете ли вы меня в небрежном обращении со служебными тайнами? — Правой рукой он захлопал по столешнице. — Я все же попрошу вас, господин майор, не забываться!..

Вольноф обычно не мог реагировать на замечания спокойно, однако на этот раз, когда фон Венген обращался с ним строго официально — как начальник с подчиненным — он перенес это спокойно. Он, не теряя самообладания, с вызовом посмотрел на своего собеседника.

— Даже безо всякой небрежности тайны иногда становятся известными!

— Как я должен это понимать? — холодно спросил генерал.

— Я, господин фон Венген, дам вам прослушать запись вашего разговора с полковником Ролем в «Посейдоне»!

Бывший генерал изменился в лице и удивленно уставился на Вольнофа.

— Постойте!.. Выходит, вы подслушивали мой разговор?

— Вины не вы, а сам полковник Роль, — пояснил Вольноф.

— Вот так новость!.. — вскочил было со стула фон Венген, но тут же вновь сел. — В таком случае, вы мне можете о многом рассказать! — Он с недоверием посмотрел на майора.

— Прошу вас вспомнить: об операции «Степной барашек» мы с вами узнали благодаря простому подслушиванию разговора, который велся в федеральном ведомстве по науке и технике!

Фон Венген с опаской посмотрел на гладкие стены кабинета, будто не был уверен, что его и здесь не подслушивают. Он вспомнил о своем разговоре с Ролем. Генерал с раздражением смотрел на Вольнофа, который, как выяснилось, знает о его предложении полковнику стать преемником в «ВОМА». Беспокоило фон Венгена то, что он никак не мог вспомнить конец того разгово-

ра. Они тогда много выпили, и потому он кое-что забыл.

Вольноф словно отгадал мысли генерала и решил его доконать. Слегка усмехнувшись, он заметил:

— Высказанное в приподнятом настроении никогда и никто тщательно не взвешивает!

Казалось, что фон Венген вдруг обрел хорошее расположение духа. Он повел себя так, будто не придавал больше никакого значения своему разговору в «Посейдоне».

— Давайте перейдем к делу, господин Вольноф, — сказал генерал. — Нет никакого смысла взаимно обвинять друг друга!

— Разумеется, нет, — согласился майор. — Однако мы не должны забывать и о том, что этот промах стоил одному человеку жизни. Я потерял способного офицера!

— Я знаю об этом и очень сожалею, — заверил бывший генерал. — Однако смерть обер-лейтенанта не имеет прямого отношения к той операции!

— Я смотрю на это иначе: имеются причинные связи с ослеплением.

Однако фон Венгена не интересовал анализ каких-то связей, он начал деловой разговор с Вольнофом. Оба они сошлись во мнении, что добиться обладания ослепляющим оружием будет гораздо труднее, чем они предполагали, тем более что где-то появился и действует предатель.

— Временно ничего не предпринимайте, господин Вольноф! — потребовал фон Венген.

Майор кивнул, понимая, что слово «временно» всего лишь означает, что операция против фирмы «Лорхер и Зайдельбах» переносится на более позднее время и, следовательно, деньги, которые он получил, все же останутся у него.

Незаметно для Вольнофа генерал ногой нажал на специальную педаль, и дверь бесшумно отворилась. Оба вышли из кабинета.

Оказавшись в соседней комнате, хозяин наконец проявил радушие, угостив своего гостя виски. Когда же майор Вольноф вышел из кабинета, секретарша фрау Грайлин была гораздо приветливей и дружелюбней.

Среди десятков кактусов, стоящих на подставках, на подоконнике особое место занимало шарообразное

растение величиной в два мужских кулака. Оно было огорожено серебряной сеткой и цвело, выбросив вверх желтый цветок, похожий на тюльпан.

Коринна Крамер (на самом деле — Хойслер) составляла картотеку растений, а сама тайком посматривала на Зайдельбаха, который внимательно рассматривал редкий экземпляр.

В лаборатории больше не проводили химических опытов, так как Зайдельбах заверил Лорхера, что, как только будет готова новая лаборатория, он быстро наверстает упущенное. С помощью новой ассистентки профессор намеревался поскорее закончить свою работу по ботанике. Лорхер был вынужден уступить своему компаньону, опасаясь, как бы тот на самом деле не бросил все дела и не переселился в Кизебютель, где он уже успел купить себе домик, в котором его экономка фрау Кутчера начала делать ремонт.

— Что удивительного находите вы в этом растении? — полюбопытствовала Коринна.

Смутившись, Зайдельбах по привычке начал протирать полый халата очки.

— Дело в том, что еще в тридцатых годах профессор Гердельман отыскал этот подвид в Бразилии и описал его! — Зайдельбах прокашлялся. — А мне профессор приходится родным дядей! Благодаря ему я и сам стал ботаником!

Коринна была тронута тем, что Зайдельбах постепенно раскрывался перед ней. Он доверял ей даже то, о чем не знал сам Лорхер. Вообще-то она должна была бы ненавидеть профессора, открытие которого привело Дитера к гибели. Коринна уже не сомневалась в том, что Дитер полез в сейф Зайдельбаха не за чем иным, как за его последним открытием. Фред был убежден, что обвинение Дитера в хищении денег выдвигалось с целью отвлечения внимания общественности от истинной причины его поступка и направления следствия по ложному пути. Эта гипотеза казалась вполне правдоподобной. Таким образом, по одну сторону баррикады стоял Зайдельбах, изобретатель сатанинского оружия, а по другую — Дитер, намеревавшийся похитить документацию на это изобретение, и к тому же отнюдь не из гуманных побуждений.

Коринна Хойслер все отчетливее чувствовала, как исподволь растут ее симпатии к этому крупному ученому, и она, как ни старалась, все-таки не смогла на-

строить себя против профессора. Однако Коринна действовала так, как они с Фредом решили. Прежде всего она старалась снискать доверие доктора. Сделать это, работая рядом с ним, было не так трудно, однако на это ушло несколько недель. По их плану, в дальнейшем Зайдельбах должен был выступить как их союзник в борьбе против своего компаньона; он должен был помочь им продать ослепляющее оружие тем, кто давал за него самую большую цену, оставив, таким образом, Лорхера и Крампена с пустыми руками.

Доктор уселся напротив девушки, подперев подбородок руками. Он уставился на Коринну тем же взглядом, каким только что смотрел на редкий вид кактуса.

— Я часто мечтал о поездке в Южную Америку...

— На поиски редких видов кактусов, один из которых позже был бы назван именем Зайдельбаха! — перебила его Коринна.

Зайдельбах опустил глаза и протер очки.

— А почему бы вам туда и не поехать? — спросила она.

— Этот вопрос я и сам себе часто задавал, — ответил доктор. — Видите ли, я очень непрактичен в личной жизни. Мне легче расшифровать очень сложную программу, чем найти нужное в справочнике; для этого мне кто-то нужен. А вы не согласились бы поехать вместе со мной в Южную Америку месяца на три-четыре?

— Вы шутите?.. — с недоверием спросила девушка.

— Нисколько. Правда, из-за меня вам пришлось бы пожертвовать одним семестром и...

— Вы же знаете, что... — перебила его Коринна.

— Тихо! — быстро проговорил он, приложив палец к губам.

Коринна никак не могла привыкнуть к мысли, что здесь следовало ко всему присматриваться и прислушиваться. Она тут же вспомнила о Фреде и невольно подумала о том, как он отнесется к предложению доктора.

Зайдельбах словно отгадал ее мысли:

— Разумеется, мое предложение относится и к вашему возлюбленному. Нам так или иначе понадобится шофер...

Коринна посмотрела в окно, за которым холодный ветер раскачивал высокие сосны: началось самое неприятное время года. Отцвели цветы, березы бесшумно

сбрасывали листву. Разве можно было сравнить печальный осенний пейзаж с зелеными тропиками, залитыми жарким солнцем?..

— Навестите меня вечером, да и его с собой не забудьте захватить, — предложил Зайдельбах.

Коринна согласна кивнула.

С улицы раздался шум мотора. Она подошла к окну и посмотрела вниз: грузовик буксовал в песке. В кузове стояли какие-то станки, прикрытые брезентом. В последние дни сюда часто подъезжали машины с различными грузами и строительными материалами.

Коринна показала на грузовик, который наконец выехал на твердую дорогу, и сказала:

— Вы же не сможете уехать отсюда!

— Еще как смогу, — прошептал Зайдельбах решительно.

Коринна снимала комнату в Кизебютеле — там же, где и Дитер. С Гундулой они очень подружились, а Ховельман обходился с ней как с родственницей. Последние дни недели она проводила с Фредом, он сам заезжал за ней в пятницу. Коринна не решалась сесть за руль «гольфа» Дитера, боясь, что ее могут узнать по машине бывшего начальника охраны. Фред довольно часто бывал в отъезде. Он не говорил, где он бывал, и лишь однажды рассказал Коринне, что ездил в Мюнхен, где встречался с представителем секретной службы Израиля. Когда же он вернулся из поездки в Цюрих, то заявил, что сделал первый шаг к тому, чтобы в скором времени стать миллионером...

В этот момент зазвонил внутренний телефон и Зайдельбах снял трубку. Лорхер приглашал профессора зайти в помещение новой лаборатории, чтобы обсудить место расположения электропечи. Тяжело вздохнув, Зайдельбах вышел.

Лорхер развил бурную деятельность; единственное, что его сильно беспокоило, были расходы, которые росли и должны были вот-вот удвоиться.

Коринна закрыла картотеку в металлический ящик, решив, что ничего нового в ней она уже не найдет. Она собралась написать письмо своей подруге-студентке, но в этот момент распахнулась дверь и на пороге появился Крампен. Коринна скорчила недовольную мину.

— Хэлло, красотка! — развязно поздоровался с ней вошедший, садясь на край стола.

— Я вам уже говорила, чтобы вы не смели обращаться ко мне подобным образом! — холодно сказала она Крампену, который был ей еще более несимпатичен, чем Лорхер. Однако Крампен, не обратив на ее слова никакого внимания, подошел к ней сзади и вдруг резко привлек к себе, пытаясь поцеловать.

— Пустите меня!.. Как вы смеете?!

— Не ерепенься!..

Она с силой наступила ему на ногу. Крампен взвыл от боли и отпустил ее. Вырвавшись из объятий Крампена, Коринна ударила его по лицу. Он не ожидал столь решительного отпора. Воспользовавшись его замешательством, девушка схватила со стола ножницы и пошла прямо на него, держа ножницы как нож.

— Ты что, с ума сошла?.. — испуганно пробормотал Крампен, пятясь назад.

— Убирайтесь сейчас же и не вздумайте больше приставать ко мне!

Крампен подскочил к двери и, остановившись на пороге, огрызнулся:

— Ты еще пожалеешь об этом, кошка!

Дверь с шумом захлопнулась за ним.

Герхард Венцель не спеша пил красное вино и краем уха слушал новости, которые ему рассказывала мать. Он думал о том, что его занимало уже несколько недель: как бы нажить себе капитал на смерти Хойслера. Венцель вспомнил о разговоре майора Вольнофа с Хойслером. Произошло то, чего он и опасался: операция провалилась и заплатился за это сам Хойслер. В конце концов Венцель пришел к выводу, что поступавшие об этом допесения не соответствовали действительности.

Лорхер заплатил за предупреждение десять тысяч марок. Венцель хотел удивить Хойслера и одновременно взять над ним верх. Вольноф же должен был позаботиться о том, чтобы фирма «Лорхер и Зайдельбах» получила пужные кредиты. И почему, спрашивается, Лорхер не сдержал своего слова и пустил в ход ослепляющее устройство? Почему Хойслер не обратил внимания на предупреждение, висевшее на сейфе? До этого все было вроде бы ясно, но затем началась настоящая неразбериха...

Венцель мысленно уже не раз пытался увязать отдельные детали и факты в одно целое: злоумышленник, пытавшийся похитить изобретение Лорхера, ослеп; с одной стороны, это ужасно, а с другой — вполне логично! Снимки, опубликованные в печати, свидетельствовали о том, что ослепляющая граната существовала на самом деле. Итак, на фирме «Лорхер и Зайдельбах» развернулась напряженная работа. Десять тысяч марок — совсем небольшие деньги по сравнению с тем, что он ожидал получить в будущем.

Венцель решил вновь установить связь с Лорхером, заранее обдумывая, как с ним говорить.

Крампен остановил свой «БМВ» перед домом, вышел из машины и, посмотрев на фасад, ужаснулся. Занавеска, висевшая на громадном окне фотоателье, была полусорвана. Тревожное предчувствие закралось в душу. Лифт почему-то не работал. Крампен с трудом поднялся на шестой этаж.

Входная дверь оказалась взломанной. Услышав какой-то шорох, Крампен вынул пистолет и распахнул дверь в зал.

Застекленные фотографии, висевшие на стенах, были разбиты и разорваны; осколки стекла хрустели под ногами. На полу в крови лежала пристреленная кем-то собака.

— Инна! — крикнул Крампен.

Она вышла с заплаканным лицом.

— Пес как лев бросился на обоих... — сбивчиво начала объяснять она.

Крампен отстранил Инну в сторону и вошел из коридора в фотоателье. Все, разбитое, валялось на полу: фотоаппараты, осветительная аппаратура, блиц-лампы и прочее. Нанесенный ущерб составлял не одну тысячу... Крампен беспомощно опустился на какой-то деревянный ящик, так как все стулья и табуреты были разбиты.

— В дверь позвонили, но я не открывала, — продолжала рассказывать Инна. — Пес как бешеный рвался к двери. Когда дверь начали ломать, я решила позвонить в полицию, однако кто-то из них, видимо, уже успел перерезать телефонный кабель. Когда дверь выломали, сюда ворвались двое мужчин. У одного на ле-

вой руке было намотано пальто... Неро бросился на него, но другой, толстый такой, выстрелил в собаку...

— Что ты делаешь?.. — спросил Крампен, увидев, что Инна укладывает чемодан.

— Уезжаю отсюда! Здесь я больше не останусь! Поеду к своей подруге в Гамбург!..

Крампен огляделся. Сундук, в котором он хранил самое ценное оборудование и фотоаппаратуру, был пуст. У него похитили то, чем он существовал. Гангстеры прихватили с собой все негативы и адреса клиентов. То, что Инну избили, его мало трогало. Он разозлился на нее, когда она потребовала у него деньги как вознаграждение за полученные побои. Однако он отдал ей половину того, что оказалось при нем: всего-навсего шестьсот марок.

Крампен все еще держал в руке пистолет. Со злости он выпустил целый магазин в единственную, чудом уцелевшую фотографию под стеклом, на которой была изображена обнаженная девушка.

— Ты с ума сошел! — испуганно воскликнула Инна.

Он прошелся по комнатам и не нашел ни одной целой вещи; лишь только в холодильнике бандиты не заметили полбутылки виски, которое он тут же выпил.

— Не подумай, что я уйду, нежно пожав тебе руку! — проговорила Инна, держа чемодан в руке. — Дай мне десять тысяч!

— У меня ничего нет! — нервно бросил он.

Она с явным недоверием посмотрела на него:

— Тогда вытяни что-нибудь у своего старика: он же у тебя миллионер!

Заверения Крампена не произвели на Инну должного впечатления. Инна уходила, он слышал ее удаляющиеся шаги...

Несколько секунд он стоял остолбенев, но потом вдруг стремительно направился в туалет. Встав на унитаз, Крампен запустил руку в вентиляционное отверстие и вынул оттуда небольшой сверток. Он слез на пол, но, еще не успев повернуться, услышал за спиной какой-то шорох и почувствовал что-то острое возле шеи.

— Не двигаться, а то проткну! — холодно произнесла Инна.

— Инна, девочка... — В испуге Крампен замолчал.

— Хватит болтать! Нож острый, одно движение — и я проткну тебя, как свинью! Брось деньги!..

Крампен чувствовал, как острие ножа вшивалось в его кожу: Инна явно не шутила. «Нервы у нее не в порядке, — лихорадочно соображал Крампен, — кто знает, на что она сейчас способна!.. Двадцать две тысячи марок — это же мои последние резервы! Как глупо было сразу же бросаться к тайнику! Да, она хороша штучка!..»

— Я считаю до трех — и тебе конец! Раз!..

— Инна, не теряй головы! Мы все поделим!

— Как и до этого, да?! Все или ничего! Я заработала эти деньги! Два!..

— Ты с ума сошла! Подожди!..

Сверток упал на пол и лежал прямо перед ним. Инна разгадала его намерение и приказала сделать шаг в сторону; Крампен, скрипя зубами, выполнил ее требование. Однако острие ножа по-прежнему оставалось на его шее. Инна быстро нагнулась, чтобы поднять деньги. Он только и ждал этого момента: резко повернулся и, крепко сжав руки в кулаки, оказался лицом к лицу перед Инной, которая, держа нож в руке, была готова сделать решающее движение.

Инна сделала шаг назад, к двери. Он сбросил куртку и бросился за ней. Она знала, что он не сдастся. Крампен был по натуре труслив, однако на этот раз дело касалось денег, большой суммы денег, из-за которых он был способен на все. От страха у Инны перехватило горло. «К счастью, он расстрелял весь магазин», — мелькнула у нее мысль, а вслух она выпалила:

— Все равно тебе это не поможет: я всажу тебе нож прямо в брюхо!

— Инна, не сходи с ума! Мы все честно поделим!

Она сделала вид, что раздумывает, а сама лихорадочно соображала, как бы изменить ситуацию в свою пользу.

— Сколько тут денег? — спросила она.

— Двадцать две тысячи, — проговорил он, делая полшага вперед. — Каждому по одиннадцать тысяч! С такими деньгами можно... — И в тот же миг он прыгнул на женщину.

Она, целясь ему в живот, резко подала руку с ножом вперед, но Крампен выбил у нее нож и ногой отшвырнул его в сторону. Почти одновременно с этим он со всей силы ударил Инну кулаком в висок. Она беззвучно повалилась на пол. Крампен вырвал у нее из руки сверток с деньгами и, обезумев от охватившей его ярости, начал бить ее ногами...

Ромер поставил на столик, стоявший у окна, по кружке пива для слесарей, которые монтировали новые машины на фирме «Лорхер и Зайдельбах». Он посмотрел в окно, за которым сеял мелкий дождь. С тех пор как отцвел вереск, сюда не приезжал ни один автобус с экскурсантами. По этой причине Марта решила больше не откладывать свою поездку в Ла-Корунью. Она уехала туда на поезде, не решившись лететь самолетом: боялась полета, да к тому же у нее кружилась голова даже тогда, когда она становилась на стул, чтобы что-нибудь повесить.

Ромер невольно задумался. Жизнь в этом доме текла так спокойно, что порой он сомневался: стоит ли ему жениться, чтобы до конца жизни играть роль гостеприимного хозяина? Иногда его так и тянуло в большой город...

Заплатив за пиво, слесари уехали. Зазвонил телефон. Это был майор Вольноф, от голоса которого Ромеру сразу же стало как-то не по себе: от майора ждать чего-нибудь хорошего не приходилось.

— Четыре часа дня вас устраивает? Тогда встретимся на стоянке у выезда из Шлехендорфа!

Ромер был удивлен тем, что Вольноф на этот раз не приказывал ему, а говорил довольно дружелюбным тоном. И хотя, для того чтобы встретиться с майором, Ромеру нужно было закрыть пивную, он все же согласился.

Повесив в окне табличку «Временно закрыто», Ромер запер дверь. За десять минут до условленного срока он был уже на месте. Вольноф еще не приехал. «Интересно, получу ли я от него обещанное вознаграждение?.. Майор о нем что-то больше не вспоминал...»

Через несколько минут позади него остановился «БМВ», за рулем которого сидел Вольноф. На нем была охотничья куртка, а на голове короткополая шляпа с пером.

— Заприте свою машину и садитесь в мою! — сказал майор.

Они поехали по шоссе, которое пересекало холмистую местность, по обе стороны от него рос густой лес. Проехав километров сорок, Вольноф, не обращая внимания на запрещающий знак, свернул в сторону. Ромер тщетно пытался заговорить с Вольнофом: тот упрямо молчал или же отвечал односложными фразами.

— Куда вы едете? — спросил наконец Ромер. Снова

заморосил дождь, и майору все чаще и чаще приходилось включать «дворники».

— Мы уже приехали! — как-то неопределенно ответил майор и свернул на лесную дорогу, которая скоро сузилась до тропы.

На небольшой поляне, поросшей березками и лиственницами, стояла охотничья хижина.

— Выходите! — предложил майор добродушным тоном.

Про себя Ромер отметил, что Вольноф всегда шел вслед за ним.

На вид хижина выглядела ветхой, три ступеньки вели на веранду. Два окошка были закрыты ставнями. Обитые тесом стены обветшали, зато крыша, судя по всему, была недавно перекрыта. Дверь оказалась заперта на висячий замок.

От холодного ветра Ромера бросило в дрожь. Вольноф отпер дверь, и они вошли в хижину, в которой не было прихожей, а лишь одна большая комната, служившая одновременно и кухней, а более узкая часть ее — спальней.

Над столом висела керосиновая лампа. Вольноф снял с нее стекло и, выкрутив фитиль, чиркнул спичкой. Лампа сильно коптила: видно, ею давно никто не пользовался. Ромер удивился, что Вольноф не открыл ни одного окна. Освещенная светом лампы, хижина казалась какой-то призрачной. Ромер заметил, что предметов и вещей в комнате было довольно мало. Майор, подойдя к двери, запер ее, а ключ положил в карман брюк.

— Что вы надумали?.. — с тревогой спросил Ромер.

— Терпение! — ответил Вольноф, вешая шляпу на рога оленя.

Пауль Ромер почувствовал себя скверно. Он снял шляпу и растерянно вертел ее в руках. Вокруг стола стояли три стула, а у стены — старая софа. Вольноф подошел к узкому кухонному шкафчику, выдвинул один из ящиков и начал что-то искать в нем.

За окнами дождь пошел сильнее, но Ромер почти не слышал его. Как только он увидел в руке Вольнофа пистолет, горло его перехватила спазма.

— Глушитель здесь не потребуются! — спокойно проговорил майор.

«Сейчас он меня уложит на месте...» — решил Ромер, но вслух пролепетал:

— Что вы собираетесь делать?.. Уж не хотите ли вы... меня...

— Терпение! — повторил майор и приказал: — Кругом! Нагнитесь! Руки на стену! Вы, Ромер, не прикидывайтесь новичком!

Пауль уперся ладонями в деревянную стену; Вольноф подошел сзади и вытащил все у него из карманов. Ромер с облегчением вздохнул, решив, что тот, следовательно, вовсе не собирается убивать его. Все вещи Ромера майор положил на стол: расческу, носовой платок, перочинный ножик, сигары, зажигалку и бумажник, предварительно порывшись в нем.

— Что вы еще с собой обычно носите?

— А что я должен еще носить? — ответил Пауль, стараясь скрыть свой испуг.

— Давайте сюда ампулу! — нетерпеливо проговорил Вольноф и, поставив пистолет на предохранитель, спрятал его в карман куртки. — Садитесь и забирайте свой хлам! — приказал он.

Ромер не спеша сел на заскрипевший под ним стул и забрал свои вещички.

Майор вынул из кармана куртки небольшой пакет и положил его на стол.

— Здесь две пачки по пять тысяч марок! — заметил он. — Итого, следовательно, десять тысяч! — С этими словами он подвинул пакет на середину стола, однако руки с него не убрал. Другой рукой он протянул Ромеру готовую расписку, коротко бросив:

— Прошу расписаться в получении!

Ромер недоверчиво посмотрел сначала на майора, затем на расписку, в которой говорилось: «Пауль Гертнер (Ромер) получил как особое вознаграждение десять тысяч марок».

— Ну, расписывайтесь же! Только ставьте обе фамилии! — нетерпеливо потребовал майор.

Пауль не спеша расписался и, протянув Вольнофу расписку, потянулся за деньгами.

— Один момент! — остановил его майор.

Вольноф внимательно посмотрел на расписку и, сложив расписку вдвое, убрал ее в карман.

«Сейчас он меня прикончит! — мелькнуло в голове у Ромера. — Бывали случаи, когда и не за такую сумму отправляли на тот свет! Стоит ли мне умирать за какие-то десять тысяч?! Марта и без того стала хозяйкой виллы на берегу моря в Ла-Корунье! Виллы с восемью комнатами и просторным парком! Правда, мы пока не догово-

рились с ней о том, что же лучше: сохранить гостиницу в Кизебютеле или же виллу в Испании...»

— Мы же договаривались о двадцати тысячах, — робко начал Ромер.

— Вы жадны, как еврей, — ехидно бросил Вольноф. — Вы, видимо, забыли, что виновны в смерти Хойслера? Радуйтесь, что получите половину!

— Что вы сказали? Я виновен?! — возмутился было Ромер, вскочив со своего места.

Майор достал пистолет и, сняв его с предохранителя, положил перед собой на стол, коротко приказав:

— Сидеть!

Ромер обессиленно опустился на стул. «Вольноф делает вид, что смерть Хойслера нанесла ему урон...» Мысли в голове Пауля перепутались. А ведь Вольноф обещал ему за верную службу двадцать тысяч как свободному сотруднику «МАД». Операцию против фирмы «Лорхер и Зайдельбах» майор провел на свой собственный страх и риск, и кого бы он ни винил в провале, это отнюдь не причина, чтобы половину обещанной суммы прикарманить себе. Однако у Ромера не хватало смелости сказать об этом майору.

Вольноф решил переменить тему разговора:

— Скажите-ка мне, Ромер, куда вы дели ту ампулу? Деньги по-прежнему лежали перед майором.

«Может, я отделаюсь только деньгами?» — подумал Ромер. И тут он вспомнил слова Хойслера о Вольнофе: майор всегда старается вовремя избавиться от свидетелей, а ведь он, Ромер, соучастник убийства! А если для Вольнофа это было вовсе не убийство?.. В этом случае отпадает и сам мотив избавиться от соучастников, а это уже возможность выйти из этой хитины живым.

— Я помню, господин Вольноф, вы указывали на опасность того вещества. Это была не моя идея убрать Хойслера, ни в коей мере не моя! Просто это был несчастный случай! Когда я оторвался, было уже поздно!..

Вольноф, словно играя, направил дуло пистолета на Пауля и спросил:

— Так и было на самом деле?

— Точно так! — Ромер с трудом проглотил комок, застрявший в гортани.

— А где же та ампула?

Ромера бросило в жар, но в следующий миг он почувствовал озноб. На лбу выступил пот. Мысленно он

проклинал тот день, когда впервые встретился с Вольнофом.

Он подробно рассказал о том, как он под видом священника Ланге посетил психиатрическое отделение и как из него вышел. Не растерявшись, он мгновенно выдумал вполне правдивую историю:

— Когда я услышал у входа рожок полицейской машины, то сразу решил, что они приехали за мной! Испугавшись, я тут же выбросил ампулу в контейнер для мусора.

— Ампула была пуста?.. — недоверчиво поинтересовался Вольноф.

— Разумеется, пуста! — поспешил подтвердить Ромер.

— Ну ладно, — сразу как-то равнодушно заметил майор, — в таком случае вы будете застрелены просто за измену!

Ромер побледнел, понимая, что весь разговор выглядел теперь всего лишь уверткой к самому главному.

— Вы были единственным человеком, который знал о запланированном! Сколько вам заплатил за измену Лорхер?!

— Если вы мне не верите, тогда нет никакого смысла убеждать вас в моей невиновности!

— Нет, вы сами расскажете мне об этом, Ромер! Здесь самое подходящее место! После вашей смерти у вас в кармане найдут компрометирующий материал и сочтут, что вас, по-видимому, убрал с дороги ваш конкурент; правда, здесь вас не так-то скоро и найдут!

«Нет, он вовсе не шутит, — подумал Ромер. — Правда, кто много говорит, тот обычно не стреляет!.. Во всяком случае, он не должен заметить, что я испуган...»

Стараясь говорить тверже, Ромер заявил:

— Вы, конечно, можете застрелить меня как предателя, и я не смогу вам помешать. Но что вам это даст? Абсолютно ничего! А тем временем настоящий предатель опять будет действовать против вас!

— Кто же это, по-вашему? — Вольноф опустил пистолет и пристально посмотрел на Ромера.

Пауль заставил себя не думать о пистолете, лежащем на столе, дуло которого на сей раз смотрело в стену.

«Я, конечно, смог бы опрокинуть стол и броситься на него, — подумал Ромер, — но Вольноф все равно опередит меня, и тогда мне конец...»

И тут в голову Пауля пришла спасительная мысль.

— Ховельман! — выпалил он.

— Кто?! — Вольноф знал охранников лишь по фотографиям в личном деле и автобиографиям, которые те писали от руки при поступлении на работу.

— Ховельман! — убежденно повторил Ромер. — О нем многие говорят! Он сдавал Хойслеру комнату, а тот спал с его внучкой, что старику очень не нравилось.

Затем Ромер стал рассказывать о том, как родная дочь Ховельмана попала в сумасшедший дом, и старик боялся, что и Гундулу может постигнуть такая же участь.

— И это все?.. — спросил майор. — Как всегда, здесь не обошлось без женщины!

Ромер, почувствовав искру надежды на спасение, так начал расписывать Ховельмана, что тот в глазах Вольнофа превратился в очень подозрительного типа. Ховельман присутствовал при испытании нового, ослепляющего устройства, а потом вроде бы заболел. Он хорошо знал, что Лорхер и его внебрачный сын Крампен в день проведения операции тайком засели в соседней с лабораторией комнате.

— Если бы предателем был я, господин Вольноф, то я бы не удирал! А я поспешил предупредить вас!.. Я как сейчас вижу ту сцену: как Хойслер открыл дверцу сейфа, как распахнулась дверь соседней комнаты... Я видел, как обер-лейтенант Хойслер упал на пол! И как этот мерзкий тип Крампен наклеил на дверцу сейфа объявление!

— Что он наклеил?

— Объявление с предупреждением!

— И он наклеил его только после произошедшего? — Губы Вольнофа вытянулись в узкую полоску.

— Да, я видел это собственными глазами!

— А откуда Ховельман знал, что там должно произойти?

— А как же ему было не знать, если Хойслер часто бил вместе с ним?!

На несколько секунд в хижине установилась тишина, затем Вольноф снова поставил пистолет на предохранитель и убрал его в карман.

— Предателем вы, возможно, и не были, — не очень уверенно заметил майор, — но идиот вы, безусловно, полный! Почему вы раньше не рассказали мне об этом?! —

Резким движением руки он подвинул деньги к Ромеру: — Уберите их!

К машине первым на сей раз шел Вольноф. Неожиданно он остановился и повернулся к Ромеру:

— Видите, какая получилась польза от того, что я так напугал вас!

Ромер усмехнулся; пачки денег, оттягивавшие его карман, казалось, несколько успокоили его.

— Соберите мне приличный компромат на этого Ховельмана! — потребовал майор. — Я проучу предателя! — И он пошел дальше.

Когда Ромер на своей машине вернулся домой, то сразу же заметил перед пивной несколько разъяренных завсегдатаев — любителей поиграть в скат. Загнав машину во двор, он открыл пивную и быстро обслужил картежников. Полученные от майора деньги он положил в сейф: пусть Марта удивится, хоть для нее сейчас десять тысяч — совсем небольшие деньги.

«Неужели Вольноф на самом деле хотел убить меня?» — билась в голове Пауля назойливая мысль.

Чуть позже он загнал машину в гараж, а сам направился в сарай. Между тем стемнело. Ромер включил электричество. «Форд» стоял на своем месте. Марта намеревалась продать его, а вместо него приобрести белый «мерседес» с красными кожаными сиденьями. В ее представлении белый «мерседес» был символом социального взлета: ни у кого в селе не было такой машины.

Прислонив лестницу к краю крыши, он полез наверх. Между двумя поперечными балками был устроен тайник, в котором Ромер хранил ампулу с ядом. Убедившись, что она находится на месте, он спустился вниз.

Четверо картежников около девяти часов вечера заказали три порции жолотца и порцию жареной колбасы. Ромер прошел на кухню, а сам все время думал о том, с каким настроением вернется Марта из Ла-Коруньи. Он даст ей возможность высказаться, а потом начнет торопить ее с отъездом в Испанию. Пожалуй, это будет самая лучшая возможность избавиться от Вольнофа. Вот тогда-то он избавится и от опасной ампулы, которая вряд ли понадобится ему в будущем.

Обслужив заказчиков, Ромер вернулся за стойку. Около пивной вдруг остановился автомобиль. Картежники прервали игру и прислушались. В летнее время сюда по вечерам довольно часто приезжали туристы, но в такое

время года редко кто заглядывал. Однако машина, судя по стихающему шуму, уехала.

Хлопнула входная дверь, и в пивную вошел поздний гость с чемоданом в руке. Ромер внимательно посмотрел на вошедшего и был удивлен тем, что им оказалась женщина, которая, чуть помедлив, подошла к стойке. На ней был плащ-дождевик. Чемодан приезжей, видимо, весил немало: он заметно оттягивал руку. Картежники замолчали, чтобы не пропустить ни слова.

— Добрый вечер, — поздоровалась молодая женщина приятным голосом. — Тетушка Марта дома?

Ромер подошел к женщине.

— Тетушка Марта... — произнес растерянно он и вдруг вспомнил: — Так это вы, выходит...

— Я Нелли, ее племянница! — Она протянула руку, внимательно рассматривая Ромера. Одета она была безупречно. Ее карие глаза лукаво блестели. От ее взгляда Ромер почувствовал себя неловко.

Марта однажды рассказала ему о дочери своей умершей сестры, которую она считала несколько экстравагантной. Разве могла нормальная, здравомыслящая девушка вступить в какую-то левую студенческую организацию и даже войти в ее стачечный комитет?.. Вот, собственно, почему, успешно сдав все экзамены, она так и не получила места учительницы.

— А разве тетушки Марты нет дома? — повторила Нелли свой вопрос.

— Нет, — коротко ответил он.

Нелли была единственной родственницей Марты. И если она приехала надолго — а именно об этом свидетельствовал ее тяжелый чемодан, — то своим присутствием могла в какой-то степени помешать Ромеру.

— Не хотите ли чего-нибудь перекусить с дороги? — спросил он у Нелли так, будто она была просто приезжей.

— Спасибо, нет, — ответила девушка. — Я хотела бы знать, когда тетя Марта вернется обратно?

— Об этом я не имею ни малейшего представления, — пробормотал Ромер. — Она находится в Испании!

— У своего Нойройтера? — И не успел Ромер ничего ответить, как она с ожесточением добавила: — Это лишь один раз доказывает, что на этом свете нет никакой справедливости! Этот тип должен был бы давно умереть от проклятий тех, кого он погубил!

Посетители тем временем расплатились и поспешили разойтись по своим домам, чтобы рассказать своим близким о том, что к Марте Фенске приехала племянница.

9. ДЕСЯТЬ МИНУТ ПЕРВОГО НОЧИ

Освещенные окна яхт-клуба яркими четырехугольниками отражались в темной глади озера. Небольшие волны глухо бились о причал для лодок. Две моторные лодки, затянутые брезентом, лежали на берегу.

За дверьми, выходящими на открытую террасу, мелькали силуэты танцующих пар и доносились приглушенные звуки музыки. Со стороны шоссе на площадке перед зданием клуба стояло несколько легковых автомобилей, среди которых ярким пятном выделялся красный «мерседес» фон Венгена.

В этот вечер в «Посейдоне» отмечали двадцать седьмую годовщину со дня основания клуба. Старший официант Буссе с неприязнью поглядывал на приходящую прислугу, специально нанятую на этот день. Приближалась полночь. Несколько натянутая в начале вечера атмосфера постепенно оживилась: зазвучали громкие голоса, то тут, то там чаще стал слышаться смех. Выражения лиц охмелевших гостей говорили об их хорошем настроении. Буссе был бы доволен, если бы не пепельница, поставленная им на столик перед камином, которая в течение многих недель за ненадобностью стояла в его комнатухе. Буссе уже начал было надеяться, что больше ему не придется выполнять подобных поручений института, занимающегося изучением экономического рынка, как это было в тот раз, когда он организовал подслушивание разговора фон Венгена. Однако за два дня до юбилея яхт-клуба раздался телефонный звонок, и ему снова приказали поставить злополучную пепельницу на такое место, чтобы можно было подслушивать разговоры, которые велись в салоне клуба.

И на этот раз звонил незнакомый мужчина, судя по голосу — лет сорока с небольшим. Буссе решил поставить пепельницу на столик возле камина, вокруг которого стояли удобные кресла с высокими спинками, занятые какими-то важными господами.

Останется ли доволен тайнственный агент, отдавший приказ на подслушивание, который сейчас сидит себе

где-то неподалеку, в радиусе одного километра, и через приемник слушает то, о чем говорится за столом, Буссе, разумеется, не знал. Стройный мужчина лет под семьдесят, биржевой маклер, оживленно беседовал со своим соседом, заведующим пересыльного пункта. Телевизионный оператор и модный писатель, отвернувшись от обоих бизнесменов, увлеченно рассказывали друг другу анекдоты и громко смеялись.

Генерал фон Венген принимал директора Виндиша и его супругу в красной гостиной, где известный артист варьете демонстрировал свои фокусы. Фон Венген со скужающим видом наблюдал за манипуляциями фокусника. Обменявшись с Виндишем многозначительным взглядом, фон Венген встал и направился в бильярдную.

Извинившись перед супругой, Виндиш последовал за отставным генералом. В бильярдной имелся собственный буфет, где фон Венген взял себе коктейль, а Виндиш полакомился бутербродом с икрой. Фон Венгену импонировало, сколь целеустремленно Виндиш делал карьеру. И хотя они принадлежали к разным поколениям, «ВОМА» чем-то связывала их. Фон Венгена подкупало то, что обер-лейтенант запаса смотрел на него как на высокопоставленного начальника.

Виндиш пил шампанское, а фон Венген — свое излюбленное виски. Он знал, что директор был в курсе всех дел фирмы «Лорхер и Зайдельбах». Чем больше проходило времени, тем больше фон Венген досадовал, что ему не дали возможности исправить свою оплошность. Неудача с сейфом сильно задела его самолюбие. Фон Венген видел в Виндише человека будущего и пмменно потому ввел его в «Посейдон».

На директорском этаже, похожем на крепость, все было расписано по минутам, там вряд ли можно было вести непринужденный, заранее не запланированный разговор.

— Мы с вами уже пили за все, — заметил отставной генерал — и за женщин, и за прекрасное искусство, и за здоровье. Так давайте же выпьем сейчас за барашков!

— Так точно, да здравствуют степные барашки!

— Мне кажется, барашки погрузились в летаргический сон, — тихо произнес фон Венген.

— Ни в коем случае, — не согласился с ним Виндиш, — напротив, им строят хлев со всеми удобствами!

— А вы что, заглядывали через забор?

Виндиш покачал головой и, понизив голос, ответил:

— Этого вовсе и не требуется. Скажу вам, господин генерал, если вы интересуетесь математикой, что у меня имеются копии счетов поставщиков Лорхера!

— Прекрасно! — довольно пробормотал фон Венген, вспомнив о своем разговоре с Вольнофом, который призапался, что у него есть магнитофонная запись разговора с полковником Родем. — Меня интересует общая сумма расходов фирмы.

— Около трех миллионов!

Геральд фон Венген тихо свистнул. Больше он уже не сомневался в том, что фонд Вольнофа вполне основательный.

— Я предполагаю, что скоро что-то должно произойти, не так ли?..

Виндиш налил себе еще бокал шампанского.

— Через несколько дней доктор Зайдельбах примет новую лабораторию! — прошептал он, подойдя совсем близко к генералу. — Что вы скажете относительно обмена информацией по операции «Степной барашек»?

— Очень многое, дорогой Виндиш!

— Тогда давайте выпьем за это!

И они чокнулись бокалами.

Моторная лодка плавно покачивалась на волнах, задевая носом о причал. Сегодняшняя операция проводилась по инициативе Венцеля, который во многом полагался на волю счастливого случая.

Печка почему-то не грела, и Венцель мерз в холодной каюте. Хорошо еще, что в термосе у него был горячий грог, который он пил из колпачка маленькими глотками.

«И куда только этот обер-кельнер поставил пепельницу с микрофоном, — рассерженно подумал он, вслушиваясь в раздававшуюся из приемника музыку, которая заглушала все разговоры. Чуть позже послышался звук закрываемой двери, и голоса стали более отчетливыми.

Капитан Венцель склонился над рацией. Он нажал на клавишу «Запись», и катушки магнитофона медленно закрутились. Биржевой маклер распространялся о биржевых спекуляциях, называл номера документов, а за-

тем сообщил курс валюты. После заранее запланированного обманного трюка этот курс должен был резко подняться, а затем столь же стремительно скатиться «в подвал». У Венцеля пересохло во рту, когда он прикинул в уме сумму, которую можно было выиграть на этом. Он даже рассчитал, что будет иметь лично он, если включится в эту игру; было бы глупо упустить такой шанс.

Вскоре биржевые спекулянты, видимо, перешли за другой столик. Новые голоса несли какую-то чушь, и Венцель выключил радио. Разумеется, он не знал, что очень важный разговор происходил в это время в бильярдной, где не было микрофона для подслушивания.

Убрав свою аппаратуру в чемоданчик, Венцель запустил мотор лодки и включил габаритные огни. До причала было минут двадцать ходу. Лодка слегка подрагивала, носом рассекая волны. Светлые четырехугольники окон яхт-клуба становились все меньше и скоро превратились в крошечные светящиеся точки...

В бильярдной неподалеку от буфета стоял какой-то господин в смокинге, держа в руках пустую тарелку и явно не решаясь, что же из деликатесов в нее положить. На самом же деле господин в смокинге очень внимательно наблюдал за разговаривающими по другую сторону бильярда двумя мужчинами.

— Господин генерал, вы знакомы с доктором Шауером? — неожиданно обратился Виндиш к фон Венгену.

— Лично не знаком, — ответил тот.

Шауер был генеральным директором фирмы «Лайсинг-оптик». Это было прекрасно известно фон Венгену, как и то, что между «ВОМА» и Лайсингом не было никаких связей. Фирма «Лайсинг-оптик» являлась полномочным хозяином по выпуску специального стекла.

Доктор Шауер поставил тарелку на стол, взял в руку рюмку с виски и присоединился к генералу и Виндишу. То, что он пил виски, понравилось фон Венгену. После взаимных представлений друг другу Шауер подошел к динамику, из которого лились громкие звуки танцевальной музыки, передаваемой из салона, и убавил звук. Трое мужчин обменялись при этом понимающими взглядами.

Геральд фон Венген сообразил, что его встреча с доктором Шауером отнюдь не является случайной. По-видимому, Виндиш и генеральный директор «Лайсинг-оптик» хорошо знали друг друга и Виндиш заранее обо всем проинформировал Шауера.

Фирма «Лайсинг-оптик», кроме всего прочего, снабжала своей продукцией одного военного советника, бывшего адмирала из штаба объединенного командования в зоне Балтийского моря, поставляя оптику, в которой сильно нуждался флот.

— Что нового о «Степном барашке»? — с улыбкой осведомился Шауер.

Виндиша несколько шокировало столь прямое начало предстоящего разговора.

— Дело в том, что между фирмой «Лорхер и Зайдельбах» и фирмой «Лайсинг-оптик» существуют некоторые деловые связи, — поспешно пояснил Виндиш.

Фон Венген был поражен — он впервые слышал об этом.

Генеральный директор Шауер поправил Виндиша:

— Деловые связи — слишком громко сказано. Все дело в том, что доктор Зайдельбах открыл оригинальный способ холодной обработки стекла... — Шауер говорил о Зайдельбахе с большим уважением: — Старый человек с большими странностями, но, прямо скажем, гениальный! Кто знает, что он еще смог бы придумать, если бы не отдавал столько времени своим кактусам!

— Кактусам? — удивленно переспросил фон Венген. Виндиш усмехнулся:

— Если вы захотите поговорить с ним, то лучше всего начать разговор именно с кактусов! — И, бросив выразительный взгляд на Шауера, продолжал: — Господин доктор Шауер забыл упомянуть о том, что фирма «Лайсинг-оптик» располагает кое-каким опытом...

— Я не согласен, господин Виндиш, все не так-то просто!

С этими словами генеральный директор демонстративно повернулся спиной к Виндишу, сосредоточив все внимание на фон Венгене, который, конечно, понял, что его собеседники заранее все обговорили и, видимо, уже пришли к какому-то соглашению.

— Преимущество холодной обработки стекла заключается в том, что такое стекло способно защитить человеческий глаз от поражения лазерным лучом, — продолжал доктор Шауер.

Генерал потягивал виски, а сам думал о защитном качестве новой оптики.

— А что, если новая оптика обладает способностью защитить человеческое зрение и от ослепляющего оружия Зайдельбаха? — размышлял вслух Шауер.

— Почему вы не поговорили об этом с самим Зайдельбахом? — спросил фон Венген.

— Вопрос вполне логичен, — согласился Шауер, — однако я лично исхожу из того, что фирма «Лорхер и Зайдельбах» в ближайшее время перестанет являться производителем ослепляющего оружия. — На лице генерального директора появилась насмешливая улыбка. — А вы какого мнения придерживаетесь на этот счет, господин генерал?

Фон Венген тоже усмехнулся:

— Да, я тоже так полагаю!

Доктор Шауер заявил, что он хотел бы воспользоваться услугами генерала в качестве военного советника.

— Если федеральное ведомство заинтересуется ослепляющей гранатой, — продолжал Шауер, — то человек, который будет заниматься разработкой этого оружия, должен будет интересоваться и средствами защиты от него!

Фон Венген согласился с такой постановкой вопроса, однако подчеркнул, что говорить о средствах защиты пока что преждевременно, поскольку самого оружия еще не существует. Шауер возразил, что якобы несуществующее оружие уже имеется, более того, оно уже лишило зрения одного человека.

Потом все трое пили кофе; они стояли в углу возле камина словно сообщники, которые обсуждают свой очередной коварный план и боятся, как бы их не подслушали. Но от подслушивания защищал динамик, снова извергающий громкую музыку.

Фон Венген пришел к любопытным выводам: с одной стороны, они его подкупали, а с другой — он никак не мог отделаться от неприятного чувства, что им распоряджались, не получив предварительно его согласия. Инициатором этого подкупа был, вне всякого сомнения, доктор Шауер, глава фирмы «Лайсинг-оптик», который договорился обо всем с боссом «ВОМА» Линдштедтом, а директор Виндиш был при нем лишь простым исполнителем.

Хотя ни доктор Шауер, ни директор Виндиш не называли точных цифр, фон Венген мог представить себе реальный доход от планируемой операции громадного размаха — между пятнадцатью и двадцатью миллионами, которые в равных долях попадали как «ВОМА», так и фирме «Лайсинг-оптик».

Вынимая из своего внутреннего кармана проект договора, директор Виндиш вел себя примерно так же, как и фокусник из варьете, развлекавший гостей клуба.

Этот договор был следующего характера: «ВОМА» через своего военного советника рекомендовала федеральному ведомству по вооружению и технике закупить очки со специальными стеклами, способные защитить от ослепления гранатой Зайдельбаха; изготовитель стекла — фирма «Лайсинг-оптик».

В этот момент в бильярдную вошел Буссе. Он увидел трех господ возле громающего динамика и в душе порадовался тому, что неизвестный ему агент так ничего и не узнает об этом разговоре: он почему-то был убежден в том, что эти господа заняты совсем не анекдотами. Буссе громко кашлянул и объявил:

— Через несколько минут в красной гостиной начнется выступление балета нудисток!

Вечером того же дня старший секретарь по уголовным делам Ройтер (по прозвищу Красавец Эгон) в третий раз попытался встретиться и поговорить с Калле Пильцем, который со своей семьей занимал верхний этаж небольшого загородного дома.

Калле Пильц на этот раз оказался дома: он стоял на лестнице-стремянке и срезал сухие ветки с грушевого дерева. Спустившись на землю, он протянул гостю липкую от древесной смолы руку и спросил:

— Что случилось?

— Мы встретили понимание со стороны тех джентльменов, — сказал Ройтер.

— Ну и что? Если ты хочешь получить фотографии, то это исключено: я все сжег — и негативы, и снимки, и письма, и адреса, короче говоря, все-все! Представь себе, что мои девочки могли их увидеть!..

— Не в этом дело, — перебил его Ройтер, — я приехал совсем не за этим.

— Я тебя не понимаю!

— Как вы отделали его жену!..

— Отделали?.. Просто слегка стукнули, чтобы она не выпарапала нам глаза! И потом...

— Не ври мне! — раздраженно перебил его Ройтер. — Третьи сутки она лежит без сознания в реанимации! К тому же у нее сломана нижняя челюсть!..

Пильц с изумлением уставился на своего бывшего коллегу.

— В реанимации?! Ты серьезно?..

Старший следователь сказал, что он передал это сообщение новому коллеге, как только узнал, что жепщины были нанесены телесные повреждения, опасные для жизни.

— Самое страшное я, разумеется, отвел. Я показал Пиллендзрееру фотографии места происшествия и сказал, что впредь не следует опасаться никакого насилия. Но как только я заикнулся о том, что он должен выступить в суде в качестве свидетеля, он сразу же забрал свое заявление обратно.

— Ну, вот видишь! — с облегчением вздохнул Пильц.

— Что — вот видишь?! — вспыхнул Ройтер. — Этот вопрос остается открытым. Кто же все-таки так бесчеловечно избил женщину?

— Мы этого не делали, черт возьми!

— Ну ладно, как только ее можно будет допрашивать, мы это узнаем у нее. Однако это ничего не меняет в отношении вас. Ведь мы должны будем просить пострадавшую, чтобы она описала, как выглядели люди, которые ворвались в фотоателье. По ее описанию будет составлено два портрета, и вас рано или поздно разоблачат. Или вы замаскировались под кого-нибудь?..

— Зачем же она будет давать показания о нас? Она будет говорить о том, кто так жестоко избил ее! Ведь ей надо, чтобы его наказали!

— Резонно! — согласился Ройтер. — А ты и правда сжег все вещественные доказательства?..

Пильц кивнул.

— Дело дрянь! — проговорил Ройтер и, тяжело вздохнув, встал. — Кое-какие документы могли бы нам помочь...

Из реанимации Инну перевели в одноместную палату. Она уже пришла в сознание, кровяное давление стабилизировалось. Инна повернулась на кровати и, посмотрев на себя в зеркало, висевшее над умывальником, ужаснулась. Ее охватил приступ злобы на Крампена. Как она ненавидела его! И это он какое-то время ей правился!.. Но как давно это было!

Все началось с ее фотографии для обложки одного женского журнала. Специально для этого Крампен ку-

пил ей красивое платье и импозантную шляпку. На той фотографии она выглядела как красавица, сошедшая со старой картины. Так началась ее карьера фотомоделерши, и она, разумеется, сразу же бросила работу продавщицы в универсаме.

Крампен говорил, что весь ее капитал заключается в ее безупречной фигуре. Она позировала ему в модных купальниках и халатиках и скоро стала находить себя на страницах многих каталогов. Постепенно она попала в зависимость от Крампена, даже стала жить у него. Изредка он говорил ей что-то неопределенное о женитьбе. О том, что он ее не любит, Инна поняла только тогда, когда Крампен начал торговать ее фотографиями, на которых она была запечатлена в костюме Евы.

Однако Инне нравился такой образ жизни; Берт превращал ночи в дни, утверждая, что сам он «филин». Ей нравилось просыпаться днем, когда заблагорассудится и уж, разумеется, не от звонка будильника: с детских лет она всегда с большим трудом просыпалась и вставала по утрам из постели. Времена, когда Крампен жил в долг, сменялись периодами, когда она, образно выражаясь, купалась в деньгах.

С помощью торговли порнографическими открытками Берт пытался разбогатеть; но Инне тогда было уже все равно, лишь бы деньги текли в дом.

Однако до больших денег дело так и не дошло. Рынок сбыта контролировала твердая рука. У Крампена оставалась одна возможность: за бесценок сбывать свою продукцию мелким лавочникам. И тогда Инне пришла в голову мысль выжимать деньги из солидных, старых господ. Крампен ухватился за эту идею, и новый гешафт начался.

О том, сколь опасно такое занятие, они узнали тогда, когда в Крампена стреляли; с тех пор он всегда носил при себе пистолет...

В этот момент в палату вошла старшая сестра и сказала, что в клинику все время названивает следователь из полиции, который хотел бы взять у нее показания. Он готов сделать это даже сегодняшней ночью, поскольку времени и так много потеряно.

— Почему? — с трудом спросила Инна.

— Трое суток вы не приходили в сознание, дитя мое! Но теперь кризис уже миновал. Пустить следователя?

— Да, — прошептала Инна.

И сестра тут же впустила в палату старшего следователя по уголовным делам.

— Я понимаю, что вам очень трудно говорить, — начал следователь, — поэтому я буду задавать вам вопросы таким образом, что вам достаточно будет кивнуть головой в знак согласия или же покачать ею в знак отрицания. Было ли это проявлением чьей-то мести?

Инна покачала головой.

— А может, мстили вашему шефу, господину Крампену?

Она пожала плечами, из чего Ройтер сделал вывод, что она, как соучастница, намерена покрывать своего шефа.

— Ворвавшиеся в фотоателье плохо с вами обошлись?

— Они меня просто избили, — прошептала Инна.

— Это побои не от гангстеров?

Она покачала головой. И тут Ройтер узнал о том, что она заспорила с Крампеном о денежном вознаграждении и он так бесчеловечно избил ее. Ройтер понял, что Крампен не собирался давать ей денег, а она решила припугнуть его.

— О какой же сумме шла речь? — спросил Ройтер.

— Пятьдесят тысяч, — тихо проговорила она.

— Он сам похож на гангстеров, которые разгромили фотоателье. Какую цель они преследовали, мы узнаем от самих преступников, когда их поймает. Они рассказывают, кто их на это дело нанял, — объяснил Ройтер Инне, которая старалась не смотреть на него. — Вы знаете, что такое словесный портрет? — Он заметил, что при этих словах она испугалась, но, немного поколебавшись, кивнула. — Вы нам поможете составить словесный портрет преступников?

Она покачала головой и с трудом произнесла:

— Они... были загромождены!

Следователь с сожалением пожал плечами и сказал:

— В таком случае, у нас мало надежды на розыск преступников. — А сам мысленно поздравил Калле Пильца с удачей.

Он покинул больничную палату, унося в портфеле протокол, подписанный Инной. Выйдя в коридор, он посмотрел на часы, которые показывали десять минут первого ночи.

Они сидели в комнате у камина, в котором весело потрескивали дрова, освещая своим пламенем лица со-

бравшихся возле него. На низеньком столике стоял кувшин с красным вином. Коринна и Фред пили вино из керамических кружек, а Зайдельбах — минеральную воду. Он пригласил Коринну и Фреда в свой новый дом, который он купил у вдовы Ерентрайх.

Коринне не пришлось уговаривать Фреда принять приглашение Зайдельбаха. Ей удалось войти в доверие к доктору, и теперь нужно было сделать его союзником в борьбе против Лорхера. Именно поэтому Фред не говорил профессору о том, что он не сможет поехать вместе с ним в Южную Америку.

Старый профессор улыбался и пил минеральную воду с таким видом, будто это было вино. Коринна чувствовала, что Зайдельбах чем-то встревожен. Она замечала, что он иногда изучающе поглядывает на Фреда.

— Три месяца назад вы решили, — невозмутимо начал доктор, обращаясь к Коринне, — стать моей ассистенткой. Я очень рад этому. Моя рукопись находится в типографии, а сейчас мы разрабатываем план нашей экспедиции. Но, как мне кажется, мы недостаточно внимательно к другому аспекту.

Коринна опустила глаза; она все чаще приходила к мысли, что чем глубже она погружается в работу Зайдельбаха, тем больше отдаляется от цели — доказать вину Лорхера в гибели брата. Ей стало казаться, что это не такое уж и неотложное дело, к тому же она опасалась, что могут всплыть такие детали, которые будут не в пользу Дитера. Фред на ее опасения реагировал довольно сдержанно.

Горица допил вино и, повернувшись к Зайдельбаху, сказал:

— Замечу, господин профессор, что я чувствую себя неудачливым исследователем, который вместо розыска нового вида кактусов гоняется за бабочками и мотыльками!

Коринна с удивлением посмотрела на Фреда, доктор тоже смутился и начал протирать стекла очков.

— Создается впечатление, — продолжал Горица, — что я потерял общую цель, но это не совсем так. Я думал, у меня в руках нить и я строго следую за ней... И вдруг оказывается, что я держу в руках запутанный клубок! Что ж, я попытаюсь распутать его!..

Коринна подумала о том, что Фред сейчас постарается объяснить события прошлых недель; Зайдельбах,

видимо, тоже так решил, потому что в знак согласия кивнул Горице.

— Я потратил уйму времени, чтобы выяснить круг знакомых Лорхера, и натолкнулся на Паульсена.

— Правда? На нашего Паульсена? — удивился Зайдельбах. — И что же в нем интересного?

— Он является обладателем самой большой коллекции спичечных этикеток во всей Европе!

Коринна удивленно спросила:

— Спичечных этикеток?

Горица кивнул:

— А разве не вызывает любопытства его переписка со знаменитостями со всего мира?

Зайдельбах угостил своих гостей хорошим французским вином.

— Паульсен не подозревал, что я довольно хорошо понимаю по-испански и разгадаю его трюк. С того момента он оказался у меня в руках и ответил на все мои вопросы.

Коринна не понимала намеков Фреда, Зайдельбах тоже.

— Вы говорите, что Паульсен сделал какой-то трюк? — спросил он.

— Подумайте только! С какой бы это стати пятидесятилетнему мужчине заниматься в забытой богом пустоши коллекционированием этикеток от японских спичек? — Горица усмехнулся. — Он воспользовался фотографией парализованного двенадцатилетнего юноши, передвигающегося на инвалидной коляске, и своей способностью подделывать подписи, написал императору Японии Хирохито письмо, в котором уверял, что коллекционирование спичечных этикеток придало новый смысл его жизни.

Коринна и Зайдельбах переглянулись: они ничего не понимали.

— Секретарь императора послал ему дюжину этикеток, и теперь они занимают самое почетное место в его коллекции! Вы спросите, зачем я вам об этом рассказываю? Да для того, чтобы вы поняли, что я кое-что узнал о внутренних делах фирмы, о которых Паульсен никогда и словом не обмолвился.

— О делах фирмы? — спросил Зайдельбах.

— Да. Например, о том, господин профессор, что ваша часть в сумме общего капитала составляет символически всего лишь пять процентов!

В камине потрескивали горящие дрова, от которых в комнате пахло смолой. Зайдельбах подложил в огонь еще несколько поленьев и задумчиво проговорил:

— Да, я не отрицаю того, что за прошедшие двадцать лет Лорхер выплатил мне бóльшую часть моего компаньонского вклада.

— Вы изобрели стекло такого состава, которое можно обрабатывать холодным способом!

Коринна с недоверием посмотрела на Зайдельбаха:

— Мы беседовали об этом, но вы никогда не говорили о том, что...

— Этой проблемой я больше не занимаюсь.

— Это точно, — пояснил Горица, — ваш опыт прибрала к рукам фирма «Лайсинг-оптик», и, по словам Паульсена, за мизерную сумму! — Фред вызывающе смотрел на ученого. — А она охотно заплатила бы за это сто тысяч, поскольку это открытие сулит ей миллионы!

— Вполне возможно, — как-то бегло заметил Зайдельбах.

Коринна никак не могла понять, как доктор может быть таким спокойным.

— Паульсен мог бы и не называть мне этой суммы, — продолжал Горица, — я узнал бы это и без него: Лорхер положил себе в карман тройную прибыль!

— Это мне известно, — невозмутимо подтвердил Зайдельбах.

— У вас, дорогой доктор, действительно овечье смирение, и терпение тоже!

— Я терпелив и глуп, как овечка, — с ехидной усмешкой проговорил Зайдельбах, но тут же стал серьезным и процитировал: — «Терпенье и долгое мужество стоят больше, чем насилие и злость!»

— Цитата остается цитатой, — возразила Коринна, — часто вы противоречите сами себе.

— Вы совершенно правы, Коринна, — согласился доктор. — Пословицы и поговорки не всегда хороши. Я, как старый почитатель Шиллера, мог бы процитировать и из него...

— Ты что-нибудь понимаешь? — обратилась Коринна к Фреду.

— Нет, — покачал тот головой, — но догадываюсь.

— Не думаю, — возразил Зайдельбах. — Чтобы быть корректным, признаюсь: до сих пор моя месть носила всего лишь пассивный характер!

— Но только до сегодняшнего дня, не так ли? — поинтересовался Горица.

— Нет!

И вдруг Коринну охватило такое чувство, что сейчас что-то произойдет: доктор Зайдельбах никогда еще не казался ей таким целеустремленным. Она поняла, что доктора вовсе не нужно восстанавливать против Лорхера — он уже давно был его врагом.

А Зайдельбах повел себя совсем необычно: вместо минеральной воды он выпил вина. Глаза его заблестели.

— Чтобы быть кратким, скажу: ослепляющая граната является, так сказать, яйцом без зародыша!

Горица поставил бокал на стол.

— Что вы сказали?..

— Что слышали! Не существует никакого ослепляющего оружия а-ля Лорхер, с помощью которого солдат противника можно превратить в беспомощных слепцов! И я очень рад этому!

Горица залпом осушил свой бокал и с такой злостью бросил бутылку в камин, что она разлетелась на мелкие кусочки. Коринна испуганно вскрикнула. Зайдельбах, бледный как полотно, вскочил со своего места, мгновенно опять превратившись в старого, беспомощного ученого.

Коринна прекрасно поняла реакцию Фреда: разрушилась их мечта о будущем, которая зиждилась на открытии Зайдельбахом нового вида оружия. Неужели же смерть Дитера была напрасной?.. Фред уже видел в мечтах миллион на своем счету в Швейцарском банке, а теперь вдруг Зайдельбах утверждает, что новое оружие — это яйцо без зародыша?..

— Я не могу в это поверить, — проговорила Коринна, побледнев, — от чего же тогда ослеп мой брат?

Услышав упрек Коринны, Зайдельбах поспешно объяснил:

— Вся беда была в том, что взрыв произошел в закрытом помещении, и потому действие заряда оказалось более сильным, чем на открытой местности... — Доктор посмотрел на Коринну и Фреда. — А Лорхер был настолько ослеплен своей идеей, что не в состоянии был понять: такое оружие, если бы оно существовало на самом деле, никогда не удалось бы применить на практике!.. Мой компаньон всегда старался отстранить меня от получения экономического выгоды от моих изобретений!.. Вот тогда-то я и решил не разочаровывать его и не вы-

водить из заблуждения относительно «нового вида оружия». Он вложил все свое состояние в создание ослепляющего оружия! — со злорадством закончил Зайдельбах свое признание.

Только теперь до Коринны дошел смысл слов доктора о «пассивной мести».

Вытерев вспотевший лоб, Зайдельбах продолжал:

— Страдания, которые я вам причинил, Коринна, сам того не желая, я никогда не смогу искупить. Но я очень хочу хоть в какой-то степени утешить вас... Я намерен завещать вам все, что у меня есть! Родных и близких у меня все равно нет, разве что фрау Кутчера, моя эконожка, которая кое-что получит по завещанию.

Коринна покраснела.

— Лорхер и Крампен знали, что сейф будет вскрыт, — убежденно сказал профессор, прислонившись к камину. — Меня же они подложной телеграммой вызвали во Франкфурт, да вы об этом и сами знаете...

— А кто сообщил Лорхеру о готовящейся операции по ограблению сейфа? — спросил Горица.

Зайдельбах пожал плечами:

— Тогда я узнал только то, что осведомителю заплатят приличную сумму, а позже Лорхер назвал мне ее: десять тысяч марок было выплачено агенту «МАД»!

Горица от удивления тихо свистнул и спросил фамилию агента.

— Этого я не знаю, — ответил ему доктор, — по Крампен знает.

— Факт остается фактом: мой брат действовал по приказу, — сказала Коринна. — И по этому приказу он должен был похитить из сейфа документацию на ваше изобретение! Какой же вы добрый, если не перенесли на меня свой гнев, более того...

— Прошу вас, перестаньте! — нервно перебил ее Зайдельбах. — Ваш брат никоим образом не мог похитить моего изобретения!

— Как это — не мог?! — воскликнул Горица, который все еще не понимал, что открытие доктора ничего не стоит.

— Бумаги, лежавшие в сейфе, самая простая макулатура! — пояснил Зайдельбах с таким видом, будто был виноват в том, что обманул вора.

— Макулатура?.. — недоверчиво переспросила Коринна.

— Сейчас вы все поймете, — заверил Зайдельбах. —

Получив горький, но наглядный урок после изобретения мною нового вида стекла, я уже не верил больше Лорхеру. Оригинальные материалы я заснял на микропленку, которая была не больше батареек, какие обычно вставляются в наручные кварцевые часы.

— Выходит, что бумаги, лежавшие в сейфе, не имели никакой ценности? — спросил Горица.

— Вот именно! — кивнул Зайдельбах.

Коринну охватило чувство безмерной тоски: значит, смерть Дитера была совершенно бессмысленной...

— И где же находится ваша микропленка? — спросил Горица. — В лаборатории или здесь? — И он огляделся кругом, словно ища тайник.

— В надежном месте, — лаконично ответил ученый.

— Вы нам не доверяете? — не отступался Горица.

Коринна не понимала поведения доктора Зайдельбаха. Если профессор знает, что его изобретение никогда не даст желаемого для Лорхера эффекта, тогда почему, спрашивается, он ведет себя так, будто изобретение все же обладает таким эффектом?

По лицу доктора разлился румянец.

— С доверием нужно обращаться осторожно, — тихо проговорил Зайдельбах, словно оправдываясь. — Я на этом уже споткнулся однажды... Но вы абсолютно правы: при недоверии нужно быть еще более осторожным! Пойдемте со мной!

Зайдельбах вышел в коридор, Коринна и Фред молча последовали за ним. Конец коридора был слабо освещен. С потолка кое-где свисала паутина. Зайдельбах остановился перед дверью и, вынув какой-то замысловатый ключ, открыл ее.

Помещение, в которое они вошли, составляло примерно половину старой лаборатории и казалось пустым. Пол был засыпан соломой.

— Вот здесь я оборудую себе лабораторию, — пояснил профессор и одной ногой сгреб солому в сторону. На полу обозначилась крышка люка. — Никто не знает, какие сокровища здесь хранятся... Замок я сам смастерил.

Зайдельбах наклонился и повернул ключ. Горица поднял тяжелую дверцу люка, под которым находилась узкая камера; в ней был только плоский деревянный ящик. Доктор спустился в камеру, открыл ящик и выжидающе посмотрел вверх.

Коринна и Фред уставились на содержимое ящика, в котором лежали одиннадцать коричневых шаров, похо-

жих на страусиное яйцо. Каждое из них имело красный «поясок» и кольцо с тупой стороны.

— Имеются двадцать таких зарядов, — пояснил профессор, — но Лорхер знает только о четырнадцати. Восемь были использованы на испытаниях, а из остальных двенадцати только один... — Он замолчал, не договорив фразы до конца.

— Шесть штук лежали в сейфе? — спросил Горица.

— Да. После несчастного случая я заменил оставшиеся пять штук. В сейфе лежат муляжи из гипса!

— Паульсен сказал мне, что вы могли открывать сейф только вместе с Лорхером, и у каждого из вас имелся свой ключ...

Зайдельбах махнул рукой:

— Несколько лет назад Лорхер тайно от меня заказал себе дубликат моего ключа. Слесарь, изготовивший ему ключ, рассказал мне об этом — тот же самый слесарь в свое время делал ключи для меня. Помимо этого, имелся еще один ключ, которым воспользовался Хойслер.

— Выходит, что ваш сейф был похож на проходной двор, — пошутил Горица.

— Ослепляющие заряды мы уничтожим! — с уверенностью заявил профессор.

— Это было бы глупо, — не согласился с ним Горица. — Дитер Хойслер был моим другом, и его смерть не должна быть напрасной!

И тут доктор Зайдельбах сказал о том, что человеческую жизнь нельзя оценивать деньгами.

— Подумайте о Гундуле Ховельман: она же находится в положении, — просительно проговорила Коринна.

Горица предложил доктору продать ослепляющее оружие, пусть даже не до конца разработанное. В этот момент он думал о Хонигмане.

Зайдельбах закрыл ящик и вылез наверх. Вдруг он с беспокойством посмотрел на свои часы, которые почему-то остановились. Доктор испуганно спросил, который час: до полночи оставалось три минуты.

— Еще тринадцать минут!.. — вздохнул он; Зайдельбах не ответил на вопрос Горицы о том, что он имеет в виду.

Все трое вернулись в комнату с камином. Каждый думал о своем. Горица думал о том, какую выгоду все-таки можно было бы извлечь из создавшейся ситуации.

Заполучить микро пленку казалось ему нереальным, если только Коринне удастся вывести у доктора эту тайну.

Зайдельбах, казалось, угадал мысли Фреда и сказал:

— За прототипы без документации вряд ли получишь даже на выпивку! Любой средний химик установит, что это оружие имеет очень ограниченное действие!

Коринна и Фред изумленно переглянулись. Они не сомневались в том, что Зайдельбах сказал им правду, однако вместе с этим чувствовали, что старый профессор умалчивает о чем-то очень важном.

— Сколько времени? — снова спросил доктор.

— Четыре минуты первого, — ответила Коринна.

— Наполним наши бокалы, — как-то торжественно произнес Зайдельбах, — и через шесть минут чокнемся! Есть люди, которые должны быть мужественными, — у них просто нет другого выхода. Правда, я не принадлежу к их числу... Лорхера я не боялся, а вот Крампена боюсь!

— Крампен — хвастун, — презрительно сказала Коринна, — а вообще-то, он трус!

— У Шиллера есть выражение, что страх окрыляет спешащего. Один раз в жизни я захотел быть смелым, но это мне не удалось! А сейчас я боюсь даже собственного куража.

Зайдельбах принес еще бутылку вина и наполнил бокалы, руки его дрожали.

— Я предлагаю вам одну сделку, господин Горица!

— Одну сделку?!

— Да, сделку, которую вчера предложить кое-кому я просто испугался. Это был доктор Шауер, генеральный директор фирмы «Лайсинг-оптик». Так вот он хотел знать, способно ли мое новое стекло защитить от поражения лазерным лучом, абсорбируя ослепляющий эффект. Можете надо мной смеяться, но я ему не сказал, что эту проблему я уже решил: в стекло нужно только добавить специальную кристаллическую субстанцию, во всяком случае, необходим необычный катализатор. Собственно, в этом и заключается весь секрет! То, что я господам из Кобленца, прибывшим на испытания со степными барашками, выдавал за защитную фольгу, и было этим самым стеклом!

— Черт возьми! — громко выругался Горица.

— И в чем же будет состоять ваша сделка? — поинтересовалась Коринна.

— Продайте это стекло, — обратился Зайдельбах к

Фреду, — и каждый из нас получит по двадцать пять процентов: вы, Гундула Ховельман, Коринна и я! Сколько сейчас времени?

— Восемь минут первого, — ответила Коринна, которая уже перестала удивляться причудам ученого.

— И что вы за это потребуете от меня? — спросил Горица.

— Ваше мужество! Я покупаю ваше мужество!

Коринна и Фред снова растерянно переглянулись.

— Вы меня не понимаете?.. — Зайдельбах смущенно улыбнулся. — Вы должны похитить бутафорию и мнимую документацию из сейфа, с тем чтобы Лорхер и Крампен никогда не узнали, что я их провел на этом.

Секундная стрелка часов Коринны уже отсчитывала десятую минуту нового дня. Доктор поднял свой бокал, гости последовали его примеру.

— Время истекает! — объявил Зайдельбах. — Ровно в десять минут первого будет достигнут предел!.. Так давайте же выпьем за решение одной проблемы!

Они чокнулись. Стрелки на часах Коринны показывали десять минут первого.

Туман полз по земле. Это была одна из тех почей, когда нельзя было разглядеть даже собственную вытянутую вперед руку. Какой-то ночной зверек пробежал мимо Ховельмана. Световой круг, падающий на землю от фонарика Ховельмана, колебался в такт его шагов.

Вахтер заппнулся за ветку, сорванную с дерева осенней бурей, и тихо выругался. В уголке рта он зажал незажженную трубку. Хотелось спать. Тяжело вздохнув, Ховельман вспомнил о Хойслере, при котором ему иногда удавалось несколько часов поспать даже на дежурстве: тот сам любил обходить посты. При Ромере же об этом нельзя было и мечтать.

Стоило только старику подумать об этом, как он сразу же почувствовал себя как-то неловко, невольно вспомнив о том, что Ромер в последнее время ведет себя как-то необычно и странно: с недоверием поглядывает на него, словно собирается отчитать его за какое-нибудь упущение по службе. Ховельман даже перестал тайно курить свою трубку на дежурстве.

Как только он вошел в старое здание, в нос ему ударил знакомый запах лаборатории. Часы находились в коридоре. С тех пор как Зайдельбах купил в селении до-

мик у вдовы и поселился в нем, Ховельман стал чувствовать себя здесь как-то отчужденно.

«Ничто непостоянно в этом мире, — подумал он, — и каждое изменение вызывает у меня раздражение...» В прошлый раз это длилось довольно долго, пока он наконец не привык к новому постояльцу — Хойслеру. Еще больше времени ушло на то, чтобы он свыкся с мыслью, что тот станет мужем Гундулы. Но теперь Хойслера нет больше на свете, и старику хотелось, чтобы внучка не переживала так тяжело эту утрату. Ховельман никак не мог избавиться от чувства отвращения по отношению к Хойслеру, ведь тот, как он считал, посягнул на зарплату рабочих!

В комнате Хойслера теперь поселилась Коринна — сестра убитого, которая как могла старалась утешить Гундулу. Ховельману не нравилось только то, что она жила под ложной фамилией Крамер.

Войдя в лабораторию, Ховельман включил свет. Стеллажи на среднем окне были пусты — кактусы уже перенесли на новое место.

В углу по-прежнему стоял пресловутый сейф. Теперь, после случившегося, Ховельман не мог смотреть без ненависти и отвращения на это стальное чудовище. После подключения сигнализации к сейфу невозможно стало даже приблизиться: звуки сирены были бы слышны в самом селении и оповестили бы об этом и пожарную команду.

Большая стрелка стенных часов показывала восемь минут первого ночи. Ховельман выключил свет и вышел из лаборатории. Двух минут ему хватило для того, чтобы спуститься вниз по лестнице.

Он направился к новому складу, но вдруг застыл на месте: в здании новой лаборатории блеснула кроваво-красная молния и вслед за этим раздался сильный взрыв. Взрывная волна рванула Ховельмана, словно сильнейший порыв ветра.

Дорожный будильник показывал несколько минут первого ночи. Крампен, не вставая с постели, нащупал бутылку с коньяком.

Комнаты, которые сдавала гостям Марта Фенске, не блистали особым комфортом. Однако гостей из города, приезжавших сюда всего лишь на несколько дней, вполне устраивала эта деревенская простота. Крампен вы-

пил половину неполной бутылки, но сон все не приходил. Отец не принес Крампену счастья, более того, с тех пор как они сблизились, дела у Крампена пошли очень скверно. Только к инциденту с Инной Лорхер не имел никакого отношения. Крампен долго сожалел о том, что он так поступил с Инной. Еще немного — и он мог бы очутиться за это в тюрьме, а адвокат потребовал от него пятидесятитысячный гонорар.

Крампен бросил взгляд на будильник: было десять минут первого. Он погасил свет и, лениво зевнув, повернулся на другой бок.

Уже засыпая, он вдруг услышал телефонный звонок, доносившийся снизу. Потом громко хлопнула дверь и слышались торопливые шаги на лестнице.

— Господин Крампен, проснитесь! — послышался голос Ромера. — Только что звонил господин Лорхер — у него там что-то взорвалось!

Крампен вскочил с кровати. Перед ним стоял бледный Ромер.

— Этого только не хватало! — в сердцах бросил Крампен, понимая, что любой ущерб, нанесенный Лорхеру, отзовется и на нем.

— Вы должны забрать с собой доктора Зайдельбаха! — сообщил Ромер и сломя голову помчался вниз.

Пока Крампен одевался, Ромер на своей машине уже выезжал из ворот.

Через несколько минут Крампен остановил свой «БМВ» перед домом вдовы Ерентрайх, в окнах которого горел свет.

Электрический звонок не работал, и Крампен с силой забарабанил в дверь кулаками. Ему открыла ассистентка доктора Зайдельбаха.

— На фабрике взрыв! Немедленно сообщите об этом доктору! Он должен поехать со мной!

— Мне очень жаль, — проговорила Коринна без тени удивления, — но я не думаю, чтобы доктор...

— Да скажите же вы ему, что произошло, черт бы вас побрал! — перебил он девушку и, оттолкнув ее в сторону, вошел в коридор. Дверь, которая вела в каминную комнату, была чуть приоткрыта. Крампен распахнул ее и от неожиданности замер на пороге: Зайдельбах был не один, напротив него сидел мужчина, которого Крампен много раз видел в селении. Мужчина был атлетического телосложения, с энергичным подбородком. А однажды Крампен видел его возле Коринны Крамер.

На каминном столике стоял керамический сосуд для вина и такие же кружки.

Гость доктора, увидев Крампена, быстро поднялся с места и подошел к нему, а Коринна быстро заперла дверь на ключ. Крампен понялся.

— Черт возьми! — воскликнул он. — Неужели вы ничего не понимаете?! На фабрике взрыв!

— Это, конечно, ужасно! — прошептал доктор Зайдельбах. — Я сейчас еду.

Коринна собралась было сопровождать профессора, но тот жестом остановил ее и, повернувшись к Крампену, сказал:

— Поехали! Адольф подождет меня!

10. ТУРБУЛЕНТНЫЕ ВИХРИ

Холодный ветер бил дождевыми потоками по кирпичным стенам здания. От взрыва все окна разлетелись вдребезги, засыпав осколками стекла росший неподалеку кустарник. Новая лаборатория представляла собой жалкую картину: пол был усыпан обломками металла, какими-то хромированными деталями, кусками трубок от осциллографов; многочисленные провода измерительных приборов страшно перепутались; новый рентгеновский аппарат валялся в куче щебня.

Эксперты пожарной охраны и страхового агентства, осмотрев здание, пришли к выводу, что пока еще рано говорить о причине взрыва. Эксперты земельной полиции констатировали, что взрыв был довольно сильным.

Доктор Зайдельбах подготовил пробный запуск некоторых приборов. Он вполне допускал, что взрыв мог произойти от утечки горючего газа с последующим его самовозгоранием. Эксперты, однако, не исключали и возможности саботажа или же диверсии.

Зайдельбах, сгорбившись, сидел на табурете, лицо его было бледным.

— Все! Конеч! С этим конец!..

Лорхер прислонился к лабораторному столу из бетона: воротник пальто поднят, шляпа сдвинута на затылок, в зубах незажженная сигара.

— Ты несешь чепуху, Герберт!

— Каков ущерб, по предварительным данным? — поинтересовался представитель страхового бюро.

— В добрые полмиллиона, — ответил Лорхер, — а то и больше!

Он был готов вступить в спор с каждым присутствующим, что объяснялось его ужасным состоянием.

Лорхер набросился на Ромера, обвинив его в преступной небрежности и легкомыслии. Ромер же пытался всю вину свалить на Ховельмана, который, как выяснилось, в момент взрыва находился в старой лаборатории. Ромер тут же отправился к Ховельману, чтобы все выяснить. Их разговор состоялся в старом бараке.

Старик сидел напротив Ромера, который тотчас же перешел с обычного, дружеского «ты» на холодное, официальное «вы».

— Я жду от вас объяснения, коллега Ховельман, — начал он. — Скажите, с какой целью вы нажали на контрольные часы по приходе в старую лабораторию на две минуты позже?

Вахтер пожал плечами:

— На одну-две минуты мы никогда не обращаем внимания... Мои собственные часы редко идут правильно, а фирма нас часами не обеспечивает.

— Так, все ясно! Но поскольку не исключен случай саботажа или диверсии, — продолжал Ромер, — придется известить о случившемся помимо полиции еще одну инстанцию, которая отвечает за военную сторону инцидента. — Ромер нервно побарабанил пальцами по столу. — А там обязательно заинтересуются, почему вахтер прибыл в лабораторию на две минуты позже положенного срока?.. Не потому ли, что было бы гораздо опаснее находиться двумя минутами раньше поблизости от места взрыва?.. А так — полная безопасность! — Ромер выжидающе смотрел на Ховельмана.

Старик поднялся и посмотрел на Ромера сверху вниз:

— Что вы хотите этим сказать?

Ромер, словно защищаясь, поднял обе руки.

— Абсолютно ничего! Но вы должны быть готовы ответить на подобные вопросы! Не устраивайте тут спектакля и садьте! — возбужденно проговорил Ромер.

Вахтер обессиленно плюхнулся на стул.

— Вы хотите мне что-то приписать!.. Я давно заметил, что вы придираетесь ко мне! Что вы имеете против меня?

Лицо Ромера приняло выражение холодной надменности:

— Если здесь кто-то имеет право спрашивать, так это я!

Ховельман решительно встал:

— Моя смена закончилась четыре часа назад! Я не позволю придирааться ко мне! Полиция все занесла в протокол!

— Мы с вами еще не закончили разговора! — настаивал на своем Ромер.

— Я уже закончил! — отрезал Хевельман и вышел из барака.

Ромер растерянно уставился на дверь, за которой скрылся старый вахтер.

Секретарша сообщила, что генеральный директор освобождился. Виндиш бросил последний взгляд на свои записи, чтобы быть готовым ответить на любой вопрос, и вышел из бюро.

В приемной он натолкнулся на телохранителя. Виндиш считал такие меры предосторожности излишними; какой смысл превращать директорский этаж в крепость, когда нападение на шефа может произойти и на улице?

Линдштедт сидел за письменным столом. Он молча показал на стул для посетителей, что свидетельствовало о том, что разговор будет коротким и сугубо деловым.

— Вы сказали, что у вас ко мне неотложное дело? — А когда Виндиш кивнул в ответ, директор продолжал: — Попрошу вас быть кратким: я ожидаю гостей!

— Прошлой ночью на фирме «Лорхер и Зайдельбах» произошел взрыв! Новал лаборатория, которая должна была вот-вот вступить в строй, полностью разрушена!

Генеральный директор никак не прореагировал на это сообщение — он уже обо всем знал. Лишь слегка подняв правую бровь, Линдштедт спросил:

— Известны какие-нибудь детали?

— Предполагают, что это была диверсия! Судя по всему, кто-то очень заинтересован в том, чтобы помешать дальнейшим работам по созданию ослепляющего оружия!

— С какой целью? Ваше мнение!

Оба они высказали несколько аргументов и контраргументов, а затем сошлись на варианте, что тут, видимо, не обошлось без вмешательства сильного конкурента.

— Что вы предлагаете, господин Виндиш?

— Сменить тактику!

— А конкретнее? — Линдштедт ждал.

Виндиш изложил свое предложение.

— Идти и дальше я считаю очень рискованным. Мы должны предупредить неизвестного нам противника!

— Согласен, по каким образом?

Виндиш уже давно вынашивал идею уговорить генерального директора на подключение какой-нибудь частной фирмы к операции «Степной барашек». Сейчас, как ему казалось, этот момент настал.

— А конкурент и в будущем вряд ли станет стесняться в выборе средств.

— Говорите яснее, господин Виндиш!

— До сих пор наша спецслужба не разочаровывала нас; я убежден в том, что она прекрасно справится с задачей обеспечить создание ослепляющего оружия! — Виндиш выжидающе посмотрел на генерального директора.

— Очень жаль, — начал с усмешкой Линдштедт, — что Лорхеру не дают возможности в спокойной обстановке закончить доработку нового оружия. Вы разделяете мнение господина фон Венгена о том, что до выпуска оружия необходимо устранить кое-какие недостатки?

— Вполне разделяю! Точно такого же мнения придерживаются и господа из федерального ведомства из Кобленца. Полковник Роль по этому вопросу лично докладывал министру!

— Любопытно! А вы не видите каких-либо осложнений?

— К сожалению, вижу. Спецслужба для нас дороже, а трудности у нас могут быть двойные. Господин Бройер сам замешан в сделке...

— Я понимаю, — перебил его Линдштедт, — мы вряд ли сможем помешать снять копии с документации, прежде чем они попадут к нам в руки, но это все же лучше, чем вообще их никогда не получить. Какие имеются пожелания?

— Чтобы «МАД» занималась своими обязанностями и подстегивало спецслужбу!

— Вот вы их и скоординируете! И не спрашивайте меня, каким образом; пусть они сами как следует подумают! Подключите к делу генерала, у которого «МАД» находится в кармане.

— Разумеется, господин генеральный директор!

— Я дам понять господину фон Венгену, что во всех делах, имеющих отношение к фирме «Лорхер и Зайдельбах», он будет действовать согласно вашим указаниям!

Директор Випдиш был польщен столь высоким доверием.

Поезд опаздывал на полчаса. Ромер нервно расхаживал взад и вперед по перрону. Наблюдая за оживлением, царившим в здании вокзала, он чувствовал, как ему не хватает живой городской жизни! На нем был модный костюм и кожаное пальто — он не хотел выглядеть сельским жителем.

И вот поезд наконец прибыл. Марта уже стояла в дверях вагона и легко спрыгнула на перрон. За десять дней, которые она провела на юге Испании, она сильно загорела. На ней был новый плащ и модная шляпка. Глаза ее радостно заблестели, когда она увидела Пауля. Он обнял ее и расцеловал.

— Ах, милый Пауль, как я рада, что снова оказалась дома! — сказала она. — Если бы ты только знал, как мне тебя не хватало! — Она внимательно посмотрела на него. — Ты плохо себя чувствуешь?.. Ты очень бледный...

— Нет, дорогая Марта, все нормально, просто я всю ночь не спал.

И он рассказал ей о взрыве на фирме «Лорхер и Зайдельбах».

Марта испугалась:

— Взрыв на фирме?! А наше селение?..

— Не беспокойся, разрушена лишь новая лаборатория, — успокоил он ее.

Они вышли с вокзала и направились к стоянке, где была их машина. Марте не терпелось поскорее доехать до дома.

— Ну а теперь рассказывай ты, Марта! Мне очень интересно!

— Мне тоже, — заверила она и начала свой рассказ.

Вилла оказалась намного лучше и красивей, чем она ожидала. Из сада открывался превосходный вид на Атлантику. Правда, парк несколько одичал и зарос, но, быть может, именно это и делало его особенно прекрасным. Марта рассказывала, как ребенок, который впервые в жизни совершил интересное путешествие.

От города до шоссе машину вел Ромер, а затем он передал управление Марте, а сам уселся рядом.

— Как там ни прекрасно, — сказала Марта, — но долго жить там я вряд ли смогла бы.

— Неужели? — разочарованно спросил Пауль.

— Я бы всегда тосковала по нашему Кизебютелю! — с неподдельным пафосом воскликнула Марта. — Ты что такой грустный?

— Немного, — признался он. — Ну и что же ты успела сделать?

Она знала, что Пауля интересуют только серьезные дела.

— По банковским делам пришлось понести известные издержки, — со вздохом сказала она. — На налоги с наследства ушла уйма денег. Бывший гауптштурмфюрер СС оставил после себя коллекцию картин и статуэток, преимущественно на библейскую тематику. Кое-что из этого даже продать невозможно. — Затем Марта стала раехваливать услужливость адвокатов в Ла-Корунье. — Один пожилой сеньор, служивший в свое время в «голубой дивизии», посоветовал мне кое-какие вещи вообще никому не показывать...

— Потому что Нойройтер похитил их в Польше, — пояснил ей Пауль не без сарказма.

— В Югославии, — поправила Марта, — и не похитил, а захватил в качестве военных трофеев! Всю виллу содержит в порядке одна супружеская пара — садовник и его жена. Они оба уже старики и очень обрадовались, что могут остаться на вилле и в будущем. — С этими словами Марта взялась за руль. — Мы купим «мерседес» и поедем на нем в Ла-Корунью, хорошо?

Пошел дождь. Марта включила «дворники» и снова обратилась к Ромеру:

— Ты ведь поедешь со мной?

Ромер наморщил лоб:

— Мы говорим, говорим, но все не о том... Приехала твоя племянница Нелли!

— Нелли?! — Марта от удивления даже выпустила из рук руль, но Пауль вовремя успел ухватиться за него. — Когда она приехала?

— Позавчера.

Марта остановилась на ближайшей площадке для стоянки машин, где стояло всего несколько легковушек.

— Ну и хорош же ты! Приехала Нелли, а он молчит. Как она выглядит?

— Довольно солидно. Да, я должен тебе сказать, ина-

че я не подпустил бы ее к кассе... — Он внезапно замолчал.

— Ну, она ничего не возьмет! Но она хоть сказала, зачем приехала?

— Зачем приехала?.. — неуверенно повторил он.

Марта снова тронулась в путь, но слишком быстро отпустила педаль сцепления, отчего машина тронулась с места рывком.

— Да, зачем? — переспросила Марта. — Нелли ничего не делает бесцельно. Если она приехала без предупреждения, значит, что-то случилось!

— Крампен так и ходит за ней по пятам, хотя Нелли и не обращает на него внимания. Однако они живут под одной крышей, всякое может случиться!.. К тому же Кизебютель — всего лишь небольшое селение, где все про всех известно. Трудно поверить, чтобы у Крампена были серьезные намерения...

— Кто знает, милый Паульхен, что о нас с тобой говорят. Господин Крампен хорошо знает, что ты спишь не в своей комнате. Мы с тобой тоже не ангелы!

— Ты, конечно, права, — согласился он.

— А не пожениться ли нам и не поехать ли в свадебное путешествие в Ла-Корунью? Или ты этого не хочешь?

— Я готов поехать с тобой в Испанию как можно скорее и даже навсегда!

Марта даже вздрогнула от этих слов.

И тут Пауль признался ей в том, что прошлой ночью он ездил не только на фабрику, хотя и пахотился под наблюдением. Теперь он опасается, что его заподозрят в том, что он имеет отношение к этой диверсии.

— Поживем несколько месяцев в Испании, а здесь тем временем забудут об этой истории...

Остаток пути они говорили мало.

В пивной на этот раз было немало посетителей. Марта сразу же заметила молодых парней, которые обычно появлялись здесь лишь в конце недели, чтобы поиграть в карты.

Нелли стояла за стойкой и наливала пиво. Она поздоровалась с тетужкой так, как будто совсем недавно видела ее, — небрежно чмокнула в щеку.

— Очень мило, что ты помогаешь, — проговорила Марта, но почему-то без особой радости.

Ромер тем временем заводил машину в гараж и потому не видел холодной встречи тети с племянницей.

Одномоторный самолет описал круг над аэродромом и, получив указание авиадиспетчера, сделал заход на посадку.

Когда самолет остановился, из кабины вылез Бенно Хонигман. В лицо ему ударил холодный ветер, и Бенно поднял воротник пальто. Весь его багаж состоял из маленького «дипломата». На стоянке его ожидало такси. Хонигман поздоровался с водителем как со старым знакомым, а спустя полчаса черный «мерседес» подвез его к высотному офису в городе-спутнике.

— Я здесь пробуду не очень долго, господин Бекер, — пояснил он водителю, — а затем мы поедem в Люнебургскую пустошь!

— Как вам будет угодно, — ответил шофер.

Горица ожидал гостя у лифта. Хонигман оставил пальто и шляпу в гардеробе, а «дипломат» забрал с собой. Как только он вошел в комнату, то сразу же почувствовал запах жареной отбивной и аромат кофе.

— Полет был приятным, Бенно?

— От Парижа до Франкфурта я летел в таком самолете, в котором забываешь о скверной погоде, а вот пересев в маленькую «птичку», пришлось столкнуться со многими неудобствами, — ответил Хонигман. — По телефону вы сказали, что на фирме «Лорхер и Зайдельбах» черт знает что произошло!

— Да, это так, — подтвердил Горица и сообщил о том, что взрывом новой лаборатории был нанесен большой ущерб. Официальное расследование закончено, однако конечного результата, к которому пришли эксперты, он пока не знает.

— Вопрос вот в чем: это несчастный случай или диверсия?

— Я лично склонен думать, что это диверсия, — сказал Горица. — Но кто ее инициатор? Вот в чем вопрос.

— По-видимому, те же самые лица, которым не удалось выкрасть документацию из сейфа ранее, так я полагаю!

— Я только одного никак не могу понять, — как бы думая вслух, продолжал Горица, хотя на самом деле все прекрасно понимал, — разрушить лабораторию — это еще не значит взять реванш за неудачную операцию, не так ли?

— Это я могу объяснить, — заметил Хонигман, намазывая кусок белого хлеба апельсиновым джемом. —

Этот акт направлен не против доктора Зайдельбаха, а против всей фирмы!

— Я вас что-то не понимаю, Бенно!

— Лорхер будет уничтожен, — уверенно сказал гость. — Я бы и без вашего вызова приехал, так как нам стало известно о том, что кредиты Лорхера были сторпированы.

Горица даже присвистнул — для него это было новостью. Хонигман, даже находясь в Тель-Авиве, внимательно следил за событиями.

— И вы знаете, кто за этим стоит?

— Концерн «ВОМА»!

Однако Фреду Горице хотелось знать, как далеко тянутся нити израильской секретной службы. И это было не в последнюю очередь заслугой таких сотрудников, каким являлся сам Бенно Хонигман, весь талант которого заключался в том, чтобы находить талантливых ученых и делать их полезными, как он сам шутливо выражался. «Любопытно, знают ли в «ВОМА» о том, что Израиль уже заинтересовался открытием фирмы «Лорхер и Зайдельбах»?» Горица не мог ответить на этот вопрос, однако совершенно по другой причине он был заинтересован в серьезном разговоре с Хонигманом. В крайнем случае, ему потребуется две-три недели для того, чтобы проверить самую важную сделку в своей жизни. У Зайдельбаха сохранилось одиннадцать образцов гранаты, и Горица намеревался завладеть несколькими из них. Если же они не оправдают надежд, то его к ответственности привлечь не удастся.

— Через две недели я смогу достать для вас два образца ослепляющей гранаты! — Горица откинулся на спинку кресла и испытующе посмотрел на своего гостя.

Бенно сделал вид, что его это известие не особенно удивило.

— Откуда? — как бы между прочим спросил он.

— Из одного источника! И довольно надежного!

— Это возможно только в том случае, если зарядов будет изготовлено больше, чем об этом будут знать Лорхер и Зайдельбах.

— Именно это я и имел в виду, — заверил его Горица.

— И какова же цена?

— Сто тысяч швейцарских франков за штуку!

— Включая документацию!

— Нет, без нее! Она будет передана несколько позднее, но, дорогой Бенно, это будет недешево стоить!

— Я лично такие вопросы не решаю. Когда это может произойти?

— Через две недели! Передача и оплата из рук в руки в Цюрихе!

— Согласен! Я дам вам знать, Фред!

Хонигману предстояло по телефону запросить Тель-Авив о согласии на покупку. Его вполне устраивало, что сами заряды можно было получить только через две недели. Сторнирование кредитов фирмы «Лорхер и Зайдельбах» принуждало его как можно скорее выехать в ФРГ. Израиль намеревался с капиталом в кармане прыгнуть в образовавшуюся брешь, чтобы таким образом завладеть ослепляющим оружием. Если Хонигману повезет, то оба прототипа будут представлять для него особый интерес.

— Как далеко продвинулись ваши расследования этого инцидента? — поинтересовался Хонигман.

— Хойслера заставили идти прямо в огонь! Его предал один изменник из «МАД», которому Лорхер заплатил за это десять тысяч марок.

— Черт возьми! — выругался Бенно. — И вы знаете, кто он?

— Нет, к сожалению, не знаю, однако его знает Лорхер. Пострадавший переоценил этого лиса, а Лорхер и раскрыл его!

И тут Горица заметил, что он, сам того не желая, оказал израильянину услугу. Однако Бенно сделал над собой усилие, чтобы не выдать себя. Тем не менее его радовало то, что Горица последовал-таки его совету и официально вышел из состава спецслужбы.

В кабинете было холодно, так как в результате взрыва была повреждена и система водяного отопления. Лорхер с мрачным видом сидел за письменным столом, на котором стояли небольшой электрический обогреватель и чашка чая. Шея Лорхера была обмотана шарфом.

Доверенное лицо фирмы Паульсен вместе с деньгами, предназначенными для выплаты зарплаты рабочим, привез еще и сообщение о том, что их заявка на повышение лимита была отклонена. Многочисленные телефонные разговоры с бапкирами оказались напрасными.

В этот момент в коридоре слышались шаги, кото-

рые Лорхер сразу же узнал. Он скорчил гримасу: ему сейчас только Берта Крампена и не хватало.

— Приятного аппетита! — произнес Крампен, входя в кабинет.

В ответ Лорхер буркнул что-то невнятное.

Крампен, ежась от холода, потер руки. Он, конечно, понимал, что сейчас не время просить у Лорхера денег. Однако после случившегося разве скоро дождешься такого момента? В конце концов фирма получит свою страховку.

Лорхер вел себя так, будто кроме него в кабинете никого не было.

Крампен подошел к буфету в стиле барокко и, налив себе рюмку коньяка, уселся в кресло.

— Ты обдумал мое предложение? — наконец обратился к нему Лорхер. — Должность вакантная: Бахман сломал ногу и бог знает когда выздоровеет.

— Я не подхожу для роли предателя... тем более при твоём-то жаловании! — не без ехидства произнес Крампен.

— Хотел бы я знать, что ты понимаешь под словом «работать»?

— Совсем не то, что ты, — холодно заметил Крампен. — Я вовсе не собираюсь играть роль мальчика на побегушках у твоего кретина Паульсена!

— Да у него в мизинце больше разума, чем в твоей голове! И ты должен об этом знать! Я не собираюсь платить тебе жалованье за безделье!

Крампен отпил глоток коньяка и, откинувшись на спинку стула, закинул ногу на ногу.

— За безделье я денег не беру. Плевать мне на твое жалованье, но тебе пора бы расплатиться со мной!

Лорхер растерянно уставился на сына:

— О какой расплате ты говоришь? За что?

— Ты забыл, что именно мне ты обязан успехами твоей фирмы? — Крампен торопливым жестом остановил Лорхера, когда тот собирался возразить ему, и стал поспешно перечислять свои заслуги: без его мужества и готовности идти на большой риск никогда не было бы шумного «дела Хойслера», благодаря которому Лорхер быстро получил кредиты.

— Кредиты?... — ехидно переспросил Лорхер. — А сейчас-то тебе за что платить? Лаборатория уничтожена, фирме нанесен ущерб в полмиллиона... Этим я тоже обязан тебе!

— Ты с ума сошел!

— Отнюдь нет! Это была диверсия! И совершенна она вот почему: месть за Хойслера! Я уверен в этом! И ты еще хочешь получить за это вознаграждение?!

Крампен был взбешен:

— Попомнишь ты эти слова!

Лорхер наконец понял, что, судя по всему, Крампен рассчитывает на крупную сумму.

— Сколько же ты хочешь?

Крампен сначала намеревался выудить у Лорхера пятьдесят тысяч — ту сумму, которую потребовала Инна. Однако, поразмыслив, решил назвать двойную сумму. Крампен не верил в то, что взрыв лаборатории — это месть за Хойслера. Он был убежден, что эту диверсию осуществил сильный конкурент, возможно «ВОМА», предложение которой о кооперировании Лорхер отклонил. Если, несмотря ни на что, Лорхеру все же удастся восстановить лабораторию, то кто может гарантировать, что подобный инцидент не повторится еще раз? Лорхер же вложил в операцию «Степной барашек» все свои средства, и потому вполне возможно, что скоро с него уже ничего не удастся получить.

— Ну, так сколько ты хочешь? — повторил Лорхер скорее из чистого любопытства, чем из желания удовлетворить эту просьбу.

— Сто тысяч! — как-то бегло произнес Крампен, как будто речь шла о ста марках.

Лорхер ошалело уставился на сына, а потом так расхохотался, что у него слезы показались на глазах.

Крампен наблюдал за отцом сквозь полуопущенные веки, однако решил не отступаться от своего.

Неожиданно Лорхер перестал смеяться.

— Ровно шестьдесят тысяч, находящиеся на счету фирмы, могут показаться внушительной суммой, но их не хватает даже для того, чтобы выплатить зарплату рабочим за одну неделю, потому что для этого нужно восемьдесят тысяч! Договора на кредиты сторнированы обоими банками одновременно! Какое совпадение, не правда ли?.. Вот как обстоят дела, а ты требуешь сто тысяч!.. Откуда я возьму такие деньги? — И, поскольку Крампен с мрачным видом молчал, добавил: — Ты мне ничего не говорил, а я ничего не слышал.

— Хорошо, теперь слушай всю правду: я ведь не добровольно отказался от выпуска порнографических откры-

ток. Со мной поступили так же, как и с твоей лабораторией. Мое фотоателье разгромили!

— Вот как! — Лорхер казался озабоченным.

— Во время погрома гангстеры жестоко избили Инну, и она потребовала с меня пятьдесят тысяч, угрожая в противном случае выдать меня, хотя и сама в этом деле замешана...

Лорхер, казалось, уже не слушал его и что-то искал в своих бумагах.

— А вторые пятьдесят тысяч нужны мне для оборудования нового фотоателье, — пояснил Крампен, — учитывая наше сотрудничество — это сущий пустяк!

— И все это за мой счет? — спросил Лорхер. — За то, что я тебя не выучил?

— Да, за это ты должен платить! Если бы я посещал реальное училище, то... — Он неожиданно замолчал и махнул рукой. — Разве это сумма? Могу пойти на компромисс: пятьдесят тысяч ты даешь мне сейчас, а пятьдесят — через четыре недели. — Крампен посмотрел на Лорхера, на лице которого не дрогнул ни один мускул.

И тут Лорхер протянул сыну письмо, на которое тот смотрел с явным недоверием.

— Это официальная жалоба сестры Хойслера, некоей Коринны Хойслер, проживающей в Мюнхене. Она требует возмещения убытков, которые она несет в связи с гибелью брата, финансировавшего ее учебу. Сумма: пятьсот тысяч! Ну, разве это не смешно? — Мрачное выражение лица Лорхера никак не вязалось с его словами. — Вот так-то!..

Крампен и виду не подал, как его обеспокоило это известие. Оказалось, что Лорхер находился в гораздо худшем положении, чем он сам.

— Меня лично давно удивляет, — как бы мимоходом заметил Крампен, — что никто не беспокоится о том, как идут дела с ослепляющим зарядом!

— Ты заблуждаешься, кое-кого это очень даже интересует, — возразил ему Лорхер. — Федеральное ведомство уголовной полиции считает, что обнародование деталей этого открытия наделало слишком много шума!

— Это все не то! — скептически бросил Крампен.

Лорхера покорило от столь беззащитного признания сына.

— В решении высших инстанций говорится, что вопрос о производстве ослепляющего оружия не подлежит сомнению. Даже адвокатура отказалась от применения

штрафных санкций! До сих пор я молчал и только сейчас впервые заговорил об этом! — по голосу Лорхера чувствовалось, что он уже жалеет о своей откровенности.

— Не стоило будить спящих собак, — ехидно усмехался, заметил Крампен.

— К тому же страховая компания отказывается оплатить убытки, и я вынужден жаловаться на нее! — Лорхер глубоко вздохнул.

— При возмещении убытка гражданскому лицу все это выглядит несколько иначе!

Лорхер с озабоченным видом спросил:

— Ты полагаешь, что сестра Хойслера может выиграть процесс?

— Конечно! — заверил его Крампен.

Лорхер закашлялся. Почувствовав, что его слегка знобит, он подошел к буфету и налил себе рюмку коньяка. В этот момент зазвонил телефон. Председатель фабричного профсоюза требовал разрешения прекратить работу, чтобы не подвергать опасности жизнь сотрудников. С большой неохотой Лорхер согласился, и через несколько минут сирена возвестила о прекращении работы.

— Полмиллиона вылетает в трубу! — с ужасом прошептал Лорхер.

— В ходе судебного процесса решающую роль может сыграть тот факт, что Хойслер пренебрег предупреждением, вывешенным на сейфе! — объяснял Крампен.

Лорхер вскочил и нервно забегал по кабинету, затем остановился перед Крампеном и проговорил:

— Ты, безусловно, прав: почему он не обратил внимания на это предупреждение?..

— В данном случае меня станут допрашивать как свидетеля, — перебил его Крампен.

— Разумеется! — подтвердил Лорхер.

— Меня приведут к присяге! Я не смогу лжесвидетельствовать.

— Как?.. Что ты имеешь в виду?..

— Я скажу все, как было: что я прилепил предупреждение уже после того, как Хойслер ослеп и, следовательно, уже ничего не видел! Ты же не станешь требовать от меня, чтобы я нарушил присягу?!

Лорхер был потрясен. Он только смог прошептать:

— Ты это серьезно?.. Ты так и скажешь?..

Крампен ехидно усмехнулся и кивнул.

— В суде я скажу правду и ничего кроме правды! Скажу, что ты дал мне задание установить ослепляющий

варяд, хотя я и отговаривал тебя от этого. Я расскажу, что это была твоя идея наклеить предупреждение только тогда, когда все уже произойдет! Лучшей рекламы для немедленного получения кредитов и быть не могло, ты помнишь?

Лорхер упал в кресло и прохрипел:

— Да я обо всем этом не имел ни малейшего представления! Все это ты сделал за моей спиной... — И он замолчал.

— И ты думаешь, что суд тебе поверит? — Крампен с невозмутимым видом разглядывал свои ногти на руках.

— Ну и свинья же ты после этого! — прошипел Лорхер.

Однако это оскорбление нисколько не обидело Крампена, и он как ни в чем не бывало произнес:

— Надеюсь, ты меня понял? Все будет иначе, если ты дашь денег...

Лорхер вскочил с кресла и, подойдя к письменному столу, перелистал какие-то бумаги. Наконец он поднял голову и бесцветным голосом сказал:

— Я выпишу тебе чек на тридцать тысяч, а двадцать дам наличными. Больше ты ничего не получишь!

— Согласен, — с готовностью откликнулся Крампен.

Лорхер выписал чек и с тяжелым сердцем подписал его, затем подошел к шкафу и, выдвинув из него ящик, отсчитал двадцать тысяч марок. Там остались всего лишь три купюры по пятьсот марок.

Крампен бодро встал: деньги всегда окрыляли его. Положив деньги и чек в карман, он протянул Лорхеру руку:

— Ну, всего хорошего тебе, Адольф!

Однако Лорхер держал руки за спиной, а сам смотрел мимо Крампена в окно, за которым шел густой снег.

— Больше здесь никогда не появляйся! — холодно потребовал Лорхер. — Я распоряджусь, чтобы вахтеры не пускали тебя на территорию!

Крампен лениво пожал плечами, а про себя подумал: «Если он решил, что я отказался от второй половины денег, то он глубоко заблуждается. Судебный процесс, затеянный Коринной Хойслер, еще впереди...»

Венцель сидел на краю кровати своей больной матери и думал о том, как бы поскорее уйти из больницы. Он не знал, о чем с ней сейчас можно говорить, а от запаха лекарств и средств дезинсекции у него разболелась голова

Все его мысли были заняты биржевым курсом, который продолжал ползти вверх, а затем, разумеется, резко упадет вниз... Вот этого-то момента и ожидал Венцель, чтобы нажиться на одной биржевой спекуляции. Он надеялся еще раз встретиться с Лорхером, но интуитивно чувствовал какую-то опасность в связи с этой встречей.

Как только медсестра дала знать, что приемный час окончился, Венцель попрощался с матерью и поспешно вышел из больничного корпуса.

В ресторане-автомате он пообедал. Сидеть в одиночестве весь вечер у телевизора ему не хотелось, и все же он почему-то решил поехать домой.

Сумерки с каждым днем наступали все раньше и раньше — пришлось включить фары еще до поворота на свою улицу. Неожиданно ему захотелось поскорее сесть за письменный стол и еще раз хорошенько продумать все биржевые манипуляции, тем более что ему удалось установить контакт с одним серьезным маклером.

Подъехав к дому, Венцель, к своему удивлению, увидел чей-то «БМВ». За рулем сидел солидный мужчина. Венцель сразу же насторожился. Он подъехал к воротам и вышел из машины, чтобы открыть их. Незнакомец тоже вылез из своей машины.

Капитан Венцель расстегнул пальто и, засунув руку за пазуху, с облегчением нащупал там пистолет.

— Добрый вечер, господин Венцель! Моя фамилия Крампен. Я хотел бы поговорить с вами!

Солидный мужчина приветливо улыбнулся. На нем было узкое кожаное пальто, а на голове меховая шапка. И хотя было уже довольно темно, Венцелю показалось, что он где-то видел этого человека.

Венцель ответил на приветствие и спросил:

— А о чем, собственно, пойдет разговор?

— Я бы не хотел вести его вот так, на улице... — Крампен неожиданно замолчал, а затем добавил: — Разговор у нас будет долгий!

— Его вообще не будет, — холодно заметил Венцель, — если вы не скажете, по какому делу вы пришли.

— Дело касается фирмы «Лорхер и Зайдельбах», — приветливо ответил Крампен.

Удар ножом вряд ли оказался бы более неожиданным. Венцель вздрогнул. При имени Лорхера ему сразу же стало ясно, на кого похож этот голстяк.

— Входите! — пригласил Венцель, открывая садовую

калитку. Затем он отпер входную дверь, думая о том, что непрошенный гость, видимо, не случайно пришел к нему по делам этой фирмы.

Воздух в коридоре был застоявшийся. Гость разделся и бесцеремонно огляделся. Венцель провел его в комнату и показал на кресло в углу.

— Что вам угодно? Постарайтесь быть кратким!

Сам хозяин остался стоять, а толстяк со вздохом опустился в кресло и с упреком сказал:

— Вы не должны так говорить со мной. Я пришел вовсе не за тем, чтобы потребовать у вас обратно те десять тысяч марок, которые вы получили от моего отца!

Крампен смотрел на Венцеля, как на подопытного животного, которому только что сделали укол и теперь ожидают, какова же будет реакция.

— Выходит, вы сын?..

— Да, я сын Лорхера, — подтвердил Крампен, — хотя и ношу девичью фамилию моей матушки. А чтобы облегчить наше взаимопонимание, напомним вам о пароле: «Автостоянка Амзельгрунд!»

Антипатия Венцеля к этому типу, который так грубо демонстрировал свое превосходство, быстро росла. В голове у Венцеля роилось множество вопросов: «Где и какую ошибку я совершил? Как меня разоблачили? Неужели я был так неосторожен? Почему же тогда меня столько времени не беспокоили?.. Чего они теперь хотят от меня?..»

Крампен напомнил Венцелю отдельные моменты той памятной встречи, лишив тем самым хозяина дома иллюзии, что гость знает лишь немного. Более того, Крампен пересказал все то, что он слышал от Лорхера о ходе всей операции.

Теперь Венцель уже не сомневался в том, что его гость знает все и вся.

— Моего папашу вы не обидели, — сказал Крампен, — просто он хотел знать, кому же именно он заплатил десять тысяч марок!

Венцель проигнорировал иронический тон этих слов, надеясь, что сын Лорхера всего лишь проследил за ним, по его шаткая надежда тут же рухнула.

— Не скрою, я был изумлен тем, что столь умный делец является капитаном военной контрразведки.

«Все, — подумал Венцель, — все пропало! Если эта жирная свинья собирается донести на меня, то за это дело не возьмется ни один суд: общественность не долж-

на знать того, что связано с бундесвером... А с изменниками, как известно, расправа недолгая!» — Венцель медленно запустил руку под мышку и нащупал рукоятку пистолета.

Крампен внимательно наблюдал за ним.

— Прежде чем перейти к делу, мы должны разобраться в двух вещах. Если со мной здесь что-нибудь случится, то мой адвокат кроме моего завещания найдет в моем сейфе кое-что еще. И второе: в свое время я говорил отцу, что я потерял ваши следы! — соврал Крампен не моргнув глазом.

Венцеля раздирали опасения, любопытство и надежда.

— Вы хотели перейти к делу? — твердо спросил он.

— И немедленно! — пообещал Крампен, разочарованный тем, что Венцель так спокойно слушает его. — Вы можете сказать, почему я умолчал перед своим стариком о вашей идентичности?.. Скажите, у вас нет ничего выпить?

Венцель кивнул:

— Вам виски, коньяку, вина или пива?

— Коньяку и пива!

Когда Венцель наполнял бокалы, рука его несколько не дрожала. Мысль о том, что он находится на краю гибели, уже не казалась ему такой страшной. Верх взяло любопытство.

Когда они выпили, Крампен стал говорить о своих скверных отношениях с отцом, который в любой момент может потребовать свои деньги обратно, как только узнает, кто такой его осведомитель.

— Ну а теперь моя очередь высказаться! — потребовал капитан. — То, что вы сделали с Хойслером, самое настоящее убийство!

— Я очень сожалею, но я не смог помешать Лорхеру, — соврал Крампен, пожимая плечами. — Я готов и теперь высказать ему свое мнение!

— А я-то что должен делать?

— Вы должны помочь мне, — лаконично ответил Крампен, — для вас это очень важно! — И он рассказал о том, что он хочет предупредить крах фирмы «Лорхер и Зайдельбах» и завладеть ослепляющим устройством, прежде чем оно исчезнет в общей массе имущества несостоятельного должника. Речь идет о новом варианте операции, которую пытался провести Хойслер, но уже со стопроцентной гарантией успеха, так как на этот раз Лорхер не получит предупреждения. — А чтобы быть уве-

ренным в том, что при этом не взорвется очередное ослепляющее устройство, мы возьмем к сейфу и моего старика! — пояснил Крампен. — Сто тысяч вам гарантировано!

— А почему вы не оставляете их для себя? — недоверчиво спросил Венцель. — Вы могли бы сделать все и один!

Крампен махнул рукой:

— Я не такой человек, мне нужен умный партнер.

Венцель решил, что с ним говорят вполне откровенно.

— И все же я вас не понимаю, — сказал он, — каждый мелкий мошенник ворочает за пять великанов!

— С вами я буду спокоен!.. А еще пивка не найдется?

Капитан Венцель встал и спустил жалюзи на окнах. Настольная лампа распространяла неяркий свет. Он достал еще бутылку пива и разлил его по бокалам.

— Все могло бы быть и иначе, — сказал Венцель. — Отца вашего предупредили. А вот тот, кто придумал так разделаться с Хойслером, все испортил. Фирма идет навстречу своему краху! Значит, чтобы это изобретение не пошло с молотка, отец и сын договариваются очистить сейф так, чтобы не вызвать никаких подозрений! Покупатель и цена, видимо, уже определены. Я же должен довольствоваться тем, что мне сунут в руки!

— Может быть, и так, — признался Крампен. — Все вроде вполне логично, и все-таки вы не то думаете... В таком случае, придется мне открыть последнюю карту: я нахожусь в затруднительном положении, а мое фотоателье разгромлено конкурентами!

— Фотоателье?

— Поясняю: я занимался выпуском порнографических открыток! Я дам вам адрес, чтобы вы могли лично убедиться, что я нисколько не хитрю. Мой старик помогать мне не хочет, но я знаю, как мне его провести. — Крампен, хитро посмотрев на Венцеля, продолжал: — Мне остается только сказать ему: это неправда, что от меня тогда улизнул водитель «БМВ»! Зовут его Венцель, он капитан и служит в «МАД» под началом майора Вольнофа!

— Да за такое расстрелять могут, — дружелюбно заметил Венцель.

— Самое малое, что потребует мой старик, — как ни в чем не бывало продолжал Крампен, — забрать свои деньги обратно, а вы знаете, как он их любит!

— И когда же должна состояться эта операция? — деловым тоном поинтересовался капитан.

— Скоро, — туманно ответил Крампен.

— Вы выбрали самый неподходящий день, господин Хонигман, — с сожалением сказал Лорхер. — Из-за аварии отопительной системы я вынужден был отпустить людей по домам.

Тишина в холле была заволаживающей, и только в соседнем помещении что-то заколачивали. Фабрикант повел своего гостя в новую лабораторию, из которой уже были убраны все обломки, а столяр успел вставить новые рамы.

О своем приезде Хонигман сообщил Лорхеру по телефону. В Швейцарии уже заинтересовались новым оружием и намеревались закупить приблизительно тысячу ослепляющих устройств. Однако виды на заключение выгодной сделки не обольщали Лорхера, и он ни в коем случае не преувеличивал значения этого визита, хотя и собирался показать гостю свою фабрику. И все же как бы мельком сказанная фраза о том, что он проинформирует нескольких офицеров из цюрихского банка «Бюрки и Цбиндер», в значительной степени взбодрила Лорхера.

Лорхер набрался терпения и ждал, когда Хонигман заговорит об этом, а тот явно не спешил, деловито интересовался суммами вложения, обеспеченностью машинами и был удивлен тем, как фабрика такого масштаба в состоянии выдерживать все возрастающую конкуренцию на рынке.

— Я полагаю, — пояснил Лорхер, — что, не будь у нас ослепляющей гранаты, мы бы, видимо, не выжили.

— Я тоже так думаю, — согласился с ним Хонигман.

Судя по всему, гость был неплохо информирован о делах фирмы.

Когда они вышли из здания, шел дождь со снегом, а резкий ветер чуть не сбивал с ног. Бараки со складскими помещениями и здание охраны казались довольно убогими. Лорхер, досадуя на себя, что не выбрал другого пути, сказал:

— Все средства были вложены нами в развитие производства, так что нам пока не до красот.

Хонигман изучающе посмотрел на Лорхера, а затем поинтересовался:

— А каково ваше общее экономическое положение, господин Лорхер? Я, разумеется, располагаю кое-какими сведениями на этот счет, однако я хотел бы опираться не только на них.

В душе Лорхера росло раздражение. У него было такое впечатление, что от Хонигмана можно ожидать все что угодно.

— Не хотите ли немного подкрепиться? — предложил Лорхер.

Гость согласился, и они прошли в кабинет Лорхера.

Хонигман попросил лишь чашку чая, Лорхер же налил себе растворимого кофе, который он терпеть не мог.

— В скором времени мы приступаем к выпуску нового вида ослепляющего оружия; приготовления идут полным ходом, — проговорил Лорхер и внимательно посмотрел на своего гостя, который сидел с полузакрытыми глазами. — В недалеком будущем это оружие будет находиться в арсенале бундесвера!

Хонигман упрямо молчал, и Лорхер продолжал:

— Взрыв в новой лаборатории по сути дела ничего не меняет, а всего лишь оттягивает время!

Лорхер попытался по выражению лица гостя определить его отношение к сказанному, но лицо Хонигмана было похоже на маску хитрого игрока в покер.

— Я сожалею, господин Лорхер, но вынужден возразить вам по некоторым пунктам! Насколько мне известно, пройдет еще немало времени, прежде чем можно будет говорить о вооружении бундесвера ослепляющим оружием. Пока что речь идет о том, как вашей фирме выжить! — деловым тоном проговорил Хонигман, а когда Лорхер хотел было возразить, он жестом остановил его. — От вас отвернулись кредиторы, а возмещение вам убытков, нанесенных взрывом, за счет страховой компании все еще находится под вопросом. К тому же вы еще конфронтируете по данному делу. Нет, ваше нынешнее положение при всем желании благополучным никак не назовешь! — Хонигман поудобнее устроился в кресле, как будто он пришел сюда просто поболтать. — А если быть более точным, уважаемый господин Лорхер, то значительного прогресса в развитии нового вида оружия вы пока еще не достигли! Или, быть может, я неверно информирован? — И, поскольку Лорхер молчал, Хонигман уверенно продолжал: — Операция «Степной барашек» доказала, что так называемый эффект Зайдельбаха действительно поражает зрительный нерв, однако, насколько мне изве-

стно, в Кобленце сомневаются в возможности изготовления артиллерийского снаряда с таким зарядом!

— Не хватает только того, чтобы вы объявили ослепляющее устройство вообще неудачным, — заметил Лорхер.

Хонигман усмехнулся:

— Нет, господин Лорхер, напротив! Извините меня за откровенность, но уже одни ваши попытки все довести до конца служат доказательством того, что кое-что все же делается. Поговорим о более детальном! Чтобы вы снова могли обрести под ногами твердую почву, вам нужен целый миллион!

— Вы правы, и оспаривать это было бы глупо!

— Вся проблема заключается в том, что вы не можете дать нам никаких гарантий!

— Да говорите же, наконец, яснее! Не за тем же вы прибыли из Цюриха в Кизебютель, чтобы сказать мне то, что может сказать любой советник?..

— Вы, безусловно, правы! В моем «дипломате» лежит договор на предоставление кредитов, который следует только подписать! Цюрихский банк «Бюрки и Цбиндер» готов предоставить вам кредиты в сумме одного миллиона марок. Вместо обязательств вы должны предоставить ему лицензию на ослепляющее устройство! Впоследствии кредитные суммы будут засчитаны в сумму стоимости изделия! — Хонигман выжидающе посмотрел на Лорхера.

— Это звучит разумно, — согласился Лорхер, — но здесь есть одна загвоздка! Все технические лицензии на вооружение могут быть переданы лишь с одобрения министерства!

— Разумеется! Вам нужно будет выехать в Цюрих, где вы в присутствии местного нотариуса подпишете необходимые документы.

Лорхер не стал возражать, ибо никогда не придерживался строгих моральных принципов. При получении внушительных сумм даже более солидные деловые люди, чем он, обычно не выдвигали своих условий. И все же Лорхера почему-то одолевали сомнения: чтобы швейцарский банк предоставил миллионный кредит необеспеченной фирме, от которой вряд ли получишь большую прибыль?..

Хонигман, словно угадав его мысли, продолжал:

— Вы можете спросить, почему роль ангела-спасителя играет швейцарский банк? Чтобы ответить на этот

вопрос, нам следует перейти ко второму аспекту нашего договора.

Лорхер с трудом сдерживал свое любопытство. Он подошел к буфету и налил себе рюмку копьяка. Гость же снова попросил лишь чашку чая, после чего заявил, что получение кредитов (если Лорхер подпишет этот договор) — дело случая.

— Случая?!

— Да. Эти кредиты следует рассматривать как своеобразное вознаграждение за услугу, которую вы окажете банку «Бюрки и Цбиндер».

Лорхер сосредоточенно размышлял, какого рода услугу имеет в виду гость. Перспектива получения кредитов вдруг заметно отдалилась.

— На тот же случай, если вы отклоните это предложение, — продолжал гость, — вы должны обещать мне молчать о нашем разговоре.

— Это само собой разумеется, — растерянно пробормотал Лорхер.

— Банковский дом «Бюрки и Цбиндер» намерен в скором времени разместить в ФРГ миллиардные инвестиции! — Хонигман многозначительно помолчал. — Надеюсь, вы понимаете, что прежде чем принять подобное решение, владельцы банка хотели бы исключить всякий риск.

— Понятно, — буркнул Лорхер.

— Одна из организаций, о которой банку и знать не положено, а откровенно говоря — служба контрразведки бундесвера располагает в этом отношении более чем достоверной информацией!

Лорхер растерянно уставился на своего гостя.

— Официально об этом молчат, — продолжал Хонигман, — а неофициально, напротив... — И он замолчал, давая возможность фабриканту самому делать соответствующие выводы. — Теперь конкретнее: вы знакомы с одним сотрудником «МАД», который не считался кое с чем...

Мысли в голове у Лорхера перепутались, а перспектива получения кредитов вновь приблизилась. Интересно только, откуда Хонигман взял все эти сведения?

— Вы имеете в виду... — Лорхер вопросительно взглянул на своего собеседника.

— Сотрудника «МАД», который за десять тысяч марок своевременно предупредил вас о том, что сейф будет вскрыт! Нам необходимо знать его имя, адрес, воинское звание! Этих данных нам будет вполне достаточно! Этот

человек должен вернуть вам десять тысяч, так как на этот раз он получит в десять раз больше!

— Извините, господин Хонигман, но за это я выпью рюмку коньяка! Вы не желаете?

— Нет, благодарю вас!

Одномоторный самолет стоял перед ангаром, пропеллер его вращался на малых оборотах. Пилот уже получил разрешение диспетчера на полет во Франкфурт, но до старта еще оставалось десять минут. Погода несколько улучшилась, дождь со снегом прекратился. Ночью обещали заморозки.

Из четырех мест в кабине занято было только одно — Хонигман был единственным пассажиром. Он задумчиво посмотрел на часы: до старта оставалось еще восемь минут.

В этот момент на летном поле показалась легковая автомашина, которая, подкатив к самолету, резко затормозила. Из машины вышел майор Вольноф. Пилот подал трап, и Вольноф поднялся в самолет.

Оба господина давно знали друг друга, хотя и не поддерживали официальных связей. А в служебной переписке об их должностях вообще не упоминалось по соображениям строгой секретности. Однако общие интересы у них имелись. Невозможно сказать, кто из них извлекал из этой сделки большую пользу.

И хотя время торопило, они все же не отказались от привычного метода ведения беседы: сначала они поговорили о погоде и о том, что Хонигман завтра вновь окажется в Тель-Авиве, где будет сидеть на балконе своего особняка и наслаждаться теплом. Потом Вольноф заговорил об операции, которую недавно перенесла его супруга, и о том, что он в скором времени рассчитывает получить звание «подполковник».

Наконец Хонигман посмотрел на часы и сказал:

— Через четыре минуты взлет!

Летчик подошел поближе к машине, готовый подняться в нее, как только посетитель сойдет на землю.

Вольноф вынул из кармана своего кожаного пальто конверт.

— Бенно, я очень сожалею, но нам удалось разыскать только двух деятелей «ООП», а третий сейчас в Париже.

— О'кей, — сказал Хонигман, кладя конверт в свой карман. Они не стали расспрашивать друг друга о досто-

верности полученной каждым из них информации, так как доверяли друг другу. Вольноф, в свою очередь, тоже получил конверт, похожий на тот, который он передал Бенно.

— До следующей встречи! Всего хорошего!

Они пожали друг другу руки, и майор Вольноф спустился из кабины самолета на землю.

Летчик занял свое место в самолете и запустил мотор. Самолет вырулил на старт. Хонигман, прильнув к иллюминатору, помахал Вольнофу, который ответил ему тем же. Усевшись за руль автомобиля, майор вскрыл конверт.

— Выходит, так... — пробормотал он, чувствуя, что краснеет.

Капитан Венцель был срочно направлен в служебную командировку в Мюнхен. Его кабинет был заперт, однако звуки, доносившиеся из-за двери, говорили о том, что там кто-то был: два эксперта вошли туда из кабинета майора Вольнофа.

Теперь Вольноф был уверен в том, что Венцель пользуется подслушивающей аппаратурой. В кабинете майора ничего обнаружить не удалось.

— Переверните все на свете! — обратился Вольноф к экспертам. — Я уверен в том, что за время его отсутствия проводились хоть какие-нибудь переговоры!

Высокий, но очень худой мужчина задумчиво взглянул на симплексное переговорное устройство:

— Оно, видимо, очень простое, но оно есть!

Пока его молодой коллега внимательно исследовал полку для дел, старший разобрал аппарат. Лицо у Вольнофа было недовольное. И хотя пока еще не было никаких доказательств, что информация Хонигмана соответствует действительности, однако это было первое неверное донесение, а за последние месяцы имелись поводы, чтобы не доверять Венцелю.

Спустя полчаса доказательство все же было обнаружено. Маленькое круглое отверстие в нижней доске письменного стола свидетельствовало о том, что именно здесь помещался миниатюрный магнитофон. Старший эксперт осторожно соскоблил ножиком круглое пятнышко с этого места и поместил соскреб в небольшой целлофановый мешочек.

Обыск квартиры Венцеля произвели в вечерние часы, чтобы ничего не заметили соседи.

На следующий день майор Вольноф принял у себя художавого эксперта, и, пока майор завтракал, тот доложил ему о результатах экспертизы.

В квартире Венцеля никакого компрометирующего материала обнаружено не было, за исключением одного: в старом радиоприемнике был так искусно вмонтирован мини-магнитофон, что его легко можно было принять за обычную радиодеталь.

— Эта вещьца имеет резиновую присоску, форма которой очень похожа на след, оставшийся на вашем письменном столе. Я взял пробу материала.

Вольноф понимающе кивнул. Он был педоволен, так как хотел иметь более убедительные доказательства. Затем эксперт вынул из своего портфеля песколько фотокопий и передал их Вольнофу.

— Все документы, хранящиеся в его напке, просвечены!

Майор просмотрел копии.

— Надеюсь, вы не оставили там никаких следов?

— Что вы, господин Вольноф! — с обидой ответил эксперт.

Однако сам вопрос майора навел его на мысль, что никакого ареста не будет. Видимо, доказательства даже не будут предъявлены подозреваемому, а слежка за ним будет продолжена или же, что тоже вполне возможно, Вольноф просто старается избежать всякой огласки. После инцидента с Хойслером он вообще стремится избежать всего, что помешало бы ему продвинуься по службе.

— Что это такое? Некролог?

— Да. Их на письменном столе Венцеля лежало с полдюжины. Дело в том, что в больнице скончалась его мать.

— А что вы скажете вот по этому поводу?

Майор показал пальцем на копии писем и ответов одного биржевого маклера, занимавшегося покупкой и реализацией биржевых акций. Согласно им Венцель вложил в биржевые бумаги шестьдесят тысяч марок и сразу же выиграл на этой спекуляции почти сто тысяч марок.

— А вам было известно о том, что Венцель играет на бирже? — спросил майор.

— Нет, я не имел об этом ни малейшего представления, я лично играю только в лото, — ответил майору эксперт.

В этот момент зазвонил телефон. Вольнофу доложили о том, что пробы материала оказались идентичными, то

есть было подтверждено, что обнаруженный у Вепцеля в квартире мини-магнитофон прикреплялся к письменному столу майора Вольнофа, чтобы подслушивать разговоры, которые он ведет.

— Такой японский мини-магнитофон работает на запись ровно сто пятьдесят минут, не так ли?

— Да, примерно так, — подтвердил эксперт.

— Все сведения держать в строгом секрете! — приказал ему майор.

11. СЛЕДЫ НА СНЕГУ

Коринна проснулась и потянулась к тумбочке, на которой лежали сигареты. Она уже обжилась в комнате Дитера: повесила новые занавески на окна, по своему вкусу переставила мебель; о брате в комнате напоминала лишь его фотография с траурной лентой в углу.

Раскурив сигарету, Коринна встала, подошла к окну и сквозь щель между занавесками посмотрела вниз. Снег все еще шел. В ночной темноте снег, осевший на ограде балкона, казался белой накидкой. В высотных домах напротив кое-где все еще горел свет; светлые квадраты окон казались слегка размытыми за густой снежной пеленой.

Коринне стало холодно: на ночь она всегда выключала отопление и открывала форточку. Она использовала это как повод, чтобы остаться одной. Визиты во всегда слишком тепло натопленную комнату Фреда и их объятия должны были сохранить очарование необыкновенности, а не принижать их любовь до чего-то повседневного и обыденного.

Девушка снова легла в кровать. Снова и снова ее мысли невольно возвращались к Фреду. Некоторые его привычки казались ей чуждыми и непонятными: прежде всего, чрезмерная молчаливость. Обычно он отвечал на ее вопросы только тогда, когда она спрашивала по нескольку раз и довольно настойчиво.

Коринну пугало то, что сейчас его целью уже не был ни сам Лорхер, ни его сын Крампен. Они оба были разбиты и уже не интересовали его, как только он узнал, что в сейфе у Зайдельбаха лежат лишь подделки, а не оригиналы технической документации.

Теперь сам Зайдельбах стал его целью! У доктора имелось одиннадцать прототипов зарядов и микрофильм. И теперь она, Коринна, должна была узнать, где же

Именно он хранит этот фильм. Коринна старалась придумать убедительные отговорки, чтобы хоть как-то успокоить Фреда.

Доктор Зайдельбах весь ушел в заботы по организации экспедиции в Бразилию, как только он узнал от Лорхера, что тот нашел какого-то нового кредитора. Доктор считал, что это одно из очередных преувеличений. Однако, как только прибыло новое оборудование для лаборатории, он начал усиленно готовиться к отъезду. Коринна догадывалась о том, что Зайдельбах намерен конфронтровать со своим компаньоном и потому хочет уехать раньше, чем лаборатория будет восстановлена.

По отношению к Фреду Коринна чувствовала некоторые угрызения совести. Во время своей очередной поездки в Мюнхен она по совету одной своей знакомой обратилась в суд с жалобой на Лорхера, требуя возмещения нанесенного ей ущерба. Когда же она, вернувшись из поездки, рассказала об этом Фреду, он был явно обижен, и не столько самим поступком, сколько недоверием Коринны.

Каждый день в душе Коринны шла внутренняя борьба. Ей нужно было выбрать: либо быть с Фредом и, следовательно, выступить против Зайдельбаха, либо окончательно порвать с ним и уехать с доктором в Бразилию, чтобы со временем унаследовать его довольно солидное состояние.

Коринна сунула окурок сигареты в пепельницу и уставилась неподвижным взглядом в пустоту: она еще не умела по-деловому взвешивать все «за» и «против». Однако мысль расстаться с Фредом, чтобы поехать с Зайдельбахом, ее не особенно пугала, поскольку отъезд ей казался таким еще нескорым...

Общение с Фредом заметно влияло на Коринну, она уже разделяла многие его взгляды. Желание Фреда завладеть микрофильмом Зайдельбаха, чтобы обеспечить свое будущее, она понимала, однако мысль, что доктор должен погибнуть, была для нее ужасной.

Коринна лежала на спине и задумчиво смотрела в потолок. И вдруг она вскочила от пришедшей ей в голову догадки. Однажды они с доктором долго, но безуспешно искали расписание полетов среди многочисленных проспектов и бумаг, но некоторое время спустя Коринна его все-таки разыскала и принесла Зайдельбаху в комнату с кактусами. При этом она вошла так бесшумно, что доктор испугался и от испуга (он стоял возле окна) чуть

было не уронил на пол горшок с любимым кактусом. Она очень хорошо запомнила эту сцену: левой рукой он держал горшок, а правой рукой что-то вдавливал в землю.

— Не может быть!.. — прошептала Коринна, только сейчас сообразив, чего так испугался доктор: Зайдельбах, по-видимому, только вытащил из земли маленькую капсулу, как неожиданно в комнату вошла она, и доктор спешно сунул ее обратно в землю. «Вы превратили этот цветок в какой-то фетиш! — сказала она тогда профессору. — Уж не потому ли, что он носит имя вашего дядюшки?» Зайдельбах натянуто улыбнулся и проговорил: «Вы знаете библию? Наверняка нет! И хотя это не очень подходит, но все-таки прочтите от Матфея, раздел шестой, строка двадцать первая». Это она хорошо запомнила.

Коринна вскочила с кровати и бросилась к Фреду. Она трясла его за плечи, пока он окончательно не проснулся.

— У тебя есть Библия?

Он с изумлением уставился на Коринну и переспросил:

— Библия?.. Нет. А тебя не устроит Евангелие? Мне его подарили в день конфирмации.

— Мне нужно кое-что посмотреть.

— Ты плохо спала?

И, поскольку она не уходила, Фред встал и начал искать книгу в шкафу. Разыскав ее в картонной коробке, в которой хранились фамильные фотографии, он подошел к Коринне.

— Открой раздел шестой от Матфея, строка двадцать первая! — попросила она.

Покачав головой, он уступил ее желанию и прочел:

— «Ибо где находится ваше сокровище, там же и ваше сердце!» Чепуха какая-то...

— Скажи, это возможно — спрятать микрофильм в цветочном горшке?..

— Все зависит от того, как он законсервирован.

А спустя несколько минут они лежали рядом, и Коринна положила голову на грудь Фреда. Оба думали о возможностях, которые откроются перед ними, если микрофильм окажется в предполагаемом месте.

— Время идет, — заговорил Фред, — и скоро я уже не смогу водить Хонигмана за нос. Израильтяне намерены купить ослепляющее оружие, и как можно скорее! Но до этого должна состояться главная торговая

сделка, ведь в Тель-Авиве скоро поймут, что наше ослепляющее оружие — всего лишь блеф!

И тогда Фред рассказал в деталях о своем плане. Коринна не сомневалась в том, что этот план удастся.

— Через три недели все будет позади, мы упакуем чемоданы и отпразднуем рождество на юге!

— А как же Зайдельбах? Он ведь верит, что я поеду с ним... Сказать ему, что из его затеи ничего не выйдет?

— Наберись смелости и скажи. На следующей неделе мы будем редко видеться — всю неделю ты будешь при Ховельмане!

— А почему? — испуганно спросила Коринна.

— Как только ты сделаешь вид, что отшатнулась от этого негодяя Горицы, Зайдельбах сразу же заметит, что ослепляющие заряды и микрофильм похищены!

— И это возможно?.. Но Зайдельбах со своим изобретением...

— Нет! — перебил он ее. — Не забывай о том, что именно он является изобретателем ослепляющего оружия, от которого погиб твой брат Дитер!

Коринна замолчала. Сказанное Фредом действовало на нее, хотя она и понимала, что если кто-то погиб под колесами автомобиля, то виноват тут вовсе не конструктор, создавший машину, а шофер. Однако ослепляющее оружие действительно несло беды людям! И все-таки она твердо придерживалась своей точки зрения, иначе она не смогла бы работать с Зайдельбахом.

— А ты что-нибудь уже предпринял относительно защитного стекла? Зайдельбах может об этом узнать, хотя и не спросит.

— Я вступил в контакт с фирмой «Лайсинг-оптик», где одно имя Зайдельбаха оказалось таким же магическим, как «Сезам, откройся!». — Однако о деталях Горица почему-то распространяться не стал.

Коринна внимательно посмотрела на Фреда. Постепенно она все больше и больше проникалась его идеями и стала смотреть на вещи его глазами. Фред утверждал, что нынешние времена меньше всего подходят для романтиков. Тот, кто намерен высоко взлететь, должен быть крепким и беспощадным, ибо с сентиментальностью далеко не уедешь. Однако в какой-то степени и Коринна влияла на Фреда. Она по натуре была мечтательной, и иногда бывали такие моменты, когда

и он принимал участие в мечтаниях об их совместном будущем.

— Единственное, что я еще могу сделать в память о Дитере, это то, чтобы ты получила какую-то компенсацию! — проговорил он, стараясь не смотреть ей в глаза. — Затянутый тобой судебный процесс против Лорхера может затянуться на долгие годы, и кто знает, чем он закончится, не считая издержек на адвоката, который может запросить огромную сумму. Доверь это дело мне, и я тебе помогу! К слову говоря, мы не удолетворимся полмиллионом! Я все уже прикинул, моя девочка, и полагаю, что мы сорвем куш в три раза больше!

В понедельник утром Коринна приехала в Кизебю-тель позднее обычного. Приехала она на «гольф» Дитера и с его же номерным знаком, который вряд ли кто помнил.

Снег покрыл равнину, укутав ослепительно-белым покрывалом коричневые кусты. Домики в селении укрылись белыми нарядными шапками, отчего стали похожи на сказочные.

Фрау Кутчера, экономка Зайдельбаха, расчищала дорожку от снега. Увидев Коринну, она поздоровалась с ней, как обычно.

Доктор уже завтракал. Когда вошла Коринна, он поставил для нее кофе. Себе он заваривал мятный чай, который готовил из собранной и высушенной им самим мяты.

Они сидели у окна, из которого вдова Ерентрайх обычно наблюдала за сельской площадью. Зайдельбах достал из пузатой склянки несколько листиков чая и бросил их в заварник.

— Я сейчас приготовлю вам чай, — предложила Коринна и понесла заварник в кухню. На плите уже кипел чайник. Коринна встряхнула содержимое крошечного пакетика и, достав нож, поддела на его кончик немного белого порошка, а затем высыпала его на листики чая. Фред уверял ее в том, что порошок этот не имеет ни вкуса, ни запаха и абсолютно безвреден, а на человека он действует так, как будто тот впервые в жизни выкурил крепкую сигарету.

Запах свежего кофе смешался с запахом мяты. Коринна палила сквозь ситечко в чашку доктора чай.

— Вам нездоровится, Коринна? — с участием спросил доктор у девушки, отпивая из чашки чай.

— Да... А как вы об этом догадались?

— Вы очень бледны.

Она опустила глаза и сказала, что ночью плохо спала, так как накануне поссорилась с Горицей. Зайдельбах понимающе кивнул и замолчал.

Спустя час Зайдельбах пожаловался на то, что он неважно себя чувствует. Он сильно побледнел, и его то и дело бросало в дрожь. Немного погодя у доктора появился жар. Когда столбик термометра дополз до деления «39», Коринна испугалась: ведь Фред говорил ей, что от этого порошка у человека бывает лишь легкий озноб... А что ей делать, если Зайдельбах разболеется не на шутку?

Тем временем фрау Кутчера уехала в районный центр. Перед отъездом она сварила доктору рис, и Коринна предложила доктору поесть. Но Зайдельбах наотрез отказался от еды и лег в кровать. Скоро жар сменился ознобом. Не на шутку перепуганная, Коринна крутилась возле Зайдельбаха, стараясь как-то помочь ему.

Когда доктор наконец уснул, она безо всякого аппетита поела. Она понимала, что наступило время действовать.

Когда Коринна входила в комнату с кактусами, дверь тихонько закрипела. Девушка замерла и прислушалась, но все было тихо.

Коринна поставила стул рядом с полкой, на которой стояли кактусы, и повесила на спинку стула шарф, который служил сигналом, что порошок подействовал. Затем она выглянула в окошко: сад лежал в белой нетроутости; ветки кустарника низко наклонились к земле под тяжестью снега. Человек, решивший подойти к дому с задней стороны, наверняка оставит следы на снегу.

Коринна дивилась разнообразию кактусов, некоторые из которых цвели. Любимый цветок доктора стоял на своем обычном месте. Коринна немного помедлила, не решаясь дотронуться до цветочного горшка.

«А что, если никакого микрофильма в нем нет?» — это сомнение привело ее в некоторую растерянность. На какой-то миг ей показалось богохульством добиваться своей преступной цели, опираясь на цитату из Библии.

Она взяла горшок в руки и вынула из него кактус

вместе с корнями, растение вынулось довольно легко. А когда она увидела на дне цветочного горшка маленький предмет в форме эллипса, у нее перехватило дыхание, и кровь прилила к лицу. Предмет оказался размером с большой палец. Она мигом вынула его из горшка, в который тут же вложила кактус. На цыпочках Коринна вышла из комнаты и подошла к двери спальни, из-за которой слышалось громкое дыхание спящего Зайдельбаха.

Фред Горица остановил свою машину перед селением и, выйдя из нее, пошел неторопливым шагом, каким обычно прогуливаются прохожие, решившие понаслаждаться первым снегом и красивым зимним пейзажем. Однако он не рассчитывал на столь ветреную погоду, иначе он захватил бы с собой лыжи. Ветер оказался сильным, и Фред то и дело увязал в глубоком снегу. Шел он по дороге, которая проходила позади домов, из окон которых, как ему казалось, за ним наблюдали любопытные хозяева.

Дом, купленный Зайдельбахом, он узнал еще издалеку по большому окну комнаты, в которой росли кактусы. Сломав несколько дряхлых штакетов в изгороди, он пролез через образовавшуюся дыру в сад. Посмотрев в окно, он сразу же увидел шарф Коринны, повешенный на спинку стула.

Дверь оказалась незапертой. Горица отворил ее и оглянулся; взгляд его упал на свои отчетливые следы на снегу, которые вели от дыры в изгороди через палисадник прямо к дому. Коринна ожидала его в сенях. Приложив палец к губам, она тут же передала Фреду загадочный эллипс.

Фред с такой осторожностью взял его в руку, как будто это был динамит. Вынув из кармана огарок свечи, предусмотрительно захваченный им из дома, он зажег его. Осторожно он открыл эллипс кончиком перочинного ножа, а затем перевернул и вытряхнул себе на ладонь его содержимое. На его руке лежала крошечная металлическая капсула с откручивающейся крышкой, в которой хранился тоненький рулончик микрофильма. Рулончик Фред осторожно переложил в миниатюрный целлофановый пакетик, а затем, достав из кармана другой, точно такой же рулончик, вложил его в капсулу и завернул крышку. Вложив капсулу в предохранитель-

ный эллипс, Фред в течение нескольких секунд подержал его над пламенем свечи, чтобы с него исчезли следы от пальцев.

— Положи его обратно, на свое место, — прошептал он.

Коринна понимающе кивнула. Она знала, о чем сейчас думал Фред: узнав о пропаже прототипов, Зайдельбах, по-видимому, утешался мыслью, что процесс производства является его личной тайной и потому все расчеты и формулы заснял на микрофильм.

Услышав голос доктора, который громко звал Коринну, она махнула Фреду и поспешила к старику, у которого снова поднялась температура. Она пообещала ему приготовить жаропонижающий компресс.

Однако, прежде чем пройти в ванную, Коринна успела положить эллипс с микрофильмом на свое место — на дно цветочного горшка. Только после этого она с облегчением вздохнула. И тут ее охватила радость, какая бывает у человека, добившегося большого успеха: настоящий микрофильм теперь находится в их с Фредом распоряжении, а это означает, что скоро она станет обладательницей чека на один миллион марок!

Горица же тем временем поспешно прошел в помещение, где крестьяне обычно хранят различные хозяйственные инструменты. Ключ, который он достал из кармана, к двери подошел. Разбросав ногой солому, он отыскал люк в подвал, который был заперт. Фред тихо выругался: Коринна, видимо, плохо сняла отпечаток с ключа, и замок никак не открывался.

Вспомнив, что в коридоре он видел ломик, Фред принес его и с его помощью сорвал замок. Подняв крышку люка, он спустился вниз.

К вечеру Зайдельбаху стало лучше: жар спал, но профессор чувствовал сильную слабость. Коринна предложила свою помощь, но он отказался, сославшись на то, что фрау Кутчера вполне справится одна.

Геральд фон Венген был в тот день явно не в духе. Пройдя контрольный пост, он очутился возле лифта высотного дома «ВОМА». Он намеревался поговорить с Линдштедтом, но того якобы не было на месте. Специальным лифтом он поднялся на одиннадцатый этаж. Охранник, прежде чем открыть лифт, заглянул в кабину: он был из новеньких и не знал фон Венгена в лицо.

Фон Венгена принял директор Виндиш, принял настолько приветливо, что даже угостил тем редким сортом виски, который в «Посейдоне» слыл за фирменный папиток, а затем высказал пожелание в ближайшем будущем сотрудничать с отставным генералом более тесно. От такого приема настроение у фон Венгена сразу же стало лучше. Правда, вскоре оно снова испортилось.

— Я имею в виду сотрудничество в операции «Степной барашек», — пояснил Виндиш.

Фон Венген кивнул. Он давно ждал возможности, чтобы загладить провал майора Вольнофа успешной операцией.

«Будет до чертиков обидно, если мы не справимся с этим Лорхером. Небось снова придется отчитываться по этому делу самому Линдштедту», — раздраженно подумал он.

— Мы готовы довести прерванную по приказу акцию до конца! — заявил Виндиш.

Фон Венген кивнул. С мнением Виндиша он не мог не считаться. Таким образом, указание Липдштедта, которое тот отдал ранее, о необходимости выжидания подходящего момента, то есть когда фирма «Лорхер и Зайдельбах» выпустит свое новое оружие, было отныне отменено.

Виндиш так вертел свой бокал с виски, что кусочки льда тихо постукивали о стекло.

— На этот раз мы поручили проведение операции спецслужбе, — как бы между прочим заметил Виндиш. — Я уже обо всем договорился с господином Бройером!

Фон Венген осмелился заметить, что он удивлен таким решением, а про себя подумал о том, что в случае новой неудачи с него не будет снята вина за прежний промах.

— Вы уверены в правильности этого решения? — с недоверием поинтересовался он.

— Мы полагаем, что это верное решение, господин генерал, — уверенно сказал Виндиш и начал перечислять факты, с которыми трудно было не согласиться. — Прежде всего, спецслужба не связана никакими уставами. К тому же господин Бройер располагает вполне квалифицированными кадрами! А самое главное, как мне кажется, заключается в том, что он никогда не приказывает, а сами задания раздаются им как своеобразные награды, поощрения или же премии!

— Мы также прибегаем к такого рода стимулированию, — робко напомнил фон Венген.

— Допускаю, господин генерал! Но важен также и дух, который царит в их организации! Как это однажды выразился господин Бройер?.. Это, он говорил, мародеры двадцатого века, ландскнехты такого типа, которые будут из кожи лезть ради того, кто больше заплатит!

Геральд фон Венген сморщился и проговорил:

— Я сомневаюсь, чтобы такой критерий всегда приводил к успеху!..

Виндиш пожал плечами и заметил, что дискутировать по этому поводу, по его мнению, означает только попусту терять время.

Мысль потребовать у Вольнофа обратно задаток отнюдь не воодушевила отставного генерала. Он был уверен, что майор большую часть тех денег уже успел израсходовать.

— Нам необходима ваша поддержка, господин генерал, — объяснил Виндиш. — Договоритесь, пожалуйста, с майором Вольнофом о том, чтобы он при выполнении операции не вставлял нам палки в колеса со своей охраной!

Фон Венген кивнул, в то же время понимая, что Вольноф вряд ли стал бы это делать.

— А мы в качестве награды за это спишем с вас половину определенной суммы, — проговорил Виндиш и быстро добавил: — Разумеется, в случае успеха!

— А остальная сумма?

— Без обложения процентами останется за вами до лучших времен.

— При этих условиях, — с облегчением заметил генерал, — я заранее гарантирую вам согласие Вольнофа. — Про себя же он подумал о том, что оставшуюся за ними сумму можно будет списать в счет возмещения ущерба, нанесенного сестре обер-лейтенанта Хойслера. Он, правда, не исключал, что такое намерение может встретить непонимание, и потому не стал его сейчас высказывать.

Затем Виндиш назвал даты и сроки. Все это фон Венген выслушал с противоречивым чувством: с одной стороны, он считал вполне своевременным снятие этой темы с повестки дня, а с другой — не завидовал спецслужбе, если она потерпит такой же крах, какой постиг Вольнофа.

Директор Виндиш наполнил бокалы, не обращая

внимания на отрицательный жест генерала, и перевел разговор в более веселое русло. Он стал говорить о клубе «Посейдон», о том, что обер-кельнер Буссе в конце года покидает ресторан клуба, намереваясь открыть собственное заведение подобного рода во Франкфурте, неподалеку от Фридрих-штрассе.

— Вы когда-нибудь видели Буссе пьяным? — спросил Виндиш, усмехаясь.

— Буссе?.. Никогда!

— Мы великолепно повеселились, когда он вынес наши пресловутые пепельницы в виде Посейдона. Ну прямо-таки как в варьете! А одного он затащил прямо в озеро!

Из этого разговора фон Венген сделал вывод, что Виндиш тоже считает эти пепельницы мерзостью.

Двое мужчин в зеленых куртках и меховых шапках шли по снегу, подтаявшему возле каждой сосны. Кое-где валялась шелуха от шишек, которыми лакомились белки. Местами на снегу виднелись лисьи следы.

Мужчины вели разговор о том, как им лучше вывести отсюда древесину. Ветра в тот день не было, и деревья стояли не шелохнувшись. Лишь со стороны автостреды доносился шум автомобилей. Один из мужчин, что был постарше, остановился возле дерева и записал в блокнот маркировку со ствола.

— Посмотри-ка туда! — проговорил тот, что был помоложе, и показал рукой вперед.

В том направлении, куда он показывал, от дороги ответвлялась пешеходная тропа, возле которой стоял покрытый снежной шапкой голубой «опель». Судя по тому, что под машиной не было снега, простоял он здесь не менее двух суток. Дверцы машины были заперты, внутри никого не было. Можно было подумать, что машина эта была кем-то украдена, а затем брошена или же на ней, ища уединения, сюда намеренно заехала любовная парочка.

Оба мужчины решили пройти к лесной избушке неподалеку, чтобы посмотреть, не живет ли кто в ней.

— А если парочка там? — спросил молодой.

— Определить, есть в доме кто-нибудь или нет — это мы с тобой лучше любого полицейского сумеем.

Они сошли с тропы и, переходя от дерева к дереву, вышли на небольшую поляну. Засыпанная снегом из-

бушка походила на декорацию из фильма с зимним пейзажем. Печная труба не дымилась.

— Там кто-то лежит!.. — воскликнул старший.

Они подбежали к лежавшему и сразу поняли, что перед ними труп. Молодой нагнулся над ним, но пожилой остановил его:

— Не трожь его, ему уже ничем не поможешь!

Мертвый лежал с откинутой в сторону правой рукой, из чего можно было сделать вывод, что он упал с крыльца. Нависшая часть крыши веранды защитила труп от снега, под которым оказалась только правая рука. На мертвом было зеленое кожаное пальто, галифе, краги и башмаки. Шагах в двух от него валялась охотничья шляпа, видимо свалившаяся с головы во время падения. Мужчина был убит выстрелом снизу, так как пуля прошла под подбородком и застряла где-то в голове. Выстрел, судя по всему, привел к моментальной смерти.

— Интересно, что стреляли в него в тот момент, когда он выходил из дома! Ты что-нибудь понимаешь? — спросил пожилой у молодого.

Молодой только пожал плечами, а сам подумал о том, что надо поскорее сообщить о случившемся в полицию, ведь за заявление до установления личности убитого полагалось вознаграждение в пятьдесят марок. Полиции сообщалось специальное слово — пароль, знание которого и давало право на получение такого вознаграждения.

— Пусть нашим паролем будут слова «лесная избушка», — предложил пожилой.

В бумажнике убитого они нашли шесть пятидесяти-марковых банкнот, удостоверение на право вождения машины с его фотографией.

— Посмотри-ка, удостоверение личности! — воскликнул вдруг молодой.

Убитым оказался капитан бундесвера Герхард Венцель.

В пивной стоял привычный шум и гвалт, однако Марта Фенске была явно недовольна сегодняшними посетителями: одеты бог знает как, у многих одежда и липа покрыты слоем пыли... Такие обычно заказывают одно пиво. Марте были больше по душе отпускники, приезжающие на лоно природы из города, ну а уж самыми лучшими гостями бывали компании — слеты различного

рода союзов и обществ, участники которых, как правило, приезжали на автобусе, просиживали в пивной по нескольку часов, много пили и ели, принося Марте неплохой доход.

Сегодняшние же гости были совсем другого рода, похожие скорее на школьников, которые обычно пьют один лимонад. Странно было то, что в эту компанию входили люди самых различных возрастов. Одних Марта приняла за студентов, другие казались ей безработными; были среди них и девушки, и молодые женщины, но все они были бедны, курили дешевые сигареты и подолгу сидели за одной кружкой пива и бутербродом. Сколько Марта ни ломала голову, но так и не додумалась, что же, собственно, могло объединять этих людей и привести в эти края.

— Посмотри-ка, вон там наша Нелли, — шепнула Марта Паулю, когда он вернулся из винного погреба.

И действительно, у одного из столиков, за которым сидели трое молодых мужчин и одна женщина, стояла Нелли. Она горячо спорила с ними о чем-то. Неизвестно каким образом, но Нелли, судя по всему, была знакома с этими людьми. И вдруг Марту осенило, что приезд сюда племянницы и эта странная встреча — все это отнюдь не случайно. При одной мысли об этом Марте стало как-то не по себе. Она чувствовала, что от этих людей исходила какая-то скрытая опасность...

В этот момент один старик подошел к пивной стойке и попросил дать ему такого табака, какого у Марты сроду не бывало, так как в Кизебютеле такого дешевого табака никто никогда не курил.

Увидев Пауля, старик на миг остоленел, а затем воскликнул:

— Вот это встреча! Ты еще жив? А я уж думал, что Пауля Гертнера давно нет в живых!..

Ромер вздрогнул. Он побледнел и холодно сказал:

— Вы, видимо, ошиблись, моя фамилия Ромер!

Марта заметила, какими глазами Пауль посмотрел на старика. Она одна знала (не считая самого старика), что прежде фамилия Пауля была именно такая — Гертнер.

Старик смущенно пробормотал извинения и начал было уверять, что этот господин как две капли воды похож на одного его знакомого.

Пауль предпочел выйти в коридор, а когда старик направился в туалет, Марта видела, как Пауль пошел

вслед за ним. Вскоре старик вернулся к своему столику и заказал всем сидевшим за ним по кружке пива, рюмке шнапса и по порции омлета. Марта сразу же позвала Нелли, чтобы та немедленно получила со странного посетителя деньги, и тот, достав из кармана бумажку в пятьдесят марок, сразу же расплатился.

За одним из столиков сидел Крампен с какой-то женщиной, которая приехала в собственном автомобиле. По манере разговора и жестам Марта поняла, что отношения между ними были далеко не официальными. И в то же время они как-то по-деловому вели разговор, из чего Марта решила, что они могли быть разведенными супругами.

— Почему ты все еще торчишь в этой дыре? — спросила Крампена Инна (это была она).

— Буду торчать здесь до тех пор, пока старик не получит страховку. — ответил Крампен и тут же спросил: — А ты что здесь делаешь?

— Работаю, — ответила она равнодушно. — Пришлось сделать пластическую операцию, так что с тебя причитается пять тысяч!

Крампен не стал возражать и, достав из бумажника чек, протянул его Инне.

Женщина с недоверием посмотрела на чек, так как всегда предпочитала получать наличными, а про себя подумала о том, что дела у Крампена, видимо, идут не так уж плохо, иначе он наотрез отказался бы помочь ей.

— Твое ателье снял какой-то художник, — сказала Инна. — Ты что, решил открыть новое ателье?

— Пока еще не знаю, — ответил Крампен. — А тебя это очень интересует?

— Нисколько, — откровенно призналась Инна. — Я только хотела узнать: неужели ты опять нашел себе новую дурочку? Уж так устроен этот свет, что есть в нем и хитрецы, и глупцы, а последние для того и существуют, чтобы добывать для хитрецов деньги. Однако в наше время хитрость в чистом виде уже не встречается, она почти всегда сочетается с жестокостью! И горе глупцу, если он не участвует в игре!..

— Ты говоришь ерунду! — оборвал ее Крампен.

— Мне пора идти, — проговорила Инна, вставая.

Крампен проводил ее до выхода. Инна подумала о том, стоит ли ей на прощание подавать руку Крампену, но, увидев, что он держит руки в карманах, она лишь пожала плечами и стремительно вышла.

Пауль вдруг сказал Марте, что он скверно себя чувствует и хочет выйти подышать свежим воздухом. Она молча кивнула ему и увидела, что он сунул в карман несколько сигар.

Нелли мыла посуду. Крампен, вернувшись за свой столик, выпил шесть двойных порций коньяка, а когда Нелли принесла ему седьмую рюмку, он похлопал ее по плечу, а затем опустил руку вниз до бедра. И в тот же миг Марта услышала звук звонкой пощечины, а затем увидела, как Крампен схватился за щеку. Марта была удивлена. Нелли, насколько она знала, не была слишком щепетильной и относилась довольно терпеливо к ее гостям. Зачем же она тогда влепила пощечину этому Крампену?

Вызвав племянницу в кухню, Марта потребовала у нее объяснений.

— Я не потерплю, чтобы меня каждый лапал! — ответила девушка с раздражением.

Марта Фенске задумалась. В районных газетах она как-то читала о том, что на пиротехнической фабрике «Лорхер и Зайдельбах» занимаются выпуском нового оружия, которое лишает людей зрения. Об этом же говорили и ее странные гости, обрывки фраз которых она слышала. Как она поняла, сюда они приехали для того, чтобы организовать демонстрацию протеста.

— Ты имеешь какое-то отношение к этим сумасшедшим? — спросила Марта.

— Да, а тебя это беспокоит?

— Я чувствовала, что ты здесь появилась не случайно! Догадывалась, что сюда тебя привели отнюдь не родственные чувства к тетке. Ты задумала что-то плохое... — Марта подождала, надеясь, что Нелли станет возражать ей.

Однако Нелли не стала разубеждать Марту, чем еще больше разозлила ее.

— Я тебе вот что скажу: я вовсе не хочу, чтобы из-за этих красных закрыли мое заведение!

И тут Нелли неожиданно поняла, что злость ее тетки направлена не столько против нее, сколько против тех людей, которые приехали в Кизеботель, среди которых оказался и старик, который, по-видимому, знал что-то страшное из прежней жизни Пауля.

— Скажи Крампену, что если он еще раз попытается ночью пройти в мой номер, то мои друзья его избьют!

— Это ты сама ему скажи! — проворчала Марта, гордясь в душе тем, что ее племянница не относится к числу тех женщин, которые готовы лечь в постель с первым попавшимся мужчиной. Однако упоминание Нелли о своих друзьях не понравилось Марте.

— Ну и хороши же у тебя друзья! — язвительно усмехнулась Марта, принимая от племянницы стопку посуды и ставя ее в моечный автомат. — Наверно, по ним тюрьма плачет!..

Нелли изменилась в лице, но все-таки сдержалась.

— Ты права. Время от времени так оно и бывает, когда прогрессивно мыслящие граждане берут в свои руки инициативу и начинают действовать, чтобы хоть что-то изменить в этом паршивом государстве! Но тебя это ни в коем случае не касается, так что тебе нечего бояться!

— Как тебя следует понимать?

— Если человек сам живет в стеклянном доме, то он не должен бросаться камнями в других.

— Не говори ерунды! — раздраженно бросила Марта.

— А разве ты не знаешь, что твой дорогой Пауль четыре года просидел в тюрьме? — спросила Нелли, с недоверием глядя на тетушку.

Марта побледнела, у нее даже задрожали колени, и она опустилась на скамейку.

— Нет, — еле слышно ответила она.

— Старик, что хотел купить табак, узнал его! Они жили в одном лагерном бараке!

— А ты откуда все это знаешь?

— Я тоже одно время смотрела на солнце через решетку, — усмехнулась Нелли. — Но тебе бояться нечего: всего лишь четыре недели ареста за участие в демонстрации протеста в Западном Берлине. Потом меня выпустили.

Слова Нелли Марта пропустила мимо ушей, так она была ошеломлена известием о том, что ее Пауль просидел четыре года в тюрьме. Она не сомневалась в том, что это была правда, — слишком заметно было выражение страха на лице Пауля.

Марта беззвучно заплакала. Нелли испуганно посмотрела на тетушку и, поставив посуду на стол, подошла к ней и прижала ее голову к себе.

В коридоре загудел зуммер, Горица нажал на кнопку переговорного устройства и, приблизив лицо к микрофону, сказал:

— Да, я слушаю!

— Фред, это ты? Я не помешал? Если нет, то я бы зашел к тебе на минутку.

— Ну давай! — Горица нажал на автоматический запор.

Калле Пильц редко навещал его, а уж если приходил, то не без дела. Вот и сегодня, в такую ужасную погоду, когда, как говорится, хороший хозяин и собаку из дому не выгонит, Пильц все же пришел.

На нем было модное меховое пальто, в котором он выглядел еще более бесформенным, а на голове меховая шапка. Раздевшись в прихожей, Пильц прошел за Фредом в комнату. Там он сразу же подошел к окошку и посмотрел вниз — он всегда это делал, когда оказывался в высотном доме. Ему было забавно смотреть вниз на крохотные, словно игрушечные автомобили и на замерзший пруд, похожий на пасхальное яйцо.

— Садись, Калле, — предложил Горица, — не за тем же ты пришел, чтобы поглазеть в мое окошко?

Пильц пригладил непокорные волосы и сказал:

— Разумеется, не за этим... Нет ли у тебя случайно пива?

Фред принес из кухни две банки пива, открыл их и наполнил стаканы.

Пильц выпил пиво и наконец сообщил:

— Вчера меня босс к себе вызывал!

— Ага, выходит, ты опять на мели?

— Ошибаешься, напротив! Он мне одно выгодное дельце предложил! Представь себе: получить паличными десять тысяч! Правда, не сразу, а двумя частями!

Это было действительно редкое и довольно лестное предложение. Обычно Бройер не бросался такими суммами.

— Выходит, что тебе повезло? — спросил Горица.

Пильц тяжело вздохнул:

— Это еще бабушка надвое сказала!.. Речь идет о пиротехнической фабрике в пустоши. Да ты ее знаешь!

Фред кивнул:

— Ты имеешь в виду фирму «Лорхер и Зайдельбах»?

— Точно. Помнишь летнюю сенсацию?..

И Пильц признался Горице, что пришел к нему по-

советоваться. При этом он не скрывал и того, что ему и половины суммы вполне хватило бы: его старшая дочка хочет окончить школу манекенщиц, а для этого нужны деньги. С другой стороны, Пильц не забыл и того, как на подобном же деле погорел начальник охраны Хойслер. Ведь все кончилось его гибелью!

— Если смотреть на это дело с этой точки зрения, то пять тысяч не такая уж огромная сумма, — задумчиво произнес Калле. — Скажи мне честно, Фред, братся мне за это дело или нет?

— Чтобы советовать, я должен знать кое-какие детали.

— Разумеется, — согласился Пильц. — Задание конкретное: очистить сейф в старой лаборатории — забрать из него один ящик с ослепляющими зарядами и всю документацию!

— Задание ясное, — подтвердил Горица. — Поскольку спецслужба засекретила сейф, снабдив его специальным сигнальным устройством, тебе наверняка сообщат код, чтобы ты мог отключить сигнализацию, не так ли?

— К сожалению, кода я знать не буду! — Пильц тяжело вздохнул и сказал, что отгадать код будет нелегко.

— И кого же тебе дает Бройер в помощники? — поинтересовался Фред.

— В этом-то и вся загвоздка! Я сам должен найти себе помощника!

Горица был удивлен, так как обычно все бывало иначе. Бройер хорошо знал своих людей и понимал, кто с кем совместим, а кто — нет, ведь от этого часто зависел успех выполнения задания. Тот факт, что криминальный директор поручил такое задание Калле Пильцу, свидетельствовал о том, что на сей раз речь идет не просто о секретной акции, а, скорее, об очень важной операции. Пильц не стал этого отрицать.

Горица назвал Пильцу несколько фамилий, и тот признался, что он и сам подумывал об этих людях.

— Честно говоря, Фред, я побаиваюсь, как бы и на этот раз все не повторилось! Правда, охрана мне мешать не станет!

— Это тебе Бройер сам сказал?

— Намекнул.

Горица задумался: хотя Зайдельбах и уверял, что в сейфе лежат не оригиналы, но кто может гарантировать, что Лорхер без ведома своего компаньона один настоя-

щий заряд не приведет в состояние готовности и не установит в сейфе? В инциденте с Хойслером Зайдельбах не имел об этом ни малейшего представления.

— А если тебя сцапает Лорхер, когда ты откроешь сейф? А вдруг там опять устроена ловушка?

— Я тоже об этом думал, Фред!.. А у тебя нет желания пойти на это дело вместе со мной? — вдруг предложил Пильц.

Горице предложение понравилось. Вот когда ему предоставляется возможность посчитаться с Лорхером! Однако он сделал удивленный вид и сказал:

— Мой дорогой Калле, ты забываешь, что я больше уже не служу в той фирме!

— Бройер сказал, что это не имеет никакого значения!

— Вот как! А тебе не кажется, что ты не туда гнешь?

— Видишь ли, такое со мной всегда случается, когда я начинаю дипломатничать. А ты знаешь, что сказал Бройер? «Дорогой господин Пильц, вполне возможно, что господин Горица согласится пойти на это дело, так как у него есть свой счет к Лорхеру!»

— Тут еще, как ты выражаешься, бабушка надвое сказала!

— Я хорошо сделаю, сказал босс, если передам инициативу в твои руки: ты теперь уже не сотрудник спецслужбы, формально он уже не имеет права давать тебе указания. Однако ему все же очень хочется поговорить с тобой перед этим. Если ты согласен, то подъезжай к нему завтра в десять тридцать! — Сказав все это, Пильц с облегчением вздохнул. На вопрос Горицы, есть ли у него еще что сказать, он только покачал головой.

12. РАСЧЕТЫ

Спустя несколько недель Горица припарковал свой автомобиль в подземном гараже высотного дома «Ганза» и поднялся на скоростном лифте на семнадцатый этаж. Стрелки часов в коридоре показывали девять часов двадцать семь минут.

— Хэлло, Вероника! — поздоровался Горица с секретаршей.

— Хэлло, Фред! — ответила та, пристально взглянув на его «дипломат»; всех других обычно пропускали через специальную рентгеновскую установку.

Как только Вероника нажала на особую кнопку на своем пульте, дверь перед ним распахнулась и он оказался в бюро, в котором проработал несколько лет. Ему хотелось быть пунктуальным. Бройер вышел ему навстречу из-за стола, что он делал далеко не всегда. Он был как никогда гибок и подвижен: два последних года он занимался гимнастикой по особой системе. В кабинете приятно пахло душистым табаком.

Артур Бройер принял свою излюбленную позу: спиной прислонился к подоконнику. Стоя так, что его лицо падало в тени, он внимательно смотрел на лицо гостя, освещенное ярким утренним светом.

Мундштуком своей трубки Бройер ткнул в сторону «дипломата» и спросил:

— В нем атомная бомба?

— Нет, всего лишь нитроглицерин.

Фред усмехнулся: он хорошо продумал каждый свой шаг. Он не собирался вызывать недоверия у старого хитрого лиса, а преподносить подарки в этом ведомстве было как-то не принято. Он как бы подкупал своим спокойствием и надежной гарантией на будущее. Было очень важно, чтобы они разошлись с Артуром Бройером мирно. Горица молчал, так как Артур сам пожелал начать беседу с ним.

Криминальный директор прокашлялся, а затем спросил:

— Сам факт, что ты пришел ко мне, видимо, свидетельствует, что ты по достоинству оценил предложение Пильца, не так ли?

— Да, причину ты знаешь сам!

— Разумеется. Только не воспринимай библейское выражение «око за око, зуб за зуб» в буквальном смысле слова!

— Ты имеешь в виду, чтобы все обошлось без жертв? Будь спокоен, это не стиль моей работы!

— Я знаю, ты не гангстер; однако с Пильцем, как ты знаешь, возможны и неожиданности. Меня успокаивает то, что ты там будешь. Я уже сожалею, что ты теперь не у нас!..

— Меня радует, что ты сожалеешь обо мне. — Фред умолчал о том, что он решил поделиться с Пильцем одной половиной, дабы не портить с ним отношений. «Знаешь, в жизни всякое бывает... Всегда приятно знать, что у тебя где-то есть друг, который в случае чего придет к тебе на помощь», — сказал он Пильцу.

Бройер уселся напротив Горицы и закурил.

Фред приблизился к нему и сказал:

— Я полагаю, что понадобился тебе не только для того, чтобы контролировать Пильца? Ты не был бы боссом этой конторы, если бы не был способен на нечто большее, особенное!

Артур Бройер усмехнулся:

— Я был бы разочарован, если бы ты позабыл о том, что ты прошел через мою школу.

С этими словами Бройер перешел к делу и тут же проинформировал Горицу о договоренности с директором «ВОМА». При этом он не забыл похвалить откровенность Виндиша. «ВОМА» отнюдь не собиралась финансировать эту операцию ради того, чтобы заполучить в свои руки копии документации. Директор Виндиш потребовал передачи всего материала, который находится в стадии, близкой к завершению.

Бройер умолк. На лице у Горицы застыла та самая усмешка, которая у него означала предвкушение триумфа.

— Что тебя так развеселило?

— Мне уж и повеселиться нельзя, Артур? А ты разве никогда не наслаждался чувством, какое бывает у человека, когда у него в запасе есть важный козырь?

— А он у тебя есть? — осведомился Бройер, выпуская из рта густое облачко табачного дыма. — Что ж, прекрасно!

— Я могу заставить Лорхера дрожать от страха, а что касается операции, дорогой Артур, то я предлагаю отменить ее вовсе!

— Ты с ума сошел! Почему?! — От удивления у Бройера чуть было не выпала трубка из рта. Он изумленно уставился на своего собеседника.

— Мне нетрудно догадаться, чего ты хочешь!

— Верно! Пилец задержит Лорхера в соседнем помещении, ну, скажем, за партией в шахматы; ему не обязательно видеть, как ты снимаешь копии. Для того чтобы все сделать как следует, тебе потребуется не менее двух часов... — Голос у Бройера звучал почему-то не очень уверенно и убедительно. — Фред, скажи мне наконец, почему ты считаешь, что операцию надо отменить?

— Только потому, что в том сейфе одна чепуха!

— Этого не может быть!

— Однако это так! — Горица ехидно усмехнулся. — Ослепляющие заряды еще нужно доводить и доводить, а

те, что лежат в сейфе, вообще сделаны из самого обыкновенного гипса! Что же касается самой документации, то вместо нее там находится одна макулатура! Самое же комичное здесь то, что сам Лорхер ничего об этом не знает!

Бройер вскочил и забегал взад и вперед по кабинету, перечисляя факты, которые должны были убедить Горицу в том, что спецслужба никогда не выпускала его из поля зрения и хорошо проинформирована о большинстве его дел.

— Я должен сделать тебе, Фред, один упрек! Ты попытался однажды завести меня в заблуждение, и я чуть было не попался на твой крючок! Все твои интересы с самого начала так или иначе сходились на ослепляющем оружии и меньше всего на выяснении печального инцидента, произошедшего с Хойслером! Вот почему, собственно, тебе понадобилась и поездка в Цюрих, и встреча с Хонигманом в Мюнхене!..

Горица старался не встречаться взглядом с Бройером. Его интересовало то, знал ли Артур, что фирма «Лайсинг-оптик» уже перевела на его счет в Цюрихском банке сумму в восемьсот тысяч швейцарских франков... Неужели дело с защитными очками доктора Зайдельбаха провалилось? Нет, этого не могло быть! Убедив себя, что это не так, Фред с облегчением вздохнул.

Бройер остановился перед ним и спросил:

— Ты, кажется, не без успеха подсадил к доктору Зайдельбаху сестру Хойслера?

Горица кивнул и начал объяснять: ученый довольно своеобразно мстит Лорхеру за то, что тот в течение многих лет подло использовал его в своих целях, а в деле с защитным стеклом прямо-таки продал его.

— В таком случае, где же сейчас находится настоящая документация и оригинальные ослепляющие заряды?

— Вот в этом чемоданчике! — с этими словами Горица показал на свой «дипломат».

Фред почти как фокусник положил элегантный «дипломат» на стол и открыл его. В нем лежали завернутые в салфетки четыре «страусиных яйца». Горица снял с них салфетки жестом торговца, который предлагает покупателю весьма необычный товар!

Бройер мундштуком своей трубки показал на пластиковое кольцо и произнес:

— А если это сорвать?..

— Тогда блеснет белая молния и с нами произойдет то же самое, что случилось с Хойслером!

— А эти экземпляры не из гипса?.. — недоверчиво осведомился Бройер.

— Может, попробуем?

— Ты с ума сошел!.. А документация?

Горица достал из кармана куртки маленький целлофановый пакетик, держа его двумя пальцами, в котором виднелся черный рулончик.

— Она вот здесь!

Бройер повалился в кресло и, откинув голову на спинку, уставился неподвижным взглядом в потолок. Взяв себя в руки, он стал вслух размышлять:

— Задание «ВОМА» такое: обеспечить безопасность содержимого сейфа фирмы «Лорхер и Зайдельбах»! А уж что в нем находится: оригиналы или лжекопии — это нас не касается!

Горица, как и раньше, принял условия этой игры:

— «ВОМА» скоро узнает, что материал этот бесценен, и не станет винить за это нашу спецслужбу. Однако сама фирма начнет подозревать, что ее проводят!..

— Но поскольку некий Горица уже является владельцем настоящих ослепляющих зарядов с соответствующей документацией в виде микрофильма, начнется конкурентная борьба «ВОМА» с производителем ослепляющего оружия, и тогда...

— А спецслужба тем временем понесет невосполнимые потери, — перебил его Горица. — Твой дорогой Фред настолько связан со своим партнером, что приносит ему четыре настоящих заряда, с тем чтобы тот передал их «ВОМА»!

Однако Бройер недолго находился в состоянии размышления. Вскоре он вскочил на ноги и, повернувшись к гостю, спросил:

— А микрофильм?

— Сделай с него достаточное количество копий!

Несмотря на свою привычку, на этот раз Бройер не смог скрыть того, что представившаяся ему новая возможность полностью очаровала его; раздражало только то, что сам Горица казался не очень-то воодушевленным. Бройер понимал, что нужно быть полным идиотом, чтобы отдать «ВОМА» заряды в виде простого подарка.

— Я думаю сейчас об использовании нового оружия!

Горица усмехнулся с чувством превосходства.

— Давай действовать сообща, Артур! Будет лучше

всего, если мы одновременно обделаем свои сделки, чтобы избежать паники! Тебе я оставляю Хонигмана, как и обещал раньше!

Бройер все меньше и меньше понимал Горицу и потому решил действовать. Сначала он положил четыре «страусиных яйца» в стенной шкаф, а затем вместе с Горицей поспешно направился в фотолабораторию.

Микрофильм заложили в специальный прибор, который настолько увеличивал оригиналы, что их можно было читать. Однако на пленке оказались такие сложные формулы, что расшифровать их с ходу никто не смог. Бройер приказал сделать целую дюжину копий.

Фред неохотно передал Артуру гешафт с Хонигманом, поскольку обманывать израильтянина было опасно. Не без намека Бенно рассказал ему случай, произошедший с одним французским торговцем оружия, который поставил недоброкачественное вооружение, а спустя три недели был убит из проезжавшей мимо автомашины двумя неизвестными.

Для Хонигмана, как и для Бройера, эта договоренность оставалась в силе. Было опасно иметь Хонигмана в числе врагов. В Цюрихском банке уже ожидали поступления одного миллиона швейцарских франков, курс которых был на десять процентов выше марки. Фред был убежден в том, что не допустил в этом деле никаких ошибок.

— Я за то, чтобы продать новое оружие и странам Варшавского пакта! — заявил Горица.

— Продать нашему потенциальному врагу?! — Бройер с недоумением уставился на него.

— А почему бы и нет, если оно представляет собой всего лишь яйцо без зародыша!

— Яйцо без зародыша?.. — обалдело повторил Бройер.

Горица, довольный, усмехнулся и объяснил, что так пазываемый эффект Зайдельбаха, который состоит в поражении зрительного нерва, действителен только в закрытом помещении, а о применении этого оружия на поле боя и говорить не приходится.

С трудом суть сказанного дошла до Бройера, и он наконец понял столь странное поведение Горицы. Оказалось, тот дарил ему не бриллианты, а всего лишь простое стекло. И все же Бройер решил, что не воспользоваться этим шансом было бы глупо, так как и с такого открытия можно было поймать некоторую прибыль. Жаль только, что в этом деле заинтересованы и другие.

— Ты можешь гарантировать мне десять процентов? — спросил Горица.

Артур редко кому подавал руку, но на этот раз он протянул руку со словами:

— О'кей, Фред!

И Горица пожал протянутую ему руку.

Снег уже стоял. Сильные дожди в течение нескольких дней беспрерывно лили над северными районами. Небо было так затянуто тучами, что с неба не проглядывала ни одна звезда.

Сегодня рестораник в Кизебютеле был закрыт. Марта и Пауль ужинали вдвоем. Нелли, как она сказала, уехала в кино в соседнее селение, но Марта полагала, что она ушла на встречу со своими странными друзьями.

В отношениях между Мартой и Паулем возникла незримая стена недоверия и взаимного подсматривания. Даже тогда, когда они разговаривали друг с другом, в их словах не было прежней нежности, а ласковые обращения, казалось, вообще выпали из их лексикона.

Пауль Ромер догадывался, что все это имело прямое отношение к появлению злополучного старика, о котором он решил не говорить до тех пор, пока эта история не забудется. Пауль вел себя как обиженный, надеясь этим хоть как-то смягчить Марту, которая, будучи доброй женщиной и любя Пауля, вряд ли сможет долго злиться на него.

Когда Пауль немного простыл и стал кашлять, он решил перебраться из спальни Марты в свою комнатку, чтобы, как он выразился, не мешать ей спокойно отдыхать и не заразить ее. Но это был всего лишь повод.

Марте хотелось ясности, хотя она и избегала откровенного разговора с Паулем, ожидая сообщения из бюро детективов в Ганновере, куда она послала запрос в отношении прошлого Пауля.

По телевизору показывали последние новости. Пауль, смотревший передачу, мимоходом заметил Марте, что он намеревается съездить к Ховельману, вместо которого он заступает в ночную смену.

— Это он звонил тебе? — стараясь быть равнодушной, спросила Марта.

Пауль молча кивнул. На самом же деле ему звонил майор Вольноф, который по телефону приказал заступить сегодня в двадцать два ноль-ноль на дежурство и до трех

часов ночи не выходить ни на минуту из дежурки, что бы там ни случилось. По этим словам нетрудно было догадаться, что ночью будет проведена новая операция. Ромер в душе радовался тому, что ему в этой операции отводилась довольно пассивная роль.

Пауль перелистывал газету и недовольно ворчал из-за того, что из нее оказалась вырезана большая часть объявлений.

— Это господин Крампен вырезал, — пояснила Марта, — он просил у меня эту газету.

В этот момент на экране телевизора показался таинкер с гербом города Гамбурга, который плыл по Северному морю.

— Из-за каких-то объявлений испортить газету! — возмущался Пауль.

— Глядя на тебя, мне временами кажется, что за столом сидит Вильгельм Фенске, — со вздохом сказала Марта.

Пауль смущенно посмотрел на нее. Лицо ее осунулось, глаза были печальны. Через две недели должно состояться их бракосочетание, и в тот же день они собирались уехать в Ла-Корунью. Теперь Пауль не был уверен в том, что это будет. Вероятно, думал он, ему не стоило так легкомысленно уходить из спальни Марты.

Холодно пожелав ей спокойной ночи, Пауль встал и, уходя, сказал:

— Ну, так я пошел!

В прихожей Ромер надел плащ-дождевик и даже натянул на голову капюшон. Автомобиль Марты, у которого барахлил мотор, был на ремонте, у «консула» оказался незаряжен аккумулятор, оставалось только добираться на мопеде. Пока он вел мопед к калитке, пес радостно прыгал вокруг него.

Дождь бил Паулю прямо в лицо. Все вокруг казалось ему мрачным и печальным.

В доме у Ховельмана горел свет. Ромер заметил это еще издалека и, выключив мотор, доехал до самой садовой калитки. Жалюзи на окнах еще не были опущены. Пауль заглянул в одно из них и увидел стариков Ховельман, которые смотрели по телевизору какой-то фильм. Бруно сидел в кресле. Через час ему нужно было заступать на ночное дежурство. Гундула что-то вязала и перешептывалась с Коринной Крамер, которая сидела на софе.

Ромер редко видел ее, а встречаясь, каждый раз думал, кого же она ему напоминает? И тут его вдруг осенило: он видел ее фотографию! Коринна была похожа на девушку с фотографии, которая стояла на письменном столе Хойслера. Он даже вспомнил дарственную надпись: «От Коринны своему единственному дорогому брату!» У сестры Хойслера была другая прическа, и она очень походила на брата. Однако у той Коринны не было сестры-близнеца! Судя по всему, решил Ромер, это она и есть. Об этом обязательно следует доложить майору Вольнофу! Поручение майора, заключающееся в сборе доказательств относительно того, что именно Ховельман предал Хойслера, все еще не было выполнено.

Входная дверь оказалась запертой. Ромер позвонил. Ховельман открыл дверь и пропустил Пауля в крохотную прихожую. После взрыва в лаборатории они не виделись. Однако тот инцидент имел для Пауля и некую положительную сторону: во время передачи заключения пожарной комиссии было признано, что охрана фирмы подчинена службе военной контрразведки, и это в какой-то степени подняло авторитет Ромера среди его коллег.

— Что-нибудь по службе? — спросил Ховельман, не приглашая начальника охраны пройти в комнату.

— Ваше сегодняшнее ночное дежурство переносится! Вы замените меня утром, поскольку мне нужно будет ехать к начальству!

— Послушайте, — невольно вырвалось у Ховельмана, — я не желаю больше иметь с вами ничего общего!

«Да он убежденный красный, — подумал о старике Ромер, — возможно, что его именно поэтому и уволили с железной дороги!..»

— Радуйтесь, что вас избавляют от ночного дежурства, — проговорил Ромер. — Проспите ночь, а утром явитесь на доклад! — С тех пор как отношения между охраной и «МАД» стали общеизвестными, Ромер часто выражался военным языком.

— Хотите заработать орден? — с издевкой спросил Ховельман.

Однако Ромер проигнорировал эту насмешку. На маленьком столике в коридоре лежала газета. Ромера разбирало любопытство, какие же объявления вырезал Крампен из газеты.

— Могу я посмотреть эту газету? — спросил Ромер, а когда старик недоуменно кивнул, развернул ее.

На предпоследней странице было помещено рекламное объявление о продаже какого-то нового дезодоранта и средства для стирки белья. Ромер перевернул страницу и прочел короткое сообщение: «Смертельный случай на охоте! Выходя из охотничьей хижины, капитан бундесвера Г. В. споткнулся так, что заряженное ружье выстрелило и насмерть уложило своего владельца!»

Лес в том районе являлся собственностью бундесвера, однако об этом в сообщении ничего не говорилось.

— Еще что-нибудь?.. — осведомился Ховельман.

— Что вы сказали?.. Да нет! — ответил Ромер, кладя газету на место. — Итак, завтра утром, ровно в шесть!

— Хорошо, — сказал охранник, закрывая за Ромером дверь.

Взревел мотор мопеда, а Ховельман стоял и думал, почему же он не слышал, как Ромер подъехал к его дому...

В двадцать три часа пятнадцать минут автомобиль Горицы остановился за кустами на полевой дороге, по которой обычно очень редко ездили. Фары он сразу же погасил. Калле Пильц докурив свою сигарету.

— У нас еще есть время, — заметил Горица.

— Такого со мной еще никогда не было! — заметил Пильц. — В моем чемоданчике есть все, за чем следит наш заказчик: три «страусиных яйца» и микрофильм, и, несмотря на это, нам нужно лезть туда?..

— Разумеется, — подтвердил Горица. — Бройер получает деньги сразу из шести мест! Так что радуйся, иначе мы не получим обещанные нам десять тысяч!

— Еще бы! За какой-нибудь час работы мы получим по пять тысяч!

— Эти десять тысяч предназначены тебе, Калле, и пусть Бройер об этом ничего не знает!

Несколько секунд Пильц молчал, а затем спросил:

— Это правда? Фред, дружище, у любого другого я бы спросил, не кроется ли за этим какой-то чертовский замысел?

— Оставь, Калле, свое я давно получил! Сейчас я иду на свое прощальное представление. Хойслер был моим другом. Я надеюсь на твою помощь, если она мне понадобится!

— Все будет в порядке! — торжественно произнес Калле и, обняв Горицу за плечи, встряхнул его.

Лобовое стекло машины так заливало дождем, что сквозь него ничего не было видно. Фред включил «дворники».

— Подумай над моими словами, — заметил Горица.

— Все ясно!..

Оба вылезли из машины, как следует застегнув комбинезоны. Все, что им было нужно, лежало у них в карманах. Пильц натянул капюшон так, что видны были только нос и глаза. Чуть позже оба они надели защитные очки с затемненными стеклами.

— А ты уверен, что те «яички» из гипса? — спросил Пильц.

— Вроде бы.

— А если они настоящие?

— Дружище, безо всякого риска десять тысяч не зарабатываешь! К тому же на носу у нас защитные очки!

Пильц замолчал, но, судя по всему, чувствовал он себя неважно. Горица запер машину, и они по мокрому бурьяну пошли к тропе. Когда они на нее вышли, ноги у обоих по колено оказались мокрыми. Колочую изгородь они заметили только тогда, когда уперлись в нее. Горица прошел вдоль изгороди до калитки, открыл ее и снова запер за собой.

Дойдя до двухэтажного здания управления, оба остановились. Несмотря на темноту, Горица быстро нашел на кольце нужный ключ. В коридоре на них повеяло сухим воздухом. В материальном складе находился щиток автоматической телефонной сигнализации; Горица тут же отключил ее.

В бывшем убежище нацистских офицеров было темно. Пильц и Горица неслышно миновали первый этаж. Лорхер, видимо, спал. Пильц в девять вечера набрал его номер телефона и, услышав голос Лорхера, извинился, сказав, что не туда попал.

Ключ к замку подошел, однако дверь почему-то не открывалась.

— На задвижку закрыта! — прошептал Горица.

Через несколько минут Фред через дырку в стекле открыл задвижку, и они вошли в помещение.

В прихожей было темно. Горица приложил ухо к двери комнаты Лорхера и услышал шумное дыхание старика. Ручка двери повернулась, но и эта дверь не открылась. Пильц тенью метнулся к Горице. Оба они надавили на дверь плечами, она заскрипела, а затем так распахнулась, что они оба влетели в комнату.

Лорхер спал, сидя в кресле. Перед ним на столе стояла пустая бутылка коньяка. Проснувшийся фабрикант расширенными от ужаса глазами уставился на двух взломщиков в черных очках. Вид у него был довольно жалкий.

— Что... что вам надо?.. — испуганно пролепетал он.

— Где твой пистолет? — Пильц приставил дуло своего пистолета к лицу старика. Лорхер словно замороженный уставился на дуло.

— В тумбочке...

Горица вынул оттуда заряженный, снятый с предохранителя пистолет. Со страха Лорхер плохо соображал, но он невольно подумал о том, не эти ли типы в черных комбинезонах устроили взрыв в лаборатории?

Горица обыскал карманы Лорхера и нашел ключ от сейфа.

— А где же второй ключ? — требовательно спросил он.

— Он... у моего... компань... — не успел Лорхер договорить фразу до конца, как Пильц тут же отвесил ему звонкую оплеуху.

Горица бросил укоризненный взгляд на своего партнера. Однако Лорхер от оплеухи мигом пришел в себя и довольно внятно сказал:

— Второй ключ лежит в письменном столе.

Грабители действовали слаженно, чувствовалось, что им были нужны не деньги, а ослепляющие заряды.

— Надевай пальто! — приказал Горица.

«Боже мой, неужели я окружен врагами?» — с ужасом думал Лорхер. Он вспомнил, что после обеда ему звонил Крампсн и с угрозой вопил: «Убит капитан Венцель! Якобы несчастный случай на охоте!.. Если ты на него донес, то берегись!» Лорхер так и не понял, почему Крампсн был так разозлен.

Неужели эти типы в комбинезонах имеют к этому какое-то отношение?.. Значит, это совсем не несчастный случай?.. Неужели Венцеля убрали из-за дела Хойслера? А ведь имя Венцеля он называл только господину Хонигману из Цюриха...

Лорхер с трудом влез в кожаное пальто. На дворе лил проливной дождь, капли которого затекали за воротник. Лорхер в домашних туфлях ступал по лужам. Оба неизвестных, видимо, знали дорогу и поэтому шли кратчайшим путем к лаборатории. Ховельмана нигде не было видно.

Дверь помещения была заперта, но у Горицы и от этой двери имелся ключ. Лорхер с трудом поднялся на этаж. На стене громко тикал регулятор.

— Отключи сигнализацию! — приказал Пильц. Голос из-под капюшона прозвучал как-то квакающе. Все это было похоже на сцену из детективного кинофильма. — При первом звуке сирены я уложу тебя на месте! — пригрозил он старику.

Лорхер несколько не сомневался в том, что при случае он не дрогнув сделает это.

— Вахтера из новой лаборатории мы прикончили, — вежливо заметил Горица, — он не хотел отдавать нам ключи!

Лорхер был чуть жив от страха. «Боже мой! Они застрелили Ховельмана! Они и со мной могут так же разделиться...»

Руки его дрожали, он был не в состоянии быстро набрать комбинацию чисел. Пильц дулом пистолета ткнул ему в висок. Лорхер путал цифры, и тогда ему помог Горица. Когда код сработал, они открыли решетчатую дверь и сунули старика в эту клетушку. Лорхера трясло от одной мысли, что Пильц может убить его.

— А теперь отключите сигнализацию! — приказал Горица.

— Но учти, если сирена заревет, я стреляю! — снова пригрозил Пильц.

Лорхер не мог вымолвить ни слова. Горло у него перехватило от страха. Он вспомнил о том, что ему сказал Хонигман: «Теперь для вас не будет покоя».

Выключатель сигнализации находился за батареей центрального отопления. Лорхер выключил рубильник.

Горица вставил оба ключа в сейф и одновременно повернул их. «Он и этот секрет знает», — отметил про себя Лорхер. Пильц же в этот момент повернул ручку сейфа и потянул на себя дверцу, которая подалась на несколько сантиметров. В ту же минуту Пильц подставил Лорхеру табурет и усадил его, а Горица накиннул ему на шею нейлоновую петлю.

— Убить вас на месте было бы несправедливо по отношению к нашему товарищу Хойслеру, — проговорил он.

Лорхер тяжело дышал. «Неужели это люди из «МАД»?!»

— С вами будет то же самое, что и с ним, если ослепляющий заряд взорвется, когда мы будем забирать содержимое сейфа!

— Его в сейфе нет, — пробормотал Лорхер. — Они уже не взорвутся... — поправился он. Голос у него дрожал.

Горица открыл дверцу сейфа, которая издала звук, похожий на вздох. Внутри лежали документы, перевязанные шпагатом. Затем он поднял крышку ящика, достал одно «яйцо» и вложил палец в пластиковое кольцо.

— Осторожно, только не дергайте его! — взмолился Лорхер.

— А почему бы и нет? — Пильц разыгрывал из себя наивного простака.

— Оно же взорвется! — объяснил Лорхер дрожащим голосом.

— Нам это нисколько не повредит, — заверил Горица, — не забывайте, что у нас защитные очки!

— Давайте закругляться, босс, — проговорил Пильц. — И почему, спрашивается, ему не испытать того, что испытал бедняга Хойслер?..

— Нет!.. Я тут ни при чем! — с мольбой выкрикнул Лорхер. — Ту ловушку подстроил Крампен! Я ничего не знал!

— А объявление с предупреждением?

Зацинаясь на каждом слове, Лорхер рассказал о том, в какую ловушку попал Хойслер. Остальное Горица уже слышал от Зайдельбаха.

Нервы у Лорхера, видимо, совсем сдали: по его щекам текли слезы.

— Раз он ничего не знал об ослеплении, босс, — заметил Пильц, — тогда давай прикончим его!

— Ладно, пусть еще немного поживет, но если он нас продаст, то тогда уж ему конец!

Лорхер начал уверять их в том, что он ни за что на свете даже в полицию не заявит. Дыхание его стало прерывистым. Горица привязал тонкий шнурок к предохранительному кольцу «яйца» и обменялся со своим коллегой мнением относительно того, каким может быть взрыв. Затем оба они спрятались за сейф. Лорхера охватило еще больший ужас.

— Что... вы... делаете?! — простонал он. Только теперь до него дошло, что эти мужчины решили отомстить за своего товарища. Они даже не закрыли крышку ящика. От одного заряда можно ослепнуть, а если сдетонируют и другие? — Ящик!.. Боже мой, закройте же ящик!

Горица тем временем дернул за шнурок. Лорхер слов-

но загнипнотизированный уставился на предохранительное кольцо.

— Нет! Нет!.. — вдруг яростно выкрикнул он и, застонав как раненый зверь, крепко зажмурился.

Горица начал считать от десяти до единицы. Лорхер невольно вспомнил, как проходили испытания на степных барашках, а сейчас сам он превратился в подопытного барана.

— Семь... шесть... пять...

У Лорхера все внутри сжалось.

— Четыре... три... два...

Лорхер ухватился за нейлоновую петлю, которая до боли впиалась ему в шею.

— Один... ноль!

Лорхер замер, однако ни шипения, ни взрыва не последовало, не было и яркой молнии, которая обычно ощущалась даже через опущенные веки. Ничего. Сердце его бешено колотилось в груди.

— Все верно, босс, это подделка! — проговорил наконец Пильд.

«Что же это за трюк?» — мелькнуло в голове у Лорхера.

— Так оно и есть! А я-то подумал, что нас обманывают! — признался Горица.

Лорхер приоткрыл глаза. «Яйцо» лежало на своем месте. Предохранительное кольцо выдернулось из корпуса, из которого высыпался какой-то белый порошок. Содержимое настоящего ослепляющего заряда было желтого цвета. Вспомнив об этом, старик широко раскрыл глаза.

Горица тем временем разбросал все «заряды», лежавшие в ящике. Лорхер ничего не понимал, он даже решил, что у него начались галлюцинации.

Горица повернулся к Лорхеру и сказал:

— Мы получили информацию о том, что ваши «фрукты» выкрал Крампен, а в ваш сейф подложил вот эти «манекены»! Мы не особенно поверили в это, но теперь и вы можете убедиться в том, что это правда!

Горица разбил одно пластиковое «яйцо», из которого посыпался белый порошок.

— Этим самым развеем мечта об ослепляющем оружии, — заметил Пильд.

— На вашем месте, — начал ехидно Горица, — я бы скрылся куда-нибудь! Положил бы денежки в карман — и был таков!

Они развязали Лорхера, но не отпустили его. Заперев решетчатую дверь, они набрали кодовую комбинацию, чтобы никто не мог войти сюда беспрепятственно.

— Вот вам стальное лезвие, которым вы сможете перепилить забор и через час освободиться! — сказал Горица Лорхеру.

Лорхер скорчился на табурете, смотря вслед обоим мужчинам, не имея сил, чтобы произнести хоть одно слово. Смертельный страх все еще сковывал его. Дверь лаборатории захлопнулась так громко, будто прозвучал выстрел.

Позади загона для овец стояла автомашина, матово поблескивающая в темноте никелем. Человек, сидевший за рулем, курил, прикрывая огонь ладонью. Это было далеко не первое секретное поручение директора Виндиша. Обычно он занимался тем, что пересылал начальнику секретные сведения о профсоюзных руководителях.

Монотонно лил дождь. Светящиеся стрелки часов на приборной доске показывали, что прошло уже пять минут после установленного срока.

Наконец показали огни приближающегося автомобиля, а через минуту он уже остановился рядом. Из него вышел мощного телосложения мужчина, порученец Виндиша тоже вышел из своего автомобиля. Он осветил фонариком кусок цветного картона, который приехавший держал в левой руке. Это была лишь одна половина какого-то бланка, а другую половину предъявил солидному мужчине сам порученец. Обе половинки точно совпали, составив одно целое. Тогда, не говоря ни слова, приехавший поставил на мокрую от дождя траву маленький чемоданчик и, повернувшись кругом, бросился к своей машине.

Директор Виндиш ожидал своего курьера на автостоянке возле Фернштрассе. Чемоданчик переместился в машину Виндиша, который имел от него ключи. Он отпер замки и поднял крышку. В нем лежали завернутые в тряпки три «страусиных яйца» из коричневого пластика, но не было никаких документов.

В душе у Виндиша нарастало возмущение: ведь фон Венген говорил главным образом о документации, которая будет приложена к зарядам. И тут директор увидел небольшую металлическую капсулу. Он сразу же открыл ее. На ватной подстилочке лежала пленка микрофиль-

ма. Виндиш с облегчением вздохнул и протянул своему курьеру конверт, в котором лежали три купюры по сто марок.

Никогда в жизни Лорхер так энергично не работал. Пот тек у него по лицу и спине, а он все пил и пил... Прошло почти два часа, пока перед ним не раскрылась решетчатая дверь и он смог выйти.

В ту ночь фабрикант больше уже не спал. Уничтожив следы возле сейфа, он принял душ и переоделся, затем уложил в чемоданы свои самые лучшие вещи.

Оставшиеся до рассвета часы он провел в канцелярии, разбирая финансовые документы, которые не вызывали у него никаких опасений. Самая крупная сумма находилась на хранении в банке «Бюрки и Цбиндер» в Цюрихе. Сверив колонки цифр, он с облегчением вздохнул, так как сумма оказалась довольно-таки внушительной.

Выпив рюмку коньяка, он вдруг вспомнил, что забыл поискать Ховельмана; в шесть часов он должен был смениться. Лорхер хотел было заказать по телефону такси, но телефон не работал — гангстеры и об этом позаботились. Сойдя вниз, он сел в машину и поехал к Паульсену.

Лорхер решил действовать напрямик: фирма его действительно попала в затруднительное положение, и требовалось по крайней мере две недели, чтобы поправить дела. Новые кредиты скоро будут получены, но до того времени он, Лорхер, должен куда-то исчезнуть. Его чемоданы уже доставлены на вокзал, а Паульсен объяснит отъезд шефа служебной необходимостью. Он уже получил от Лорхера счета и адрес во Франкфурте, куда он должен будет доставить наличные.

— Скажите мне, Паульсен, вы что-нибудь коллекционируете?

— Конечно, господин Лорхер, этикетки от спичечных коробок! — Паульсен так и засветился от радости, он протянул шефу три альбома.

Лорхер полистал их, сокрушенно качая головой.

— И какова же их стоимость? — спросил он.

— Стоимость?! — Паульсен чуть было не лишился дара речи. — Да эти экземпляры бесценны!

— Тем лучше! — проговорил Лорхер, забирая себе один из альбомов. — Он останется у меня в качестве залога до встречи во Франкфурте!

— Господин Лорхер!.. — воскликнул Паульсен, побледнев, но не из-за альбома, в котором были собраны самые редкие экземпляры этикеток, а из-за того, что Лорхер усомнился в его верности. И это благодарность за восемнадцать лет самоотверженного труда, за множество сверхурочных часов, которые ему никто никогда не оплачивал!

— Поезжайте на вокзал! — приказал фабрикант, кладя альбом в свой портфель.

В четыре часа утра темный лимузин подкатил к подземному гаражу отеля «Минерва»; трое мужчин в серых кителях выгрузили из него металлические коробки и катушки кабеля и на грузовом лифте подняли все это на второй этаж.

Почти два часа они работали в конференц-зале отеля, прокладывая кабель под ковром и за шторами, монтировали какие-то приспособления, а в соседнем помещении разместили большой прибор с несколькими контрольными лампочками, с помощью которого передавались помехи.

На рассвете мужчины закончили свою работу, после чего старший из них по телефону доложил начальству своей фирмы, конкурирующей со спецслужбой, о том, что объект «Минерва» приведен в нужное состояние. Задание это было поставлено фирмой «Лайсинг-оптик», выступившей инициатором организации предстоящей встречи в нейтральном месте.

Доктор Шауер — генеральный директор «Лайсинг-оптик» и директор Виндиш от «ВОМА» прибыли на эту встречу в числе первых. Оба с удовлетворением заметили, что обстановка вполне располагает к доверительному разговору.

— Ваш экс-генерал все сделал с первого захода, в то время как наш экс-адмирал старался понапрасну, — как бы вскользь заметил Шауер.

— Даже так?.. — Виндиш вопросительно посмотрел на генерального директора.

— Начальство из Кобленца поставило перед нами новую задачу! — проговорил доктор Шауер и на том же дыхании спросил: — Как далеко вы зашли в операции «Степной барашек»?

— Мы располагаем документацией, вы об этом уже знаете, — сказал директор Виндиш. — Для этого нам пришлось задействовать одного знающего человека!

Генеральный директор Шауер знал, что речь идет о химике докторе Вольнофе, сыне майора из военной контрразведки, который уже несколько месяцев работал в «ВОМА».

Виндиш заверил, что «ВОМА» в состоянии за довольно короткое время наладить производство ослепляющего оружия, а Шауер заявил, что «Лайсинг-оптик» уже пошла на риск выпуска защитного стекла Зайдельбаха.

Доктор Шауер заметил, что в конференц-зале установлена специальная аппаратура, мешающая подслушиванию. Долгое время они недооценивали роль и значение экономического шпионажа.

— А ведь на этот счет имеется большое количество исторических примеров. Когда немецкому алхимику Иоганну Фридриху Беттгеру из Дрездена удалось в 1709 году, независимо от китайцев, разработать собственный метод изготовления белого фарфора, охотники за этой тайпой хлынули со всего света в королевство Саксонию. Фарфоровый шпионаж принял такие размеры, что шпионы начали совращать жен и дочерей мастеров, лишь бы только напасть на след изобретения.

В радиусе пятидесяти километров от Дрездена вряд ли имелась хоть одна гостиница, в которой не было бы тайного агента. Королевская полиция арестовывала такое количество агентов и предателей, что ими были переполнены все тюрьмы. Однако погоня за агентами мало что дала, так как вскоре фарфоровое производство было налажено в Берлине, Вене, Копенгагене, Санкт-Петербурге и в Венеции...

Генеральный директор Линдштедт объявил совещание открытым. Он был, как всегда, краток, сообщив о том, что «ВОМА» подготовила производство ослепляющего оружия, умолчав при этом о его происхождении, однако все присутствующие были в курсе дела.

После Линдштедта выступал доктор Шауер, подчеркнув мысль предыдущего оратора о том, что появление всякого нового оружия неизменно приводит к изобретению средства защиты от него; в шутку он заметил, что бундесвер лишь из тактических соображений приступил сначала к выпуску ослепляющего оружия, а уж затем к производству средств защиты от него.

Короткие рефераты делались по заранее разработанному плану. После доктора Шауера выступал фон Венген.

— Господа, я буду предельно краток, — начал он. —

Изобретенное фирмой «Лорхер и Зайдельбах» ослепляющее устройство, назвать которое гранатой было бы неверно, еще не созрело для запуска в серийное производство. Операция под кодовым названием «Степной барашек» включала в себя испытания, которые, как вам известно, проводились над животными под контролем специальной комиссии из Кобленца!

Фон Венген заметил, что Линдштедту не понравилось его упоминание о Лорхере, однако проигнорировал это. Зато он удостоился подбадривающего взгляда доктора Шауера.

— Мое предложение, — продолжал фон Венген, — касается выпуска защитных очков против эффекта Зайдельбаха, но в федеральном ведомстве по науке и технике проявляют к этому изобретению большой интерес. Военный советник полковник Роль по сути дела отклонил проект изготовления защитных очков, так как еще не было известно о том, что ослепляющие заряды могут быть использованы и в артиллерийских снарядах.

Директор Виндиш обменялся многозначительным взглядом с Линдштедтом. Оба они сделали для себя выводы, что бывший генерал, видимо, имеет с «Лайсинг-оптик» особые отношения; а собственно, почему бы и нет, если это несколько не вредит «ВОМА»?

— Положение несколько изменилось, — продолжал фон Венген, — после тревожных событий, произошедших на фирме «Лорхер и Зайдельбах», за которыми, вполне вероятно, стоят зарубежные заинтересованные лица! — Фон Венген сделал внушительную паузу. — Сама мысль о том, что наш потенциальный противник может располагать ослепляющим оружием, доставляет господину министру много забот! Комиссию, которую возглавляет полковник Роль, следует попросить о том, чтобы она самым детальным образом изучила вопрос о надежности защитных очков!

Аплодировали лишь одни представители фирмы «Лайсинг-оптик». Фон Венген упивался собственным триумфом. Лично он давно был знаком с правилами игры, которые утверждались на директорском этапе, после чего вырабатывалось и само решение. Промах, допущенный Вольнофом, послужил для него своеобразным уроком.

— Мне было разрешено упомянуть и о совершенно новом факте!

Директор Виндиш скомкал лист бумаги, на котором

был нарисован парусник на волнах; сам он в этот момент был погружен в мысли о предстоящем зимнем отпуске, который намеревался провести на Карибском море, чтобы там походить под парусом. Но при этих словах фон Венгена, который собирался чем-то удивить собравшихся, Виндиш снова вернулся к действительности и сосредоточился на докладе.

Доктор Шауер смотрел через широкое французское окно в сад, где шел мокрый снег. Вскоре он собирался поехать в Швейцарию, чтобы покататься там на лыжах. Слова фон Венгена также вывели его из задумчивости. Шауер откинулся на спинку кресла и прислушался.

Фон Венген сказал о том, что фирма «Лорхер и Зайдельбах» уклонилась от выпуска безвредной ослепляющей гранаты. Последние события, имевшие место на этой подозрительной фирме, ясно показали, что недостаточная финансовая обеспеченность и неудовлетворительная система безопасности представляют большой риск для предприятия.

Бросив беглый взгляд на генерального директора Линдштедта, фон Венген объявил, что федеральное ведомство в Кобленце будет только приветствовать, если «ВОМА» заинтересуется выпуском ослепляющей ручной гранаты. За эти слова он удостоился аплодисментов Линдштедта, которого тут же поддержали и остальные сотрудники «ВОМА».

С помощью квалифицированных юристов, которые заранее провели определенную работу, были довольно быстро выработаны пункты совместного договора обоих концернов.

«ВОМА» и «Лайсинг-оптик» внесли по пятьдесят процентов средств, необходимых для производства нового вида ослепляющего оружия.

На совместный обед Виндиш шел рядом с Линдштедтом и незаметно прошептал ему:

— Генерал не пожелал разглашать того, как в высшей инстанции настаивали, чтобы мы взяли на себя все расходы, поскольку Лорхер по существу является бапкром!

Линдштедт с усмешкой кивнул, однако определение Виндиша его покорило. Он замедлил шаг и, когда фон Венген, шедший чуть сзади, поравнялся с ним, сказал:

— Дорогой коллега, навестили бы вы меня в ближайшее время! В моей коллекции появился новый пистолет, замечательный экземпляр!

— С большим удовольствием! Ваша несравненная коллекция настолько хороша, что видеть ее всегда приятно! — ответил фон Венген.

Для проверки надежности защитных очков, выпущенных фирмой «Лайсинг-оптик», требовалось взорвать один из ослепляющих зарядов.

Полковник Роль был убежден в том, что его группа, состоявшая из четырех экспертов, проведет великолепный показ действия ослепляющего оружия подобно тому, как несколько месяцев назад Лорхер продемонстрировал это на своих степных барашках.

Генеральный директор Шауер принял господ из Кобленца в гостевом зале дирекции, устроив в их честь завтрак с шампанским. В непринужденной обстановке ни один из присутствующих не говорил ни об ослепляющей ручной гранате, ни о защитных очках.

Помещение для проведения испытаний располагалось в подвале лабораторного здания. Они шли по длинному коридору, который смело можно было бы принять за коридор отеля, если бы не трубы и провода, протянувшиеся по потолку.

Шауер проинформировал присутствующих о задачах лаборатории, назвал ряд ее параметров, которые произвели должное впечатление. Оказалось, что на ее оборудование ушел не один миллион марок.

В конце коридора помещалась двойная дверь, ведущая в кинозал, где стояли четыре ряда мягких кресел. Господа, томимые ожиданием, расселись. Все обрадовались, что здесь можно было курить; Роль взял сигарету из портсигара Шауера.

Зал погрузился в полумрак, а из репродуктора слышался приятный мужской голос:

— Наши телевизионные камеры, установленные в испытательной, позволят вам, уважаемые господа, стать соучастниками проводимых испытаний, не подвергая опасности собственное зрение!

Засветился экран, и на нем появилось изображение помещения без окон, в центре которого стоял низкий круглый стол, а вокруг него, как в детском саду, двенадцать маленьких стульчиков. Все засмеялись: на стульчиках сидели небольшие обезьянки, каждая из которых была пристегнута поясом, каким пилоты пристегиваются в самолете. На пилота особенно была похожа

каждая вторая обезьянка, потому что у каждой второй были очки.

— Вы видите, господа, — произнес голос из репродуктора, — что каждая вторая обезьянка носит специальные очки. Чтобы различать их, обезьянки в очках одеты в красные курточки, а без очков — в голубые!

Полковник Роль невольно вспомнил о степных ба-
рашках, которые наверняка были предназначены для за-
боя. Его тогда нисколько не тронуло, что они явились
своеобразными жертвами при испытании нового вида
оружия. На этот раз это были маленькие обезьянки, по-
хожие на людей, а те из них, что были в очках, вызы-
вали у него какое-то тревожное чувство: чем-то они на-
помипали ему маленьких детей. Роль догадывался, что
все это было сделано намеренно. При этих испытаниях
проверялось не столько воздействие самого ослепляюще-
го оружия, сколько надежность защитных очков.

Руководитель испытаний тем временем продолжал
говорить о том, что на потолке висит специальная сетка
из тонкой проволоки, в которой лежит яйцевидный пред-
мет из коричневого пластика, снабженный предохрани-
тельным кольцом. Роль тут же разглядел и топкую сет-
ку, и все остальное.

— Три... два... один... ноль! — просчитал голос из ре-
продуктора.

На какое-то мгновение весь экран был засвечен
вспышкой белой молнии. Глаза резало так, как это бы-
вает, когда человек смотрит на электросварку. Через не-
сколько секунд контуры предметов стали просматри-
ваться.

Обезьянки от ужаса застыли словно парализованные.
Над столом болтались обрывки сетки, металл местами
был оплавлен, а пластиковое яйцо просто-напросто ис-
чезло.

В помещение для опытов вошли две работницы в спе-
циальных одеждах и начали отстегивать сначала обезья-
нок в голубом, которые продолжали сидеть на стульчи-
ках, вертели головами и протирали кулачками глаза.
Роля тронули эти почти человеческие жесты, и он по-
чувствовал во рту сухость.

Как только с обезьянок в красном сняли очки и от-
стегнули с них ремни, они весело запрыгали, забегали
вокруг стола. Обезьянки в голубом вели себя пассивно,
скорчившись, они продолжали сидеть на своих местах,
а некоторые из них даже принимали позы для сна.

Репродуктор молчал. Картины, переданные телекамерой, действовали без слов. Роль заметил, что зрелище это довольно страшное, доктор Шауер согласился с ним, но при этом сказал, что обезьяны с незапамятных времен всегда служили научным целям.

Роль сразу же разобрался в исходе испытаний. Теперь его следует повторить в большем масштабе на открытой местности, так как на повестке дня стоял вопрос о возможности использования ослепляющих аргиллерийских снарядов.

Поскольку потенциальный противник, как считали в «МАД», может также иметь ослепляющее оружие, то нет никакого сомнения в актуальности выпуска защитных очков.

Отнюдь не случайно Виндиш и Шауер встретились в умывальной комнате после того, как они вернулись из директорского помещения. Они с такой тщательностью мыли руки, как их обычно моют хирурги перед операцией, обмениваясь скупыми замечаниями об исходе испытаний. Комиссия была довольна, и Роль намеревался не только доложить об этом лично министру, но еще и приложить к своему докладу видеокассеты.

— Но есть и еще кое-что, дорогой Виндиш. — Шауер огляделся, словно опасался, что их могут подслушивать. — Один из ваших сотрудников хотел бы — разумеется, за приличный гонорар, сто тысяч, — предостеречь нас с вами от предоставления кредитов!

— Вот как?! А в чем дело?

— Мы согласились на половину, но это же шутка.

— Дорогая шутка...

Доктор Шауер сказал, что один сотрудник послан на встречу, которая состоится в аэропорту Эссена, так как информирующий агент пожелал остаться неизвестным.

— Ну, и удалось ему это?..

— Но его сфотографировали! — Копчиками пальцев он извлек из кармана фото и протянул его Виндишу. — Вот он!

— Вот это да! — воскликнул директор «ВОМА». — Доктор Вольноф! Сып майора Вольнофа из бундесвера. Мы его устроили туда по предложению фон Венгена. Ну, и что же он достал?

— Информацию о том, что ослепляющее оружие можно эффективно применять только в закрытых помещениях. Производство защитных очков в большом количестве будет чистым расточительством!

Не скрывая своей иронии, Шауер объяснил, что Вольноф изготовил копию одного микрофильма. Виндиш нисколько не сомневался в том, что это была копия с фильма, которым завладела спецслужба.

— Если мы уволим Вольнофа, — вслух размышлял Виндиш, — он станет торговать ослепляющим оружием в розницу!..

— Это даст нам право, — усмехнувшись, пояснил Шауер, — на сбыт очков, на которые «ВОМА» затратит пятьдесят процентов! Способ изготовления защитного стекла знает...

— ...Вольноф?

— Ничего этот Вольноф не знает! — Генеральный директор посоветовал не увольнять склонного к предательству сотрудника, а перевести его от имени «ВОМА» в дочернее американское производство, что не помешает собрать там необходимую информацию.

— Прекрасный совет! — подхватил Виндиш. — Я предложу Линдштедту так и сделать!

— Только меня не называйте! — подмигнув, сказал Шауер, зная слабость Виндиша всегда выпячивать себя перед генеральным директором.

Сдав комнату, которую она снимала у Ховельмана, Коринна, после того как доктор потерял сознание, переехала к Зайдельбаху и жила теперь у него. Прибывший врач сразу же посоветовал перенести поездку в Южную Америку на более поздний срок. Это давало Коринне право отказаться от этой поездки. Таким образом, подготовка к отъезду отошла на задний план, и профессор мог сосредоточиться на подготовке нового издания своей книги по ботанике.

Быстрее чем ожидалось, доктор Зайдельбах узнал, что его обокрали. Коринна со страхом ждала этого дня, так как она терпеть не могла ссор и скандалов. В четверг лимузин куда-то увез празднично одетого доктора, который перед отъездом лаконично сказал, что едет в гости.

Спустя несколько часов он вернулся назад и как бы мельком сказал, что встречался с доктором Шауером. Разговор этот произошел в коридоре, а вскоре Коринна услышала, как доктор хлопнул дверью орапкейер.

Вскоре Зайдельбах вернулся в комнату, лицо у него было бледное. Он сказал, что у него похищен ящик, в

котором хранились одиннадцать ослепляющих зарядов. Коринна покраснела и прошептала фамилию Фреда. Тот факт, что она инстинктивно проговорила фамилию своего возлюбленного, должен был убедить ученого в том, что она вовсе не является его сообщницей. Однако очень скоро Коринна поняла, что она уже не пользуется безграничным доверием Зайдельбаха.

Как и обычно, доктор съел на завтрак два пирожных, но не сказал, что он кого-то ждет к себе. О предстоящей экспедиции они теперь с Коринной говорили редко; казалось, будто доктор уже догадывался о том, что она не хочет поехать с ним.

Ветер стучал ставнями, бросая в окна песком. Перед домом стояла легковая машина, которая приезжала за доктором на прошлой неделе. Коринна очень удивилась этому, так как Зайдельбах не был одет для поездки.

Шофер вынул из багажника машины какую-то картонку, которую он отнес в кабинет Зайдельбаха. Когда Коринна чуть позже вошла к нему, на столе у Зайдельбаха стоял прибор для чтения микрофильмов.

Коринна недоуменно посмотрела на Зайдельбаха, который смущенно отвел взгляд. На его щеках горел румянец. Нетрудно было догадаться, что доктор больше ей не доверяет, если он приобрел такой прибор.

Зайдельбах скрылся в комнате с кактусами и скоро вернулся, неся в руке микрофильм. Он молча вставил его в прибор. Коринна сделала вид, будто ее это несколько не интересует.

Когда засветился матовый экран, доктор покрутил какую-то ручку, пока изображение не стало отчетливым. Коринна увидела текст и схему и повернулась к прибору спиной.

Вскоре прибор перестал зуммерить, и в комнате установилась полная тишина. Коринна повернулась: доктор Зайдельбах уставился неподвижным взглядом в пустоту, плечи его вздрагивали.

У Коринны защемило сердце, она подошла к доктору.

— Вот, посмотрите!.. — прошептал он, показывая на микрофильм. — Это копия конструкции десятилетней давности! Он подмигнул мне микрофильм! — Имени Горицы он не назвал. — Но как он узнал, где я его храню?

Вдруг Коринна хлопнула себя по лбу:

— Да ведь я как-то рассказала Фреду о фразе из Библии, которую вы однажды процитировали, а спустя несколько дней он повторил мне то же самое!

— И извлек из него правильный смысл! — с горечью в голосе заметил ученый. — Выходит, что я сам раскрыл свой тайник!.. Коринна, умоляю вас, скажите мне всю правду! — Он внимательно посмотрел на девушку. — Вы знали, что Горица намеревался выкрасть у меня ослепляющие заряды и микрофильм?..

— Нет! — вдохновенно соврала она и даже не покраснела.

— А вы знали о том, что швейцарский банк от имени фирмы «Лайсинг-оптик» перевел на личный счет Горицы восемьсот тысяч швейцарских франков? — спросил Зайдельбах.

На сей раз Коринне не пришлось разыгрывать из себя несведущую.

— Это правда?.. — спросила она дрожащим голосом.

Министр казался в добром расположении духа. Полковник Роль знал, что он бывает и совсем другим, правда, сейчас для этого не было никакого повода.

Личный референт министра вставил кассету в видеомагнитофон.

Трое господ еще раз просмотрели ход испытаний; министру понравились обезьянки в голубом и красном, а полковник Роль процитировал заключение ветеринарной службы:

— «Обезьяны в красных курточках, имевшие защитные очки, нисколько не пострадали, зато животные в голубом потеряли зрение из-за разрушения зрительного нерва. Они будут умерщвлены».

— Каким образом? — поинтересовался министр.

— Вполне гуманным образом, — заверил его Роль. — С помощью боевого ОВ «СХ-12».

— Этих животных можно было бы использовать для других опытов, — высказался министр.

Полковник Роль доложил о том, что в будущем планируется проведение целой серии опытов с ослепляющим оружием и что он еще не уверен в том, что оно даст положительные результаты на открытой местности. В настоящее время идет работа над изготовлением гранат, которые по своим характеристикам должны превосходить своих предшественниц. Эти работы проводятся под эгидой «ВОМА».

Министру это понравилось, так как концерт «ВОМА» давно пользовался его доверием, и он тут же заявил, что

фирме «Лайсинг-оптик» будет выделено три миллиона марок из фонда развития техники, с тем чтобы эти средства помогли ускорить выпуск защитных очков.

13. СТАРОЕ НАЧИНАЕТСЯ ЗАНОВО

Андрана находилась южнее Мезокко, зажатая между отвесными высокими горами, куда довольно редко добирались одинокие туристы. Расположенные на склонах домики — бывшие хлевы для скота — были комфортабельно оборудованы и даже снабжались электроэнергией от построенной высоко в горах электростанции. Большинство домиков принадлежало состоятельным швейцарцам из северных районов. Шауер поселился в домике друга — торговца из Базеля. Здесь Шауер намеревался провести рождественские праздники и начало Нового года.

Уже в день приезда доктор Шауер совершил небольшую поездку по окрестностям, чтобы встретиться с одним из своих партнеров по сделкам, который остановился неподалеку, в селении Бриссаго, которое славилось мягким климатом и обилием солнечных дней. Партнер срочно приехал в Аскону, чтобы встретиться там с доктором Шауером, проект которого представлялся ему интересным.

Генеральный директор сидел в ресторане отеля. Взор его был устремлен на озеро, расположенное на высоте почти две тысячи метров над уровнем моря.

Когда вошел Хонигман, Шауер уже пил кофе. Познакомились они много лет назад на ярмарке в Базеле и с тех пор уже не упускали друг друга из вида.

Обменявшись приветствиями, они сразу же перешли к делу.

— Один наш общий знакомый порекомендовал мне обратить ваше внимание на одно новое открытие.

— Наш общий знакомый?.. — Лицо Хонигмана приняло выражение заинтересованности.

— Да, господин Горица! — произнес Шауер и тут же заметил, что упоминание этой фамилии не только не оживило гостя, а даже несколько разочаровало его. — От господина Горицы я узнал о том, что ваша страпа стала обладательницей нового вида оружия!

Шауер понял, что Хонигман о многом осведомлен. И все же он протянул ему фотокопию.

Израильтянин либо великолепно разбирался в технике, либо уже раньше был знаком с этим проектом, потому что он тут же вернул его обратно со словами:

— Очень жаль, господин доктор, но я не испытываю к этому открытию никакого интереса. — Голос его прозвучал холодно и строго.

Шауер чувствовал, что Хонигман скрывал свою заинтересованность ради получения каких-то преимуществ.

— Простите меня за откровенность, — пояснил израильтянин, — однако ваше ослепляющее оружие равносильно удару по воде! — На этот раз Шауер бесплатно узнал о том, за что химик Вольноф получал государственные гонорары. — Так называемый эффект Зайдельбаха действителен только в закрытых помещениях! — Хонигман несколько разочаровался, что эти слова не подействовали должным образом на его собеседника. — Наш специалист в данной области считает, что ослепляющее оружие вряд ли когда-нибудь даст эффект, о котором мечтал Зайдельбах! А если это и случится, то у нас еще будет достаточно времени, чтобы вернуться к вопросу о производстве защитных очков. Не так ли, господин Шауер?

Шауер не стал возражать

— Я, честно говоря, рассчитывал на то, что вы будете предлагать мне защитные очки!

Шауера покорило от откровенности Хонигмана.

— В таком случае, я удивлен тем, — сказал доктор, — что вы все же прибыли на эту встречу.

— Я охотно объясню вам причину и надеюсь, что вы будете со мной также откровенны!

Шауер кивнул и отпил кофе из чашечки

— Мне известно, что «ВОМА» и «Лайсинг-оптик» кооперируются друг с другом в вопросе, имеющем отношение к ослепляющему оружию и защитным очкам, — заметил Хонигман как бы вскользь. — Но в каком состоянии в настоящее время находится фирма «Лорхер и Зайдельбах»?

— Трудно сказать, — ответил Шауер. — У нас проводится конкурс, а против находящегося в бегах Лорхера возбуждено уголовное дело, более того, даже отдан приказ о его аресте, поскольку он с неизвестным намерением куда-то скрылся. Лицензия на изготовление ослепляющей гранаты изъята, а служебная охрана фирмы подлежит роспуску, — пояснил Шауер. — Представьте

себе, что он даже прихватил с собой одиннадцать тысяч марок, предназначенных для выплаты зарплаты!

— И не только их, — заметил Хонигман. — В его чемоданчике семьсот пятьдесят швейцарских франков из остатка кредита одного цюрихского банка! Мы прибыли с опозданием на один день!

— Что вы имеете в виду? — смущенно спросил Шауер.

Хонигман не удостоил его ответом и не сказал, что эти деньги принадлежат банковскому дому «Бюрки и Цбиндер» в Цюрихе, который является компаньоном Израильского государственного банка и занимается торговлей оружия в международном масштабе.

— При этой сделке якобы имеются только убытки. — Шауер сдержанно рассмеялся.

— Почему?

— Так что господин Горица будет смеяться последним, — твердо проговорил генеральный директор. — Сначала он похитил изобретение доктора Зайдельбаха, а уж затем на свой риск начал торговать им!

Доктор Шауер умолчал о том, что фирма «Лайсинг-оптик» выплатила Горице восемьсот тысяч швейцарских франков за защитное стекло уже тогда, когда стало известно, что применение ослепляющего оружия ограничено определенными условиями и что, несмотря на это, для Лайсинга это все же гешафт, так как страх перед боп-нскими заправками приуждает его к форсированию выпуска этого вида продукции.

— Но в этом деле есть и обманутые, — возразил Хонигман, — в том числе и сам господин Горица, который должен был понять, что ослепляющее оружие вовсе не является столь страшным, как уверял Лоркер! — Про себя он подумал о том, что Горица в этом случае вряд ли отважился бы надуть Артура Бройера, у которого ему удалось достать прототип и микрофильм.

— Тут какое-то недоразумение, — возразил Шауер.

Израильтанин нагнулся к Шауеру и спросил:

— А вы это точно знаете, господин доктор?

— Абсолютно точно! Господин Зайдельбах не из тех людей, кто привык лгать! Очень часто он рассказывает довольно веселые вещи. Подождите-ка! Как это он говорит?.. Ах да! «Тот, кто обманул другого, наверняка обманет и тебя, если ему это выгодно!»

Хонигман смотрел на озеро, залитое лучами солнца.

Однако его глаза были холодными, как снег на горной вершине.

— Каждый из нас когда-нибудь да совершает ошибку, на этот раз ее совершил Горица! — эти слова он произнес так холодно, что Шауер даже поежился.

Все собравшиеся приехали сюда из небольшого районного городка — кто на поезде, кто на автобусе. Рыночная площадь не смогла вместить всех, и потому многие толпились в примыкающих улицах, держа в руках развернутые транспаранты с лозунгами протеста против производства нового варварского оружия, лишавшего человека зрения.

Дежурный полицейский срочно созвонился со столицей земли и попросил немедленно прислать усиленный полицейский наряд. Однако для этого требовалось довольно много времени. Вскоре толпа построилась в колонну, которая организованно двинулась в направлении Кизебютеля.

День выдался хороший: ярко светило солнце. Демонстранты постепенно разделились на отдельные группы, в одной из которых звучал аккордеон, в другой — гитара, в третьей — песни.

Местные жители, прильнув к окнам или же стоя в дверях, смотрели на шествие протеста против фабрики «Лорхер и Зайдельбах».

Марта Фенске увидела во главе демонстрации несколько странных гостей, которых Нелли называла своими друзьями. Был среди них и старик, напомнивший Паулю о тюрьме. Марта поспешно закрыла все окна и двери, чтобы ничего не видеть и не слышать.

В этот момент вышла из своей комнаты Нелли.

— Ты это куда собралась? — Марта преградила ей дорогу.

— Куда же еще?.. — Нелли кивнула в сторону улицы. — Они еще не знают, что опоздали. Я сама скажу им об этом!

Пиротехническая фабрика «Лорхер и Зайдельбах» была закрыта; восемьдесят четыре рабочих уволены и остались без средств к существованию. Лишь Паульсен, трое охранников — среди них и Ховельман, который так и не узнал, что Горица объявил его убитым, — двое рабочих и истопник по указанию дирекции получили единове-

менное пособие. Майор Вольноф распустил охрану, освободив Ромера от занимаемой должности.

Ромер тоже наблюдал за демонстрантами, читая лозунги, которые они несли. Он тайком вышел из дома.

— Что бы все это значило? — беспомощно спрашивала Марта.

— Я могу вам объяснить, — ответила Нелли. — В Гамбурге буквально вышвырнули на улицу людей, которые самовольно заняли два пустовавших дома. Полиция применила при этом ослепляющие гранаты. Трое бездомных пострадали и увезены в больницу с сильными ожогами.

Нелли отстранила тетушку; выйдя в коридор, она обернулась и добавила:

— На фабрику демонстранты теперь могут и не ходить, пусть лучше займутся Крампеном и Зайдельбахом! — С этими словами она вышла из дома.

— Зайдельбахом?! — крикнула ей вдогонку Марта. — Его здесь нет, сегодня утром его на «скорой помощи» увезли!

Но Нелли уже не слышала этих слов.

Марта сбежала вниз по лестнице, желая предупредить об опасности Крампена, который обычно по утрам спал до одиннадцати часов. Она постучалась к нему в комнату, но ей не ответили. Тогда она приоткрыла дверь и тут увидела, что в комнате никого нет. Постель была застлана, в шкафу и ящиках — никаких вещей. Марта опустилась на стул: Крампен неожиданно исчез, не заплатив за три недели пребывания в гостинице и за питание.

Она подошла к окну и выглянула на улицу. На площади она увидела Нелли, которая взобралась на скамейку и что-то горячо говорила толпе.

Коринна с трудом рассовала свои вещи в два чемодана и простионала:

— Больше я не в силах!..

Горица курил, стоя у двери.

— Наша машина не безразмерная! В Кении носят сафари!

Коринна взяла сигарету, и Фред дал ей прикурить, щелкнув золотой зажигалкой.

— Первый раз в жизни я проведу рождество и Новый год за границей!

— Разве это не романтично? — спросил он. — Хотя сейчас совсем не до этого!

— Я знаю, — со вздохом произнесла она, думая о Зайдельбахе. Она рассказала Фреду о том, как старик переживал пропажу. Фреда же радовало то, что профессор не станет извещать о случившемся полицию.

— Как я рада, что снова смогу носить свою фамилию, — сказала Коринна. — К фамилии Крамер я так никогда бы и не привыкла.

Свои фальшивые документы она сожгла в ванной.

Фред сел рядом с Коринной и обнял ее со словами:

— Я знаю, что тебе сейчас немного не по себе. Постарайся не думать о докторе...

— Ты должен дать старику сто тысяч, — прошептала она.

— Нам только этого и не хватало!

И снова, уже в который раз, он начал убеждать ее, что Зайдельбах никогда не стремился разбогатеть на своем открытии. С этой идеей носился Лорхер, он же, собственно, и пострадал, то есть получил то, что вполне заслужил.

— А как же Гундула?..

Фред в этот момент думал о том, как ловко ему удалось сколотить капитал на ослепляющем устройстве Зайдельбаха, не подвергая опасности самого себя. Однако он сразу же ответил Коринне:

— Давай сначала хорошо пристроим наши деньги, а уж потом выделим часть и Гундуле!

— И сколько же у нас на швейцарском счету?

— Один миллион шестьсот тысяч франков, — прошептал он в ответ, — в марках будет на десять процентов больше! — Он наклонился и поцеловал Коринну в губы.

В коридоре зазвонил телефон. Фред встал и, вздохнув, снял трубку.

— Господин Горица? — послышался из трубки голос Хонигмана.

— Да, это я, господин Хонигман, — так же строго ответил Фред.

— Я говорю из Тель-Авива и потому буду краток! Лорхер сбежал, забрав с собой семьсот пятьдесят тысяч франков. Он банкрот! Вы меня слышите?..

— Да, слышу. А какое мне до этого дело?

— Вы же знаете, во что мы вкладывали свои средства!..

Горица еще никогда не слышал столь взволнованного голоса Хонигмана.

— Послушайте меня, Бенно, — сказал Фред, — гешафт вы заключали с Бройером, а не со мной!

— Бройер ссылается лично на вас!

«Ну и идиот же этот Бройер! — с досадой подумал Горица, — ведь прежде он никогда не выдавал закулисных тайн».

— Бенно, давайте поговорим об этом спокойно...

— Не о чем говорить! — перебил его израильтянин. — Отвечайте на мои вопросы словами «да» или «нет»! Возместите ущерб?

У Горицы отнялся язык, но Хонигман требовал ответа.

— Какой еще ущерб?..

— В три четверти миллиона!

В висках у Фреда бешено стучало.

— Вы шутите?..

Голос Хонигмана стал печальным:

— Нет, это вовсе не шутка! Ущерб, Горица! — И он положил трубку.

Немного помедлив, Фред тоже положил трубку на рычаг.

Коринна стояла на пороге.

— Плохие новости? — спросила она.

— Ну да... Хотя нет! — Увидев, как она опечалилась, Фред добавил: — В жизни не всегда бывает так, как хотелось бы, моя дорогая!

Здание банка находилось на соседней улице, в понедельник там всегда было мало народу. Свой «форд» Ромер остановил перед входом. Теперь, когда их отношения с Мартой резко ухудшились, она редко давала ему свою машину.

В зале за высокими столами стояли одна молодая дама и какой-то господин; оба заполняли формуляры. Из трех окошечек были открыты два, за одним из которых работала молодая сотрудница, а за другим — кассир, который хорошо знал Ромера. С тех пор как Марта поручила ему вести все свои финансовые дела, Ромер регулярно бывал здесь. Он попросил кассира сообщить ему сальдо Марты. На счете оказалось семнадцать тысяч чейреста двадцать марок и двенадцать пфеннигов.

Ромер заполнил чек на такую сумму, что кассир удивленно спросил его:

— Господин Ромер, на счете после этого останется всего двадцать марок и двенадцать пфеннигов, не так ли?

— Да, я знаю, — ответил он.

— А как вы желаете получить эту сумму? — спросил кассир, нажимая на невидимую кнопку.

— В крупных купюрах, — ответил Ромер с явным облегчением: он был рад, что ему не задают других вопросов.

— Один момент! — проговорил кассир, сортируя банкноты.

В этот момент в кассу вошел директор филиала банка, и оба господина о чем-то пошептались. Директор был вежливым человеком с приятными манерами. Печально улыбнувшись, он приблизился к окошечку. От Ромера не ускользнуло, что кассир запер сейф с деньгами.

— Вы закрываете счет, господин Ромер? — спросил директор.

— Нет, — ответил Пауль. — Просто я решил закупить новое оборудование для бара!

— Я понимаю, — участливо сказал директор, — и убежден, что вы просто забыли, что вы еще должны сделать, чтобы получить деньги. — Он подбадривающе улыбнулся.

Ромера бросило в жар: от него ждали, чтобы он назвал пароль. Выходит, что Марта далеко не слепо доверяла ему, как он полагал.

— Извините, но я должен поинтересоваться, действуете ли вы по заданию владелицы счета...

— Нет, — прервал его с усмешкой Ромер, — я хотел сделать ей сюрприз! — Он нагнулся к окошечку и тихо добавил: — Белый «мерседес», редкий случай, наполовину подарок!..

— Верно, ффрау Фенске как-то мне говорила... — Он неожиданно замолчал и покачал головой. — Мне очень жаль, господин Ромер, но сюрприза у вас не получится, так как вы не знаете пароля. А это необходимо для получения наличными свыше тысячи марок!

С разочарованным видом Ромер вышел из банка, не сказав, что он скоро вернется. А вскоре после его ухода в банк зашла и сама ффрау Фенске.

Кассир вежливо поприветствовал уважаемую вкладчицу и сказал ей:

— Я все сделал!

— Что именно? — удивилась Марта.

Сообщение кассира о том, что господин Ромер только что пытался снять с ее счета почти все деньги, заставило Марту то покраснеть, то побледнеть. Она призналась,

что пришла сюда как раз для того, чтобы лишить Ромера права распоряжаться ее вкладами. О причине она умолчала.

Ответ, полученный ею из бюро детективов в Ганновере, окончательно выбил ее из колеи. Оказалось, что Пауль имел несколько судимостей: порой он зарабатывал себе на жизнь незаконным путем. С тяжестью на сердце она решила порвать с Паулем. Теперь Марта постоянно думала, под каким предлогом сделать это, в чем конкретно обвинить Пауля. Однако у нее Пауль не украл ни марки, напротив, с его помощью она улучшила дело... Неожиданно весь ее гнев обратился против того старика, что напомнил Паулю о прошлом. Не пояись этот старик, она, возможно, стала бы женой Ромера и уехала бы вместе с ним в Ла-Корунью!

После посещения банка Марта твердо решила, под каким именно предлогом она расстанется с Паулем.

Путешествие Фреда и Коринны началось неудачно. Не успели они выехать на шоссе, как их автомашина на обледенелом участке дороги скатилась в кювет, откуда их вытащили с помощью трактора. По счастливой случайности оба они отделались легкими ушибами.

Чуть позже полетела коробка передач, и им пришлось долго торчать в ремонтной мастерской. До ближайшего отеля они добрались лишь ночью.

Сначала Фред намеревался поехать в одно место, но по дороге передумал, чем очень удивил Коринну. Затем он звонил кому-то в Цюрих. За завтраком Фред избегал вопросительных взглядов Коринны, но потом все же объяснил, что он перенес полет в Кению на день раньше и уже перезаказал билеты.

— Что означают все эти перемены? — спросила она.

Он не ответил и, неожиданно сощутив глаза и глядя мимо Коринны, уставился в стенное зеркало, висевшее в ресторане. Сквозь открытую дверь он хорошо видел все, что делается в вестибюле.

— В зеркале я вижу администратора, — проговорил он, едва заметно шевеля губами. — Ты его видишь?

— Вижу, — ответила Коринна.

— Скажи, а ты не узнаешь воп того черноволосого, в кожаной куртке с меховым воротником?

— По-моему, я его не знаю... — ответила она неуверенно.

— Представь себе его в кожаном пальто, шляпе и очках, — предложил Фред. — Помнишь, когда мы выехали из Бюля, не он стоял тогда с одним молодым парнем возле бензозаправки?

Коринна старалась вспомнить, но так и не смогла: все остановки казались ей похожими одна на другую. Мужчина в куртке положил тем временем деньги на стойку администратора. Несколько секунд Коринна разглядывала профиль мужчины, но, так и не вспомнив ничего, спросила:

— Ты думаешь, нас преследуют?

Горица пожал плечами и ничего не ответил.

Слуга тем временем отнес их багаж в подземный гараж. Коринна сама помогала его укладывать, а Горица достал из своего чемодана миниатюрный пеленгатор и начал что-то ловить. Лицо у него было сосредоточенно-напряженное. Когда он немного отходил от машины в сторону, свист в пеленгаторе становился значительно тише, а когда приближался, свист заметно усиливался.

— Покрывало! — вдруг потребовал Горица и буквально вырвал его из рук Коринны. Бросив покрывало на пол, он улегся на него и, светя себе фонариком, осмотрел днище машины. К коробке передач был прикреплен магнитом небольшой предмет величиной с зажигалку.

Когда Горица поднялся и посмотрел на Коринну, она заметила в его глазах страх.

Неожиданно выражение его лица стало мрачным и решительным.

Он не ошибся: за ним следили и даже преследовали их. Свист, раздававшийся на определенной волне, помогал преследователям ехать за ними, даже не видя их. Оглянувшись, Горица сунул передатчик под машину с американским номером.

Они выехали на дорогу, но вместо автомагистрали, что вела в Цюрих, Фред поехал по старой дороге, намереваясь свернуть на шоссе несколько позднее.

— Скажи мне наконец, кто нас преследует? — попросила Коринна.

— Я тебя никогда не посвящал в свои дела, — заявил оп. — Так и впредь будет!

— Я тебя не понимаю, — обиженно заметила Коринна. — Твои дела — это мои дела!

На лице Фреда появилась усмешка. Пошел снег, и Горица включил «дворники» и фары. Вскоре он заехал на стоянку. Горица не выключил мотор и, повернувшись

к Коринне, положил руку ей на плечо. Теперь он снова стал прежним Фредом, которого она любила, несмотря на все его недостатки.

— Ты романтическая особа, — ласково сказал он. — Конечно, мужчина и женщина должны делить друг с другом и радости, и горести, и я это делаю... Однако, как мужчина, я должен брать на себя бóльшую часть бед!

Он ожидал, что Коринна оживится, но этого почему-то не случилось. Вдруг возле их машины появилась длинная тень: бесшумно к ним подкатил легковой автомобиль и остановился. Правое окошко, несмотря на метель, было опущено. Рядом с шофером сидел мужчина в черных очках, в кожаной куртке с меховым воротником. В руках он держал автомат, из дула которого вдруг вырвался сноп огня. Горица медленно сполз с сиденья... Последнее, что почувствовала Коринна, были тупые удары в грудь и руки...

На рассвете через Кизебютель промчались грузовик с полицейскими, вооруженными водометами, и крытая машина для арестованных. Местные жители повскакивали с постелей и бросились к окнам, чтобы посмотреть, что означает весь этот шум.

Марта Фенске в ту ночь вообще не спала, хотя разговор с Паулем прошел удивительно мирно. Он ничего не отрицал и обещал утром уйти из ее дома.

Выйдя в коридор, Марта прислушалась. Наверху было тихо. Лишь с улицы доносился шум удаляющейся колонны.

Полиция окружила фабричные здания, пытаясь рассеять толпу. Демонстранты передали начальнику полиции петицию, в которой они требовали прекращения производства ослепляющего оружия. Поскольку фабрика уже не работала, было совсем нетрудно пообещать выполнить их требования. Полицейский офицер по радио запросил у министра внутренних дел дальнейших указаний.

Марта сидела в холодной кухне, обхватив замерзшими руками чашку с горячим кофе. Она предавалась своим невеселым мыслям: снова одна в этом большом доме. Если бы Пауль не пытался снять с ее счета в банке все деньги, она могла бы и оставить его, но теперь...

В зале зазвонил телефон. Звонили из больницы и сообщили о том, что там скончался доктор Зайдельбах. Вверху хлопнула дверь, и вниз спустился Пауль. На го-

лове шляпа, сам в пальто, с чемоданом в руке. Он заглянул к Марте, когда она только положила телефонную трубку.

— Это из больницы, — сказала она. — Господин Зайдельбах умер.

— Вот как? — Пауль пожал плечами. — Что ж, все мы смертны...

В его тоне Марта уловила отчужденность, отрешенность от всего, что связывало его с Кизебютелем.

— Не будем тянуть время! — проговорил он совсем чужим голосом.

Марта всхлипнула и жалобно спросила:

— Может, ты хоть позавтракаешь?..

— Нет, — отрезал он, — нам еще надо поговорить о деньгах!

— О деньгах? О каких деньгах?.. — недоуменно спросила она.

С достоинством хозяина он достал сигару и раскурил ее, а сам исподволь следил за Мартой.

— О каких деньгах ты хочешь поговорить со мной?

Ромер сел, положив ногу на ногу, сдвинул шляпу на затылок и, не выпуская сигару изо рта, откинулся на спинку стула.

— Уж не думаешь ли ты, что я полтора года работал на тебя задаром?

Марта почувствовала, как у нее пересохло во рту. Она ухватила за спинку стула и опустилась на него. Поза, в которой сидел Пауль, напомнила ей гангстера из одного американского кинофильма, да и вел он себя точно так же.

— Ты сама виновата, что теперь тебе придется дорожке платить! Если бы ты не положила деньги в банк с паролем, меня бы здесь уже не было... А теперь... — Неожиданно он замолчал и посмотрел на нее так, будто она была для него совершенно чужой.

Марта не находила себе места. Ее злило, что он так с ней обращается, но в то же время она испугалась, что находится у него в руках. Она поняла, что Пауль опасный вымогатель и пантажист.

— Чего ты хочешь? — стараясь успокоиться, обратилась к нему Марта.

— Пятьдесят тысяч наличными! — потребовал он не моргнув глазом.

Марта не могла вымолвить ни слова в ответ — она была потрясена.

— И вот еще что, — продолжал Ромер, — отдашь мне свою машину: на моем «форде» далеко не уедешь. Ты все равно будешь покупать себе «мерседес». Вот документ, что ты мне его продала. Подпиши!

С этими словами Пауль вынул из нагрудного кармана лист бумаги и положил его перед Мартой, но она сердито смахнула его со стола на пол. Пауль нагнулся, поднял бумагу и, выпрямившись, приблизил свое лицо к лицу Марты.

— Это будет стоить тебе десять тысяч! — тихо, но с угрозой проговорил он.

— Да ты сумасшедший!..

— Если ты сегодня же вечером не рассчитаешься со мной, то завтра финансовое управление получит сообщение о твоих махинациях с Нойройтером! Таким материалом заинтересуются и газеты: корреспонденты слетятся как мухи на мед. А югославы выплатят мне премию, если получат обратно произведения искусства!

— Ну и мерзавец же ты! Чтобы ноги твоей в моем доме не было!

Ромер усмехнулся так, будто ему сказали комплимент; бумагу на машину он снова подвинул к ней, положив рядом ручку.

— Подпиши!

Марта беззвучно заплакала. Слезы капали на бумагу, когда она ее подписывала. Пауль достал из сейфа штемпель и поставил на бумагу печать. Затем он свернул листок и спрятал его в нагрудный карман.

— Сегодня вечером, в семь часов, жду от тебя шестьдесят тысяч! — Сунув сигару в пепельницу, он вышел.

Марта убежала в кухню, подошла к окошку и смотрела на удаляющегося Пауля. Собака рвалась с цепи. Пауль подошел к псу и потрепал его по шее. «Выходит, собака ему дороже, чем я...» — с горечью подумала Марта.

Ромер отворил дверь сарая и посмотрел на сеновал, где у него была спрятана ампула с ядом. Но он не полез туда, так как прекрасно понимал: Марта все еще наблюдает за ним. Пауль решил забрать ее незаметно вечером. Положив свой чемодан в машину Марты, он открыл ворота и уехал.

Вечером Марта спустила собаку с цепи. Вдруг кто-то перемахнул через забор и направился во двор. Пес радостно закулил.

— Ты действуешь как вор! — сказала Марта, идя на встречу Ромеру.

Он не хотел ей объяснять, что намеревался забрать с сеновала ампулу, хотя и сам еще не знал, для чего она ему. Однако взять ее было необходимо, ведь ампула могла попасть в чужие руки, и след обязательно привел бы к нему.

Марта направилась в дом, Пауль пошел за ней. Когда они оказались в коридоре, он спросил:

— Принесла деньги?

Она не стала отвечать на его вопрос в темноте, желая посмотреть на выражение его лица, и вошла в зал для гостей. Пауль остановился на пороге.

— Я спросил, принесла ли ты деньги?

— Нет! Ты не получишь от меня ни марки! Владей моей машиной и считай, что мы квиты!

Пауль был поражен ее смелым ответом. Марта же злобно рассмеялась.

Вверху хлопнула дверь: с чемоданом в руке вниз спустилась Нелли.

— Ах вот оно что, понимаю! — злобно проговорил Пауль. — Ты думаешь, что я шучу? Ошибаешься!

Нелли прошла мимо Пауля и, повернувшись к тетушке, спросила:

— И ты еще разговариваешь с этим вымогателем?

Ромер моментально сник, будто его ударили по лицу.

— Демонстранты развели на площади костер, — сказала Нелли.

— Иди, я тебя провожу, — проговорила Марта и, повернувшись к Паулю, добавила: — Уходи, и что б я тебя здесь больше не видела!

— Ты еще пожалеешь об этом, — прошипел Пауль. — Я заявлю в финансовое управление!

— Это будет мне стоить дешевле, чем расплачиваться с тобой! — холодно бросила Марта.

Она открыла дверь. На площади действительно горел костер, вокруг которого толпились замерзнувшие демонстранты.

Ромер сел в автомобиль и поехал задами, погруженный в свои мысли. Ампулу с ядом нельзя было оставлять на сеновале. Что же теперь делать? Отказ Марты он воспринял как решающее поражение. Значит, он явно недооценивал эту женщину.

Со стороны площади доносились полицейские свистки.

Проехав еще немного задней улочкой, Ромер остановил машину. Он вынул из багажника десятилитровую ка-

нистру с бензином и направился через сад к дому Марты. Снег скрипел у него под ногами.

Открыв дверь сарая, он нырнул в темное помещение. На ощупь он нашел охапку сена, полил ее бензином и, кинув в нее зажженную спичку, бросился назад, к машине.

Через несколько минут он услышал сильный взрыв. С крыши полетели кирпичи. Пламя бесновалось с ужасной силой. Вскочив в машину, он рванул с места. Выехав на дорогу, Пауль вдруг резко остановил машину и оглянулся назад. Над селом полыхало яркое зарево пожара.

В январе ударили сильные морозы, лед на озере промерз настолько, что на нем спокойно можно было проводить соревнования на буерах, или, как их здесь называли, ледовую регату.

В «Посейдоне» собрались завсегдатаи, к числу которых причислял себя и директор Виндиш, чтобы поскользиться по ледяной глади озера на буере.

Фон Венген зарезервировал для себя и своих гостей голубую гостиную. Сидя в удобных, мягких креслах, он вместе с подполковником Вольнофом через огромное окно в бинокль следил за гонками. Лица обоих уже слегка разругнялись от выпитого виски.

Фон Венген считал вполне своевременным ввести руководителя «МАД» в яхт-клуб, хотя подполковник и не являлся заядлым яхтсменом. Полковник Роль не смог принять приглашения, так как находился в горах Швейцарии, обосновавшись в той самой хижине, которую ему предложил доктор Шауер.

Дверь голубой гостиной была открыта. Вошел новый обер-кельнер Дорнберг и поинтересовался, не желают ли господа еще чего-нибудь. Фон Венген не заметил, как Вольноф и Дорнберг обменялись беглым взглядом: «МАД» удалось внедрить в эту организацию своего человека.

— Вы слышали, — заговорил фон Венген, когда Дорнберг вышел, — что Лорхер якобы находится в Бразилии?

Отставной генерал наполнил бокалы и произнес тост:

— Давайте выпьем за удачный конец операции «Степной барашек»!

Вольноф чокнулся с ним, выпил свое виски и сказал:

— А вы знаете, господин генерал, что израильяне при наступлении на Голанские высоты обстреливали их новыми, ослепляющими снарядами?

— Действительно?.. — Фон Венген был удивлен.

— Одиннадцать сирийских солдат лишились зрения!

Эти сведения Вольноф получил от Хонигмана, с которым он накануне встречался во Франкфурте. Израильтянин находился в неважном настроении и начал философствовать об ошибках, которые, к сожалению, уже невозможно исправить. В самом конце встречи он сообщил, что господин Горица по чистому недоразумению погиб в Швейцарии, став жертвой бандитского налета, и, таким образом, унес с собой в могилу пароль своего счета в Цюрихском банке.

— Вы говорите, по недоразумению? — спросил Вольноф.

— Да, это было недоразумение, к сожалению! — уверенно ответил Хонигман с печалью в голосе, которая была похожа на настоящую.

Вольноф постарался вернуться к действительности.

— Моему Филиусу не нравится в Америке, господин генерал, — как бы мимоходом заметил он. — Вы, случайно, не замолвите Линдштедту словечко, чтобы он отозвал его оттуда обратно?

— Я посмотрю, что в этом отношении можно сделать, камерад Вольноф! — пообещал фон Венген. — Возможно, представится вакансия на фабрике в Кизебютеле...

Вольноф понимающе кивнул, вспомнив о том, что благодаря своевременному вмешательству полиции в декабре демонстрантам не удалось нанести никакого вреда пиротехнической фабрике. Сгорела лишь сельская гостиница в Кизебютеле, когда полиция разгоняла демонстрантов с сельской площади.

— Господин Линдштедт очень сожалеет, что умер доктор Зайдельбах, — сказал фон Венген. — С помощью «ВОМА» он, как заведующий лабораторией, мог бы добиться новых успехов!

— Их у него и так было достаточно, — Вольноф улыбнулся и добавил, что за день до смерти ученый переписал свое завещание, по которому лишил свою ассистентку всякого права на наследство, поскольку она снюхалась с Горицей. Она все еще лежит в швейцарской больнице. Свой дом Зайдельбах завещал экономке, но основная часть наследства перешла к внучке одного из бывших охранников.

— Девица, говорят, ходит с большим пузом, — заметил Вольноф. — Теперь мне все ясно!

Подполковник бросил взгляд в окно. Лед на озере, отражая солнечные лучи, блестел, как большое серебряное блюдо. Легкий бриз надувал паруса буеров, и они легко скользили по льду.

— Господин Виндиш идет впереди! — заметил Вольноф.

— Такие, как Виндиш, всегда и во всем идут впереди! — произнес фон Венген с улыбкой, а сам невольно подумал о том, что новый молодой директор «ВОМА» теперь сможет обходиться без его указующей руки.

СОДЕРЖАНИЕ

	<i>Стр.</i>
1. Белая молния	3
2. «Посейдон»	20
3. Марионетки	35
4. Сейф	56
5. Неожиданный поворот	77
6. Мертвые глаза	93
7. Коринна	126
8. Борьба спрутов	146
9. Десять минут первого ночи	170
10. Турбулентные вихри	191
11. Следы на снегу	217
12. Расчеты	235
13. Старое начинается заново	262

Ганс Зибе

ОПЕРАЦИЯ «СТЕПНОЙ БАРАШЕК»

Р о м а н

Перевод с немецкого *Ю. И. Легких*

Редактор *Г. Г. Афанасьев*

Редактор (литературный) *Г. И. Гагарина*

Художник *А. И. Сухоруков*

Художественный редактор *Т. А. Тихомирова*

Технический редактор *Т. Г. Пименова*

Корректор *А. К. Акименкова*

ИБ № 2594

Сдано в набор 9.07.86. Подписано в печать 27.05.87. Формат 84×108/32.

Бумага тип. № 2. Гарн. обычн. новая. Печать высокая. Печ. л. 8³/₄.

Усл. печ. л. 14,70. Усл. кр. отт. 14,44. Уч.-изд. л. 16,05.

Тираж 65 000 экз. Изд. № 10/404. Зак. 159. Цена 1 р. 80 к.

Воениздат, 103160, Москва, К-160.

1-я типография Воениздата.

103006, Москва, К-6, проезд Скворцова-Степанова, дом 3.

1 р. 80 к.

Ганс Зибе ОПЕРАЦИЯ "стешной барашек"